

С. ФОНВИЗИНЪ

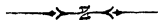
Мамовъ
19^{го} ^{сентября} / 32.
Горюхинымъ
и выданъ 27/11.
18

СЕМЬ МѢСЯЦЕВЪ ВЪ ЕГИПТѢ

И

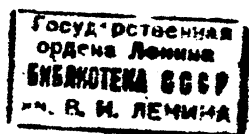
ПАЛЕСТИНѢ

ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910



55791-72



2007067363



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.	СТРАН.
I. Отъ Петербурга до Каира	1
II. Садъ Эзбекіе и египетская флора. Первыя впечатлѣнія	12
III. Улица Муски.—Базаръ Кханъ-Кхалиль.—Мечети: Хо- сейна, Калауна и Ель-Азаръ.—Похороны	16
IV. Трамваи, извозчики, проводники и погонщики ословъ.— Цитадель.—Могилы халифовъ и мамелюковъ.	21
V. Арабскій музей.—Мечети султана Гассана и Рифаѣ.— Арабская религіозность.	28
VI. «Splendid bar»	31
VII. Коптская церковь св. Сергія.—Мечеть Амру.—Производ- ство пористыхъ кувшиновъ.—Нилометръ	33
VIII. Музей египетскихъ древностей и ѡфрованія древнихъ Египтянъ относительно загробной жизни.—Дождь.— Театръ.	36
IX. Островъ Гезире.—Акваріумъ.—Полиція.—«Бакишишъ» . .	41
X. Ниль и каирская плотина	43
XI. Геліополь.—Дерево Богородицы.—Ферма страусовъ.— Феллахская деревня и ея обитатели.	46
XII. Пирамиды Гизе и Сфинксъ.	50
XIII. Хелуанъ.—Вилла Ванда.—Мустики.—Пустыня	62
XIV. Байрамъ.	67
XV. Бедрашейнъ.	—
XVI. Праздникъ «Священнаго ковра»	70
XVII. Пансіонская жизнь.	72
XVIII. Мемфисъ и Саккарскій некрополь.—Вѣтры Египта . .	81
XIX. Арабская свадьба.—Обрѣзаніе.	89
XX. Церковная служба въ день Рождества.—Отъ Хелуана до Луксора	92
XXI. Луксоръ.—Grande pension de famille.—Карнакъ.—Скачки.	96
XXII. Храмъ Сетоса I.—Могилы царей.—Храмъ Денръ-ель-Бахри.	105
XXIII. Колоссы Мемнона.—Медине-Абу.—Храмъ Денръ-ель-Ме- дине.—Шейкъ-Абдъ-ель-Курма.—Рамессеумъ	110
XXIV. Охота. Коптское богослуженіе.—Большой Луксорскій Храмъ.—Неумѣтная экономія	114

ГЛАВЫ.	СТРАН.
XXV. Вторичный осмотръ Карнака.—Скандалъ въ благородномъ семействѣ.—Компанія большихъ международныхъ гостиницъ.—Отъ Луксора до Ассуана	117
XXVI. Ассуанъ.—Островъ Елефантина и Savoy Hotel.—Островъ Филе	120
XXVII. Куббетъ-ель-Хава. Базаръ.—Монастырь св. Симеона—Desert camp.—Бишарійцы.	124
XXVIII. Ассуанская плотина.—Возвращеніе въ Хелуанъ.—Дождь. Баль.—Folle journée	129
XXIX. Смерть доктора К.—Паломники.—Пора уѣзжать	132
XXX. Отъ Хелуана до Іерусалима.	135
XXXI. Іерусалимъ.—Русскія владѣнія.—Палестинское общество. Русская улица	140
XXXII. Старый городъ.—Елеонская гора.—Часовня Вознесенія.—Храмъ Отца.—Церковь Вознесенія и русская башня.—Женская община	144
XXXIII. Храмъ Гроба Господня.—Русскій домъ.—Via dolorosa .	146
XXXIV. Харамъ-ешъ-Шерифъ.—Визитъ къ Патріарху	153
XXXV. Благовѣщеніе.—Кедронская долина и ея достопримѣчательности	157
XXXVI. Торговый центръ Іерусалима.—Дома Каіафы, Анны, Іоанна и Тайной вечера.—Молочный базаръ.—Католическая церковь св. Анны. Выезда.—Музей	160
XXXVII. Погребальная пещера Богородицы и пещера «Моленія о чашѣ».—Католическій Геосиманскій садъ и русское Геосиманское мѣсто.—Церковь Маріи Магдалины	163
XXXVIII. Іерихонъ, Іорданъ и Мертвое море.—Выезанія	166
XXXIX. По дорогѣ въ Вилеємъ: монастырь св. Іліи, могила Рахили, Бетъ-Джала.—Храмъ Рождества.—Млечная пещера.—Соломоновы пруды	179
XL. Соломоновы пещеры.—Гротъ Іереміи.—Мѣсто «плача» евреевъ.—Проповѣдь игумена Арсенія	184
XLI. Отъ Іерусалима до Венеціи.	188



I.

Отъ Петербурга до Каира.

Между Петербургомъ и Одессой—съ полдюжины поѣздовъ прямого сообщенія. Удобнѣйшій изъ нихъ отходитъ въ 9 часовъ вечера. Вагонъ перваго класса—совсѣмъ хорошъ. Отдѣлка въ стилѣ *moderne*—очень изящная; въ проходѣ—цѣльные зеркальные окна; освѣщеніе—мало того что электрическое, но въ каждомъ отдѣленіи особая лампочка, которую можно или вѣшать на стѣну, или ставить на столъ; рядомъ все время—вагонъ ресторана; даже проводникъ не пребываетъ, какъ обыкновенно, въ хроническомъ отсутствіи, а является съ должной быстротой на нажимъ электрической кнопки. И, тѣмъ не менѣе, наши родные «авось, небось и какъ-нибудь» не могли не сказаться и тутъ. Просыпаемся утромъ,—что такое? На коврѣ, между диванами, порядочная лужа. Оказывается, изъ вентилятора капаетъ. Посмотрѣли въ окно,—дождь такъ и льетъ. Зовемъ проводника, забывшаго, вѣроятно, завинтить вентиляторъ. Не тутъ то было. Что онъ съ нимъ ни дѣлалъ, какъ ни старался, а изъ него капало себѣ да капало... такъ почти до самой Одессы и прокапало. Тоже происходило и въ вагонѣ-ресторанѣ, но въ большемъ размѣрѣ. Тамъ на полу стояли цѣлыя лужи, вентиляторы превратились въ форменныя души, и всѣ, подъ нихъ попадавшіе, получали изрядную порцію холодной влаги.

Въ день отъѣзда изъ Петербурга погода стояла солнечная, ясная, но при сильномъ, холодномъ вѣтрѣ; потомъ, почти двое сутокъ—дождь, а въ Одессѣ—опять синее небо и яркое солнце. Но для Юга и времени года (22-ое сентября), какъ будто, холодновато: всего 6° въ тѣни.

Мы уже были въ Одессѣ года два назадъ и тогда останавливались въ очень порядочной гостиницѣ—«Бристоль»; теперь же, вопреки мудрой, но малосоотвѣтствующей человѣческому характеру пословицѣ: «отъ добра добра не ищутъ»,—рѣшили по-

мѣстится въ «лучшей» изъ всѣхъ мѣстныхъ гостиницъ—«Лондонской». И... раскаялись. Положимъ, мѣстоположеніе—Николаевскій бульваръ—прекрасное, зданіе красивое, но и только. Номеръ, по цѣнѣ неважный, а кухня и прислуга никуда не годятся. Опытъ меня убѣдилъ, что почти безошибочнымъ критеріемъ достоинства гостиницы является сравнительная быстрота съ какой прислуга отзывается на звонокъ. Если вамъ приходится звонить нѣсколько разъ, можете быть увѣрены, что найдутся и другіе, болѣе существенные недостатки. Тотчасъ по пріѣздѣ намъ потребовался коммисіонеръ. Звоню разъ, другой, третій,—ну, думаю, дѣло дрянъ. Спускаемся въ столовую. Обѣдъ, въ 2 рубля, прескверный. Какъ зеленъ—шпинатъ съ яйцами, а на жаркое—хотя и бекасы, но совершенно тухлые. Закуска, съ рюмкой водки, 75 копѣекъ, а $\frac{1}{2}$ бутылки мартовскаго пива—65 копѣекъ. Кушанья приносятся особыми мальчиками, а лакен, хотя и въ ливрейныхъ фракахъ, но служатъ крайне небрежно, съ видомъ разсѣянна-снисходительнымъ, занимаясь болѣе разговорами другъ съ другомъ и нѣкоторыми изъ *habitués*. На слѣдующій день мы пошли обѣдать, по старой памяти, въ «Бристоль», гдѣ за 1 рубль 25 копѣекъ, насъ накормили гораздо лучше. Словомъ, «Лондонская гостиница»—далеко ниже своей репутаціи. Возможно, что когда-нибудь и была «лучшей», но составивъ себѣ извѣстность, успокоилась и понемногу стала опускаться.

Морское сообщеніе между Одессой и Александріей поддерживается пароходами Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Существуютъ двѣ линіи: прямая и круговая. Пароходы прямого сообщенія—ихъ три: «Чихачевъ», «Ольга» и «Николай»—всѣ одного типа—отходятъ еженедѣльно, по субботамъ и приходятъ въ Александрію въ пятницу.

Когда, около 10 часовъ утра, мы подъѣхали къ пристани, на палубѣ парохода толпилось столько народа, что даже сопровождавшій насъ юркій коммисіонеръ—изъ еврейчиковъ, конечно, общавшій намъ добыть отдѣльную каюту, недовольно поморщился. Къ счастью, какъ его, такъ и наши опасенія оказались неосновательными. Когда раздался послѣдній звонокъ, удалившій провожавшихъ и просто любопытныхъ, палуба, приняла довольно пустынный видъ. Пароходъ заревѣлъ и сталъ медленно поворачиваться на буксирѣ. Раздались прощальные возгласы, замахали платками и шляпами. Какая-то толстая пьяная баба, провожавшая со слезами и громкимъ причитаніемъ юнаго, безусаго солдата, теперь вдругъ подбоchenилась и съ визгомъ пустилась въ плясъ. Но вотъ—предъ нами свободное пространство, буксирная веревка шлепнулась въ воду, раздалась команда:

«полный ход!»—и вскорѣ прощальные платки обратились въ бѣлыя точки, а далекій берег потускнѣлъ и затуманился.

Прощай Россія! Прощай бѣдная родина, гдѣ борьба за высокій идеаль свободы, неприкосновенности и достоинства личности, въ конечномъ результатѣ, привела къ полному отрицанію этого идеала; гдѣ правительственный деспотизмъ смѣнился несравненно тягчайшимъ, партійнымъ; гдѣ воровство и грабежъ гордо именуются экспроприаціей, а палачи и убійцы величаются героями; гдѣ добытая свобода выражается въ бойкотѣ и казняхъ за противныя убѣжденія, а «товарищи» разныхъ толковъ и наименованій, отвратительно загадивъ идею освободительнаго движенія, свели ее исключительно на вопросы брюха, къ немудрой формулѣ: «*ote toi de la que je m'y mette*»; гдѣ истинно свободному человѣку трудно дышать въ атмосферѣ всяческихъ насилій и разнузданнаго хамства...

Звонокъ къ завтраку прервалъ невеселыя думы.

Пассажировъ было немного: членъ константинопольской археологической комиссіи—небольшого роста, близорукій блондинъ—съ сестрой болѣзненнаго вида, которую онъ везъ къ себѣ на поправку; двое господъ—одинъ постарше, другой помоложе—изъ Кіева; пожилые супругъ съ супругой изъ Одессы, да турецкій чиновникъ съ женой, довольно красивой, но слишкомъ ярко одѣтой дамой. За нашимъ же столомъ воссѣдалъ и капитанъ—морякъ знающій и дѣльный,—но... какъ бы это выразить помятче—нѣсколько... суровый. Онъ далеко не всѣхъ удостаивалъ разговоромъ, а на предлагаемые вопросы или не отвѣчалъ вовсе, или же отвѣчалъ такъ, что отбивалъ всякую охоту къ дальнѣйшему проявленію пассажирской любознательности. Положимъ, послѣдняя—безгранична. Пассажиры, въ особенности туристы, обладаютъ способностью вопрошать съ утра до вечера, чѣмъ и могутъ довести мало-мальски нервнаго человѣка до бѣлаго каленья. Думается, это обстоятельство должно служить нѣкоторымъ оправданіемъ суровости капитана. Въ особенности отъ него доставалось одной барынѣ... впрочемъ, объ этомъ потомъ, такъ какъ особа, о которой идетъ рѣчь, сѣла на пароходъ позже, въ Константинополѣ.

Первый день—море, хотя и не зеркальное,—было спокойно; на слѣдующее же утро началась довольно непріятная боковая качка, такъ что нѣкоторые изъ пассажировъ сочли болѣе благо-разумнымъ не выходить изъ каютъ до самого Босфора, куда мы подошли въ третьемъ часу. Описывать тысячу разъ описанное—задача неблагоприятная. Ограничусь поэтому замѣчаніемъ, что я видѣлъ Неаполь съ моря и ни только не почувствовалъ желанія

умереть, но даже не ощутил особаго восторга, и что теперь Босфоръ произвелъ на меня гораздо болѣе сильное впечатлѣніе. Оба его берега живописно-возвышенны, кое-гдѣ прекрасная растительность, много красивыхъ зданій, дворцовъ и виллъ. Мнѣ лично Босфоръ болѣе всего напомнилъ, въ увеличенномъ масштабѣ конечно, нѣкоторыя части сѣверныхъ итальянскихъ озеръ.

Около 4-хъ часовъ подошли къ Константинополю. И на него видъ съ моря очень и очень недурень.

Среди окружавшихъ пароходъ лодокъ я замѣтилъ одну, съ надписью на флагѣ: «Palace Hôtel». Эту гостиницу намъ рекомендовали и, хотя субъектъ, возсѣдавшій въ лодкѣ, не внушалъ своей наружностью особаго довѣрія, мы ввѣрили ему себя и свои вещи. Но на берегу, около таможенъ, къ намъ подлетѣлъ другой типъ, который сталъ клясться и божиться, что избранный нами «Palace Hôtel»—дрянь, а надо ѣхать въ другой, его «Palace Hôtel»; когда же, въ недоумѣніи, я обратился за разъясненіемъ къ чиновнику, провѣрявшему паспорта, послѣдній, выругавъ предварительно обоихъ субъектовъ, съ гордостью заявилъ, что въ Константинополѣ всѣ гостиницы—palas'ы... При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, мы рѣшили положиться на судьбу и остаться вѣрными субъекту номеръ первый. Каково же было наше удивленіе, когда у крыльца гостиницы мы были встрѣчены субъектомъ номеръ второй. Получая отъ хозяина извѣстную сумму за каждаго доставленнаго пассажира, они оба старались объ одномъ и томъ же, причемъ въ таможенѣ чуть-чуть не передрались.

Строгая таможня въ Константинополѣ... Надо было видѣть торжествующе-озабоченную фізіономію таможеннаго чиновника, съ которою онъ извлекалъ изъ нашего дорожнаго несессера и внимательно рассматривалъ два невиннѣйшихъ французскихъ романа и нѣсколько иллюстрированныхъ прибавленій къ «Новому Времени», оказавшихся опасными для турецкой нравственности... Да, подданные Его Величества Султана могутъ спать спокойно: ихъ невинность ограждается самымъ тщательнымъ образомъ. На другой день, при возвращеніи на пароходъ, намъ эту опасную литературу вернули.

Дорога отъ порта—Галата—до европейской части города—Перы—идетъ узенькими, грязными, вонючими улицами, да и главная его артерія—«Grande rue du Pera»—не многимъ лучше. Тамъ же, т. е. на Grande rue, пресловутый «Palace Hôtel», оказавшійся далеко не palas'омъ. Третьеразрядная гостиница—не выше, хотя цѣны подстать перворазряднымъ. Номеръ холодный и голый, съ

какими-то несуразными кроватями: одна еще туда-сюда, а другая—размѣровъ необъятныхъ, человѣкъ на пять, по крайней мѣрѣ.

До обѣда прошлись по *grande rue*. Она длинная, но очень неширокая, съ узенькими тротуарами, а мѣстами и совсѣмъ безъ оныхъ. Шумно и людно, причемъ публика сплошной стѣной двигается по всей ширинѣ улицы, шарахаясь, какъ стадо овецъ при проѣздѣ экипажей.

На каждомъ шагу—чистильщики салога, что совершенно понятно, такъ какъ грязь непомѣрная. Много разряженныхъ барынь, много бѣлыхъ платьевъ, что, въ виду той-же грязи, производитъ странное впечатлѣніе. Десятки, сотни собакъ. Эти привеллигированныя животныя—некрасивыя, грязныя, паршивыя—преспокойно располагаются на тротуарахъ, то поодиначкѣ, свернувшись колечкомъ, то по нѣсколько штукъ—голова одной на хвостѣ другой—и не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія на толпу, которая старательно ихъ обходитъ. Стоить, однако, забрести въ извѣстный районъ чужой собакъ, и всѣ мѣстныя, какъ одна, на нее бросаются и съ неистовымъ визгомъ и лаемъ начинаютъ преслѣдовать.

По дорогѣ зашли въ какой-то садъ, гдѣ играла музыка. Въ саду—ресторанъ и передъ нимъ площадка, съ разставленными столиками, и недурнымъ видомъ на Золотой Рогъ. Много разряженной публики, въ особенности дѣтей. Оркестръ—военный, съ репертуаромъ изъ итальянскихъ оперъ—играетъ громко и въ ускоренномъ темпѣ. Входъ въ садъ—1 піастръ (8 коп.). Кажется, денегъ немного и, тѣмъ не менѣе, константинопольскіе правы сказались и тутъ: при сдачѣ, кассиръ умудрился обчислить меня на 2 копѣйки, слѣдуя, вѣроятно, пословицѣ: курочка по зернышку клюетъ.

Сравнительно съ Одессой, потеплѣло значительно. Еще утромъ, на пароходѣ было 13°, днемъ—15°, а здѣсь мы уже гуляли въ однихъ платьяхъ.

Обѣдъ въ *Palas'ф* оказался съѣдобнымъ, но столовая—крошечная, обстановка убогая. Когда-же въ одиннадцатомъ часу, я позвонилъ горничную, чтобы она оправила постели и принесла горячей воды, она явилась совсѣмъ заспанной, а горячей воды, за позднимъ (?) временемъ, и совсѣмъ не оказалось.

На слѣдующее утро взяли проводника и поѣхали осматривать городскія достопримѣчательности. Успѣли побывать въ св. Софіи, поражающей размѣрами, массою свѣта, голымъ, холоднымъ видомъ и грязными хорами, съ побитыми въ окнахъ стеклами и кучами голубинаго помѣта; въ императорскомъ музеѣ, гдѣ ве-

ликолѣнна гробница Александра Македонскаго, хотя принадлежность ея великому полководцу находится подъ сомнѣніемъ; на живописномъ ипподромѣ, съ тремя колоннами, и обелискомъ, и въ мечети Сулеймана, очень красивомъ зданіи, съ прекраснымъ видомъ на Босфоръ. Недалеко отъ послѣдней находится площадка съ массой голубей и пятью нищими, сидящими въ равномъ другъ отъ друга разстояніи. Нищіе продаютъ пшено, которое тутъ же бросаютъ голубямъ. Симпатично и остроумно: одной милостынею кормятся и люди и животныя.

Прошлись и по большимъ базарамъ, гдѣ торговцы хватаютъ за руки и чуть не силой тащатъ въ лавки. Тамъ же и завтракали,— по словамъ проводника—въ лучшемъ и посѣщаемомъ всѣми туристами ресторанѣ «Мегердичъ-Токашманъ». Достаточно вкусно, но обстановка опять неважная. Потомъ заѣхали въ гостиницу за вещами и около шести часовъ вечера вернулись на пароходъ.

Если сравнивать Константинополь съ благоустроеннымъ европейскимъ городомъ, то онъ, конечно, не выдерживаетъ критики. Узкія улицы, грязь, вонь, отвратительныя мостовыя, плохое освѣщеніе, тысячи скверныхъ псовъ и ихъ привеллигированное положеніе,—все это для мало-мальски культурнаго чловѣка въ достаточной мѣрѣ нестерпимо. Но восточная оригинальность и какая-то мягкая выдержанность толпы дѣйствуютъ подкупающимъ образомъ. Константинопольская толпа шумлива, но вѣжлива и благопристойна. Трудно себѣ и представить, что происходило бы, напримѣръ, у насъ на такихъ узкихъ улицахъ, при такомъ огромномъ движеніи какъ пѣшемъ, такъ и конномъ. Сколько несчастныхъ случаевъ, столкновеній, криковъ, брани... Положимъ, здѣсь кучера и извозчики не распускаютъ вожжи и не считаютъ галокъ, а пѣшеходы также глядятъ въ оба; положимъ, здѣсь—да и вездѣ въ Европѣ—отношеніе къ столкновеніямъ между экипажемъ и пѣшеходомъ совсѣмъ иное. У насъ всегда виноватъ кучеръ, здѣсь, за рѣдкими исключеніями, пѣшеходъ: не зѣвай! У насъ даже мелкій чиновникъ, въ своемъ департаментѣ то и дѣло присѣдающій направо и налево, лишь очутится на улицѣ, сразу разбухаетъ отъ сознанія своего величія и съ огромнымъ нахальствомъ лѣзетъ подъ экипажъ, тыча палкой въ морду лошади, а то и въ фізіономію извозчика, который, по его мнѣнію, обязанъ сворачивать предъ его особой. Само собой разумѣется, что подобные нахалы, попадая въ Парижъ, напримѣръ, совершенно спокойно ждутъ по нѣсколько минутъ возможности перейти черезъ бульвары. Тамъ имъ и въ голову не придетъ поднять палку, такъ какъ они знаютъ, что тотчасъ же попадутъ за это въ участокъ. Правда и то, что за-границей сво-

бода существуетъ для людей мирныхъ и благовоспитанныхъ; у насъ же, особенно въ послѣднее время, исключительно для нахаловъ и хамовъ.

На пароходѣ мы узнали, что нѣсколько пассажировъ не могли попасть въ Константинополь, такъ какъ у нихъ не были визированы паспорта. Лишь только пароходъ броситъ якорь и вплоть до его отхода, около него, день и ночь, прыгаетъ по волнамъ утлая лодченка, подъ краснымъ флагомъ, съ надписью: «police». Возсѣдающій въ ней чиновникъ осматриваетъ паспорта и, при малѣйшемъ изъянѣ, возвращаетъ пассажира на пароходъ. Говорятъ, однако, что бываютъ случаи, когда на берегъ не пускаютъ и при безукоризненномъ паспортѣ. Для этого, будто бы, достаточно, чтобы полицейскій чинъ нашелъ вашу физиономію подозрительной. Впрочемъ, чего же ожидать отъ порядковъ города, осужденнаго не имѣть электрическаго освѣщенія, вслѣдствіе сходства словъ: динамо-машина и динамитъ.

Въ довольно тяжеломъ положеніи очутилась одна барыня. Она въ Константинополѣ должна была пересѣсть на другой пароходъ, чтобы ѣхать въ Салоники. Паспортъ ея былъ визированъ, но съ отмѣткой: «Bon pour Salonique». И вотъ, вслѣдствіе чисто формальнаго упущенія, отсутствія добавочныхъ словъ: «et pour Constantinople», ей не позволили сѣхать на берегъ. Между тѣмъ, ея пароходъ еще не пришелъ и когда придетъ—никто не знаетъ; а завтра утромъ мы уйдемъ и ей придется провести неизвѣстно сколько времени, сидя въ лодкѣ, или на какой-нибудь грязной баркѣ, быть можетъ подъ дождемъ и въ бурю.

Пассажировъ прибавилось порядочно, въ первомъ классѣ—человѣкъ пятнадцать. Между ними—два контраста: дама колоссъ, размѣровъ, какъ въ вышину, такъ и ширину по истинѣ необъятныхъ, съ грудью, на которой легко могъ уставиться цѣлый поднось, съ кофейнымъ приборомъ на двоихъ, и съ такою же турнюрной частью,—и другая—крошечная, мишьятурная,—съ полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо округлостей, желтоватымъ личикомъ и острымъ носикомъ,—въ общемъ—совсѣмъ обезьянка, но очень недурно одѣтая, путешествующая съ массою багажа, собственнымъ longue-chaise и съ переплетенной въ матерію тетрадкой, въ которой она усердно что-то царапала. Послѣдняя тотчасъ же рекомендовалась дочерью извѣстнаго врача и близкой знакомой нѣсколькихъ министровъ и другихъ, не мѣлѣе именитыхъ государственныхъ и иныхъ мужей. Происходило это за завтракомъ и суроваго капитана такое хвастовство, видимо, коробило.

— Капитанъ, сколько стоитъ телеграмма изъ Пирея въ Петербургъ?—съ милой улыбкой обращается къ нему обезьянка.

— Справьтесь на телеграфѣ, сударыня,—отрѣзываетъ капитанъ.

Обезьянка удивленно на него взглядываетъ и, полагая очевидно, что онъ еще не сообразилъ, съ кѣмъ имѣетъ счастье бесѣдовать, рѣшается его поразить.

— А, скажите, пожалуйста, примутъ отъ меня телеграмму на имя министра N. N.?

— А развѣ господину N. N. запрещено получать телеграммы? Въ первый разъ слышу.

Обезьянка конфузится, совсѣмъ не того впечатлѣнія ожидала она отъ министра.

— Да... нѣтъ... завтра... Завтра, видите-ли, годовщина Горнаго-Дубняка и необходимо его поздравить.

— Съ чѣмъ, позвольте узнать?—И маленькіе глазки капитана насмѣшливо прыгаютъ.

— Ахъ, онъ въ этотъ день былъ раненъ.—Недоумѣвающее поднятіе плечъ и ироническое хихиканье.

— Нашли съ чѣмъ поздравлять, сударыня!

Обезьянка окончательно теряется и умолкаетъ. Однако, подъ конецъ завтрака дѣлаетъ еще попытку. Съ кроткою, но обворожительной улыбкой и почти умоляющимъ голосомъ, она нѣжно вопрошаетъ:

— Капитанъ, въ которомъ часу мы придемъ въ Пирей?

Но у капитана, очевидно, кожа толста, его ничѣмъ не проймешь.

— Согласно росписанію, сударыня.—И, сложивъ салфетку, онъ встаетъ и быстро удаляется.

Обезьянка негодующимъ взглядомъ обводитъ присутствующихъ, выскакиваетъ на палубу и хватаетъ переплетенную тетрадь. Ея карандашъ такъ и прыгаетъ по страницамъ, имъ, видимо, управляетъ чувство оскорбленнаго достоинства и глубокаго негодованія. Потомъ она подходитъ къ борту и мечтательно задумывается и вдругъ стремительно атакуетъ проходящаго пароходнаго врача. Тутъ ей везетъ больше, такъ какъ врачъ молодъ и застѣнчивъ. Въ свою очередь ея контрастомъ—мастодонтистой барыней—увлекается упитанный толстолицый англичанинъ,—большой, вѣроятно, любитель готтентотскихъ женскихъ особенностей.

По росписанію, мы должны были придти въ Пирей на слѣдующій день ровно въ часъ, а уйти—«по окончаніи операцій, но не ранѣе 5-ти часовъ». Слѣдовательно, можно съѣхать на берегъ

и побывать въ Афинахъ. Но пароходъ опоздалъ на два часа. Понятно, что пассажировъ, желавшихъ осмотрѣть Афины—а таковыхъ было большинство,—очень интересовалъ вопросъ, отойдетъ-ли пароходъ, согласно росписанію, въ 5 часовъ,—тогда не стоило и съѣзжать—или же, въ виду двухчасового опозданія, и остановка будетъ соотвѣтственно увеличена. Вотъ тутъ-то, въ особенности, сказалась несообщительность, даже, пожалуй, нелюбезность капитана. Онъ упорно отмалчивался и лишь послѣ того, какъ пароходъ бросилъ якорь, вывѣсилъ объявленіе, что онъ отойдетъ въ 6 часовъ. Времени, какъ будто, маловато, но мы все же рѣшили ѣхать. Къ намъ присоединились двое господъ изъ Кіева, пожилые супругъ съ супругой изъ Одессы и обезьянка. Сговорившись съ однимъ изъ явившихся проводниковъ, сѣли въ лодку и черезъ нѣсколько минутъ были на берегу. Да, забылъ упомянуть, что въ Пирей произошла встрѣча мастодонтистой барыни съ ея супругомъ,—командиромъ, или старшимъ офицеромъ одного изъ стоявшихъ тамъ военныхъ судовъ. Супругъ—мущина хорошаго среднего роста и плотнаго сложенія—попавъ въ объятія супруги, совсѣмъ потонулъ въ нихъ, казался лилипутъ въ объятіяхъ гуингма.

Пирей—гавань Афинъ—небольшой и мало интересный портовый городокъ. Впрочемъ, онъ является удобнымъ мѣстомъ сообщенія съ западной Европой, чрезъ Патрасъ и Бриндизи. Отъ пристани до станціи электрическаго трамвая—нѣсколько минутъ ходьбы. Поѣзда отправляются каждые полчаса, ѣзды 20 минутъ. По дорогѣ—дачная мѣстность—Фалеръ,—съ красивыми виллами.

Размѣстились въ двухъ ландо и поѣхали. Видѣли публичную бібліотеку, университетъ, академію, мѣсто для олимпійскихъ игръ (амфитеатръ), подаренный городу богатымъ александрійскимъ купцомъ Северо и неособенно красивый королевскій дворецъ; за то дворцы двухъ сыновей короля Константина и Георгія—очень недурны. Улицы прямая, достаточно широкія, мостовыя прекрасныя. Вообще, городъ красивый и кажется чистымъ и благоустроеннымъ.

Встрѣтили похороны. Хоронили старуху, должно быть изъ важныхъ, такъ какъ нашъ проводникъ въ большой, слѣдовавшей за гробомъ, хорошо одѣтой толпѣ указалъ намъ какого-то министра, чѣмъ привелъ въ полный восторгъ обезьянку. Но гробъ несли на рукахъ, открытый, а роль пѣвчихъ исполняли одинъ дьячекъ. Въ толпѣ провожавшихъ—дамы шли отдѣльно отъ мужчинъ, впереди.

Наконецъ, вотъ и Акрополь... Сѣдая старина! Мгновенно ожили сохранившіеся въ памяти величавые образы классиче-

ской древности... Вотъ храмъ Юпитера, съ ведущими къ нему Воротами Адріана, храмъ Тезея, Побѣды, Минервы, наконецъ—Парфенонъ; у его подножія—Театръ Бахуса. Вотъ—темница «мудрѣйшаго изъ людей», кончина котораго доказала такъ давно и столь наглядно, что предразсудки толпы, основанные на ея пошлости и глупости,—всесильны. Есть и достопримѣчательности скорѣе апокрифическаго характера. Нашъ проводникъ, напри-мѣръ, указалъ намъ гробницу у подножія Акрополя, въ которой, будто бы, похороненъ какой-то юноша, влюбившійся въ дочь знатной особы и, вслѣдствіе полученнаго отказа, бросившійся внизъ со скалы.

Съ высоты Акрополя—чудный видъ. Внизу живописно раскинулись Афины, за ними—въ туманной дымкѣ вырисовываются громады отдаленныхъ горъ; съ Юга—Пирейская гавань и безбрежное море; вдали, на фонѣ бирюзоваго неба, рѣзко выдѣляются очертанія высокаго Георгіевскаго монастыря.

Подъ конецъ осмотра небо стало хмуриться и обратный путь мы совершили подъ довольно сильнымъ дождемъ. Въ Пирей, думая его переждать, зашли въ какую-то грязную таверну, гдѣ съ меня взяли за бутылку пива 2½ франка! Совсѣмъ по «гречески».

На пароходѣ—цѣлая толпа вновь прибывшихъ пассажировъ, такъ что за обѣдомъ всѣ столы были заняты. Для ѣдущихъ въ Египетъ и желающихъ насколько возможно сократить морской переѣздъ, Пирей удобнѣйшее мѣсто отправления: отъ него до Александріи менѣе двухъ сутокъ.

Уже съ утра пятницы близость африканскаго берега давала себя чувствовать. Въ 9 часовъ утра—21° въ тѣни, солнце не грѣетъ, а жжетъ. Мало-по-малу начинаютъ вырисовываться очертанія большого города. Ближе... ближе и вами овладѣваетъ нѣкоторое чувство разочарованія. Ничего оригинальнаго, какая-то однообразная куча бѣловато-сѣрыхъ, казарменнаго вида построекъ. Но потомъ начинается нѣчто совершенно восточное. Не успѣлъ пароходъ остановиться, какъ его окружила цѣлая флотилія лодокъ, и десятки полуодѣтыхъ, черномазыхъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ желто-кирпичнаго и до цвѣта блестящей ваксы, туземцевъ, какъ кошки, полѣзли по веревкамъ на палубу и съ непонятными гортанными выкриками заметались по ней, набрасываясь на пассажировъ, хватая ихъ вещи, такъ что отъ нѣкоторыхъ, болѣе ярыхъ, приходилось отбиваться палкой. Когда же пароходъ остановился, этихъ дьяволовъ набралось еще больше. Но теперь, среди оборванцевъ, попадаются фигуры болѣе солидныя, непонятные выкрики чередуются съ возгласами

на европейских языкахъ и въ томъ числѣ—о, удивленіе!—на русскомъ. Подхожу и прислушиваюсь. Рослый, благообразный арабъ, въ бѣломъ чистомъ бурнусѣ, объясняется довольно бойко по-русски съ двумя господами изъ Кіева и супругами изъ Одессы.

У этой компаніи, случайно встрѣтившейся на пароходѣ, оказались одинаковые планы. Они предприняли этотъ длинный, семи-дневный переѣздъ для того, чтобы черезъ три съ половиной дня на томъ же пароходѣ возвратиться обратно. Понятно, что имѣя въ распоряженіи столь ограниченное количество времени, они въ продолженіе всего пути занимались обсужденіемъ того, какимъ образомъ всего продуктивнѣе его использовать и такъ при этомъ увлекались, что дни превращали въ недѣли и, вопреки справедливому афоризму Кузьмы Пруtkова, что нельзя объять необъятнаго, собирались въ эти же три дня побывать и въ Іерусалимѣ.

Когда они покончили съ арабомъ, я сговорился съ нимъ относительно доставки багажа на таможенную и переѣзда на Каирскій вокзалъ. Снабдивъ меня русской визитной карточкой, по которой оказался «состоящимъ при Русскомъ Обществѣ Пароходства и Торговли проводникомъ по Египту, Палестинѣ и всей Сиріи», онъ попросилъ, чтобы я указалъ ему наши вещи. Сначала я усумнился. Зачѣмъ личное указаніе, когда существуетъ багажная квитанція. Но, сойдя внизъ, понялъ... Тамъ происходило нѣчто невѣроятное. Вещи навалены грудями, разрознены. Пассажиры, носильщики, комиссіонеры мечутся, какъ ошалѣлые. Шумъ и гамъ невообразимый... Къ счастью, наши вещи оказались, болѣе или менѣе, въ одномъ мѣстѣ, такъ что мнѣ удалось ихъ разыскать довольно быстро.

Въ таможеннѣ осмотръ произвели по джентльменски, держали очень недолго, но на трехчасовой поѣздъ мы все-таки не попали и пришлось ѣхать съ шестичасовымъ.

Александрія—совсѣмъ европейскій городъ. И, глядя на эти однообразные сѣрые дома сомнительной архитектуры, на улицы, гдѣ европейцевъ болѣе, чѣмъ туземцевъ, невольно съ удивленіемъ и нѣкоторой горечью думаешь: такъ вотъ во что обратился городъ Александра Великаго, Плотина, Омара, Антонія и Клеопатры,—городъ, считавшійся въ древности самымъ красивымъ въ мірѣ... Гдѣ его библіотека, храмы, дворцы... *Sic transit gloria mundi*.

Главныя каирскія гостиницы имѣютъ своихъ агентовъ на вокзалѣ въ Александріи. Мы заранѣе намѣтили гостиницу «Du Nil», какъ сравнительно отдаленную отъ центральныхъ частей города. Но среди полдюжины выкрикиваемыхъ названій ее что-то не слышно. Подскакиваетъ агентъ:

— Hôtel Bristol, monsieur.

Я качаю головой.

— Y-a-t-il quelqu'un de l'Hôtel du Nil?—Физиономія агента расцвѣтаетъ.—«Mais c'est le même, monsieur.

И, въ доказательство, показываетъ на околышъ фуражки, на которомъ дѣйствительно красуется: «Hôtel du Nil et Bristol». Хотя я и догадываюсь, что тутъ, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе, тѣмъ не менѣе, разрѣшаю агенту телеграфировать о нашемъ приѣздѣ въ его двойную гостиницу. Въ Каирѣ на omnibusъ опять оба названія; но, слегка знакомый съ планомъ города, я вижу, что насъ везутъ не туда.

— Какая это гостиница?—спрашиваю, выльзая.

— Bristol.

— А мы хотимъ въ Hôtel du Nil.

— Это одна и та же.

— Какъ одна и та же, когда «Hôtel du Nil» совсѣмъ въ другой сторонѣ?

И тутъ-то, наконецъ, удалось добиться прямого отвѣта. Оказалось, что Hôtel du Nil болѣе не существуетъ. Ее купилъ владѣлецъ Бристоля, собирается ее перестраивать, пока же она закрыта. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы попасть въ болѣе тихую часть города, мы, наоборотъ, очутились въ самой центральной, торговой, шумной—на площади Ел-Кхазнедаръ, около сада Эзбекіе. Впрочемъ, раскаяваться въ этомъ особенно не пришлось. Во-первыхъ, гостиница оказалась очень порядочной. Правда, не первоклассная—такихъ въ Каирѣ три: Shepherd, Continental и Savoy; но тамъ дамы обѣдаютъ въ открытыхъ платьяхъ, а мужчины во фракахъ, что совершенно достаточно, чтобы отбить охоту въ нихъ останавливаться. А, затѣмъ, для осмотровъ и экскурсій мѣстоположеніе Бристоля очень удобное, такъ какъ онъ находится въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ площади Атабел-Кадра,—центра отправленія электрическихъ трамваевъ, прорѣзывающихъ городъ по всѣмъ направленіямъ.

II.

Садъ Эзбекіе и египетская флора.—Первыя впечатлѣнія.

Центромъ европейской части Каира являются улицы и площади, прилегающія къ саду Эзбекіе. Тутъ и почта, и биржа, и прекрасное зданіе оперы, противъ памятника Ибрагима-паши, на площади того же имени. Тутъ лучшіе гостиницы и магазины и тутъ же, наконецъ, каирская rue de la Paix—Шаріа Камель,

съ многочисленными «барами» и кофейнями, съ утра до вечера переполненными самой разношерстной публикой. Говорятъ, садъ Эзбекіе въ прежнее время былъ гораздо живописнѣе, имѣлъ характеръ чисто восточный. Тогда въ немъ стояла мечеть эмира Эзбека, извѣстнаго побѣдителя турокъ въ XV столѣтіи. Но въ 1870 году, по плану француза Барриле, былъ разбитъ новый, теперешній садъ, по общеевропейскому образцу, съ рестораномъ и лѣтнимъ театромъ. За то въ ботаническомъ отношеніи садъ и теперь представляетъ интересъ, по собраннымъ въ немъ рѣдкимъ представителямъ флоры тропической Африки. Онъ—довольно большой, занимая площадь въ 4 десятины. Есть тамъ и тѣнь, и вода, и нѣсколько зеленыхъ лужаекъ, засѣянныхъ особой травой—*lirippia podiflora*, такъ какъ нашъ газонъ въ Египтѣ не растетъ,—отчасти изъ-за сухости климата, а, главнымъ образомъ, вслѣдствіе слишкомъ тонкаго слоя плодородной земли, очень быстро сжигаемаго солнцемъ. По той же причинѣ эвкалиптусы, развиваясь въ короткое время, остаются слабыми, имѣютъ какой-то болѣзненный видъ. За то сикоморы, тамарины, мимозы, акаціи-лебекъ достигаютъ въ какіе-нибудь 10 лѣтъ огромныхъ размѣровъ. Но главная краса растительнаго царства Египта—конечно, пальмы, о которыхъ европейскіе ихъ родственники даютъ лишь слабое представленіе. Здѣсь онѣ высоки, стройны, крѣпки, имѣютъ какой-то горделивый видъ, какъ нельзя болѣе гармонирующій съ яркимъ свѣтомъ жгучаго солнца, съ постоянно мѣняющейся, безконечно разнообразной окраской пустыни. Вообще, сады Египта, особенно весною, какъ мы убѣдились вполнѣ, представляютъ дивное зрѣлище. Апельсинныя и лимонныя деревья наполняютъ воздухъ одуряющимъ запахомъ; стройныя пальмы трепетно киваютъ бѣлыми и зелеными султанами; кактусы самыхъ разнообразныхъ формъ и размѣровъ, съ ихъ кровавыми, какъ будто выросшими изъ животнаго тѣла, цвѣтами, образуютъ мѣстами непроходимыя изгороди; цвѣтущіе лавры-розы окаймляютъ аллеи между пышными коврами изъ анемонъ, хризантемъ, нарциссовъ, циній, фіалокъ, резеды, анютиныхъ глазокъ, петуній; чащи тонкаго, высокаго бамбука, съ его изящными метелками; луфа—*bougenville*—красивое ползучее растеніе, съ лиловатыми цвѣтами, капризно перебрасывается со ствола пальмы на каменную стѣну, закутываетъ бесѣдку сплошнымъ зеленовато-лиловымъ покрываломъ, которое, подъ дѣйствіемъ зимняго солнца, постепенно и удивительно нѣжными оттѣнками, мѣняетъ окраску; на каменистыхъ поверхностяхъ, словно врѣзанные въ почву, могучіе алоэсы и агавы, а у воды—синіе лотусы и папирусы напоминаютъ о давно прошедшихъ временахъ.

Первая наша прогулка ограничилась садомъ Эзбекіе и близъ лежащими улицами европейской части города. Шумно, грязно и вонюче—вотъ основное впечатлѣніе. Какъ будто—египетскій Константинополь... Но широкія улицы, прекрасныя мостовыя, красивыя зданія, порядочныя магазины выгодно отличаютъ египетскую столицу отъ турецкой. И опять невольно удивляешься, откуда могло возникнуть столь невѣрное, но ходячее представление о сосредоточенности, невозмутимости и спокойствіи восточнаго характера. Каждый человѣкъ, взятый въ отдѣльности, пожалуй,—но въ толпѣ... Болѣе веселой, беззаботной, шумливой, дѣтски впечатлительной и отзывчивой толпы трудно себѣ представить. Движеніе на улицахъ—громадное, не прекращается и ночью. Когда каирцы спятъ—неизвѣстно, такъ какъ сравнительная тишина наступаетъ лишь между 4 и 6 часами утра. Въ особенности ночная жизнь бываетъ напряженной во время поста Рамадана, когда правовѣрные не могутъ до вечера ни пить, ни ѣсть и съ избыткомъ вознаграждаютъ себя ночью за дневныя лишенія.

Говорятъ, толпа каждаго большого города имѣетъ свой особый характеръ. Но уличная толпа европейскихъ городовъ представляетъ вездѣ одну общую черту,—черту лихорадочно-напряженной дѣятельности. Наоборотъ, каирская толпа—толпа тунецевъ, эввакъ, которымъ, какъ будто, рѣшительно нечего дѣлать. Ихъ дѣло—шатанье по улицамъ, сидѣнье въ баррахъ и кафе, съ кальяномъ, или длинною трубкою въ зубахъ и, наконецъ, игра въ кости,—игра азартная, горячая, зачастую кончающаяся крупной бранью и даже потасовками. Благодатный климатъ, низкій уровень жизненныхъ потребностей развиваютъ лѣнь—восточная нѣга не мифъ.

Балконъ нашей комнаты выходитъ на небольшую, но необычайно шумливую улицу. Изъ-за духоты днемъ было 32° въ тѣни—приходилось держать и дверь и окна открытыми. И вотъ, несмотря на усталость отъ долгой ходьбы, я не могъ заснуть до 4-хъ часовъ ночи. Только начнешь забываться, какъ странные, дикіе крики заставляютъ вскакивать и бѣжать къ двери. Это—подгулявшая компанія англійскихъ солдатъ совершаетъ ночную экскурсію по городу. Точно кастаньетки, стучать подковы осликовъ, за которыми мчатся проводники, съ раздражающимъ уши крикомъ: «ш-а-а-а»—впередъ! Не успѣло промчаться храброе воинство, какъ издали, съ другой стороны доносится какой-то свистъ, трескъ, звонъ: по сосѣдней улицѣ проходитъ свадьба—ведутъ жениха къ невѣстѣ. Свистятъ флейты, звенятъ бубны, трещитъ барабанъ, и по временамъ, покрывая какофонію орке-

стра, раздаётся громкое, протяжно-жалобное «а-а-а», которым арабы выражают чувства радости и удовольствія вообще. Но вотъ—четверть часа сравнительной тишины. Опять закрываются глаза, туманится сознание... И вдругъ весь вздрагиваешь отъ неистовыхъ криковъ подъ самыми окнами. Кажется, будто кого-то рѣжутъ, будто оретъ цѣлая толпа. Опять выскакиваешь на балконъ и видишь всего на всего двухъ арабовъ, вцѣпившихся другъ въ друга у дверей кабачка. И такъ—до самаго разсвѣта...

III.

Улица Муски. — Базаръ Кханъ-Кхалиль. — Мечети: Хосейна, Калауна и Ель-Азаръ. — Похороны.

Одна изъ интереснѣйшихъ улицъ Каира—улица Муски. Начинаясь у площади Атаба-ель-Кадра, она прорѣзываетъ, мѣняя два раза названіе, весь старый городъ. Сама по себѣ торговая, вся въ магазинахъ, она сверхъ того ведетъ къ большимъ базарамъ, а потому движеніе по ней огромное, смѣсь племень, одежда и лицъ—невѣроятная.

Турокъ, въ тарбушѣ (фескѣ), одѣтый въ неизящную стамбулину (родъ халата), сталкивается съ феллахомъ, въ одной синей рубашкѣ; величественный бедунъ, весь въ бѣломъ, съ большимъ чернымъ плащомъ черезъ плечо, встрѣчается съ дикаго вида арнаутомъ, въ красной или сѣрой курткѣ, съ закрученными вверхъ усами и пистолетами за поясомъ; арабы изъ Синая, одѣтые въ рубище изъ лоскутовъ, негры изъ Сенаара, Могребины, Абиссинцы, Берберійцы; Нубіянки, съ уродливыми лицами, но прекрасно сложенные, съ насаленными и взбитыми волосами, ярко горящими, отъ сурьмы, глазами, приплюснутымъ носомъ, одна ноздря котораго украшена ядромъ коралла. Вотъ идетъ каирская горожанка. Она съ ногъ до головы закутана въ большой кусокъ черной тафты, такъ что различить ея сложенія невозможно. Называется это одѣяніе «хабарахъ» и при сильномъ вѣтрѣ такъ раздувается, что превращаетъ его обладательницу въ круглый черный шаръ, на двухъ атласныхъ башмачкахъ. Лицо ея закрыто, начиная съ середины носа, кускомъ длинной матеріи (яшмакъ), которая ниспадаетъ, суживаясь какъ остро-конечная борода, до талии, иногда и ниже. Нѣчто въ родѣ удлиненной мѣдной пряжки соединяетъ яшмакъ съ хабарахомъ. Остаются открытыми лишь лобъ и глаза—черные, огромные и удивительно блестящіе, при содѣйствіи «кхолы» (сурьмы), конечно.

Рядомъ съ горожанкой—молодая дѣвушка изъ народа, съ корзиной на головѣ, въ которую она собираетъ всякую уличную дрянь.

У этой одежда иная—простая синяя рубашка, широко открытая на груди. Черная вуаль окутываетъ голову и живописно спускается по плечамъ. Лицо открыто. Круглое смуглое, съ матовымъ оттѣнкомъ кожи и толстыми губами, оно не красиво, но миловидно. Легкій костюмъ хорошо обрисовываетъ тѣло. Сложенье—прекрасное, какъ у статуи, граціи въ движеніяхъ—масса, и это у всѣхъ молодыхъ. Но ранніе браки въ 12, 10, даже 8 лѣтъ, ихъ скоро обезображиваютъ, и женщина въ 30 лѣтъ кажется такою же старой, какъ у насъ въ 60. Вотъ дѣвушка увидѣла валяющуюся бумажку. На секунду пріостановившись, она захватываетъ ее, не сгибая корпуса, между первымъ и вторымъ пальцемъ ноги, поднимаетъ ногу къ опущенной рукѣ и бумажка—въ корзинѣ. Вообще, гибкость тѣла, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ—поразительная. Токари «мушрабій», напримѣръ, (родъ балконныхъ и оконныхъ рѣшетокъ) держатъ, при работѣ, куски дерева ногами; любимая сидячая поза—поднятыя къ носу колѣни, или голова между колѣнами, на высотѣ ушей. Поза—некрасивая, неизящная; но какъ только такая согнутая фигура выпрямится, она великолѣпна.

На Муски, какъ и на остальныхъ нецентральныхъ улицахъ, тротуары узкіе, такъ что толпа двигается по самой улицѣ. Толкотня ужасная. На каждомъ шагѣ торговцы и торговки съ ручными ларями, наполненными самымъ разнообразнымъ товаромъ. Среди нихъ выдѣляются продавцы лакричной воды, одѣтые въ особую форму—красную куртку, съ изукрашенными сосудами и мѣдными тарелками, въ которыя они бьютъ, призывая жаждающихъ. Тутъ же медленно бродятъ поливальщики улицъ, съ козьими бурдюками на плечѣ. Способъ полива самый примитивный: бурдюкъ наклоняется и вода тоненькой струйкой льется на мостовую. Между ногами прохожихъ снуетъ дѣтвора обоого пола, собирая въ корзины прямо руками конскій и ослиный навозъ, который въ соединеніи съ рѣзаной соломой служитъ единственнымъ мѣстнымъ топливомъ. Много извозчиковъ, все парныхъ, съ очень недурнымъ выѣздомъ, еще больше ословъ, какъ вьючныхъ, такъ и верховыхъ, за которыми съ длинными хворостинами бѣгутъ погонщики, изрѣдка собственные экипажи, иногда верблюды. И все это двигается, бѣжитъ, кричитъ, ржетъ, реветъ... А надъ всѣмъ этимъ—палящее африканское солнце (42° по Реомюру), обжигающее не только лицо, но и тѣло, и острый, удушливый запахъ,—специфическій запахъ не

только арабской толпы и каждого араба въ отдѣльности, но и всѣхъ мѣстныхъ продуктовъ, до куриныхъ яицъ включительно, происходящій отъ обильнаго употребленія въ пищу какъ людьми, такъ и животными, особой вонючей травы «синнамонтъ» (нашъ малороссійскій «любистокъ»). Со вздохомъ облегченія поворачиваешь въ боковую улицу, ведущую къ турецкому базару—Кханъ-Кхалиль. Тамъ, хотя также толпа, но все-таки какъ будто не такъ душно, а, главное, не рискуешь попасть подъ ноги животнымъ, или получить въ бокъ экипажную оглоблю.

Кханъ-Кхалиль занимаетъ цѣлый довольно большой кварталъ. Каждое производство сосредоточено обыкновенно въ одномъ мѣстѣ. Такъ, есть базаръ специально сапожныхъ товаровъ, гдѣ грудями навалены красныя туфли—«бабуши», довольно красивыя, но, какъ сдѣланныя изъ одного куска тонкой кожи безъ подошвы, для непривычной ноги европейца жесткія и неудобныя. Базаръ шелковыхъ издѣлій и ковровъ, при чемъ цѣны послѣднихъ въ общемъ высокія; къ багдадскимъ же и брусскимъ—считаются лучшими—и совсѣмъ приступа нѣтъ. Тутъ же продаются красивыя шелковыя скатерти, а также очень распространенныя «куффіѣ»—изящные головные фуляры бѣлаго и чернаго цвѣта, шитые золотомъ и серебромъ. Далѣе—базаръ мѣдныхъ издѣлій, гдѣ практичны и пользуются большимъ спросомъ бронзовыя съ рѣзбой чашки, для обмыванія за десертомъ фруктовъ. Базаръ книгъ, имѣющій совершенно особый, своеобразный характеръ, такъ какъ большинство хозяевъ книжныхъ лавокъ въ то же время ученые, и ихъ лавки служатъ мѣстомъ собранія для всего ученаго сословія Каира. Определенныхъ цѣнъ на книги нѣтъ, и все зависитъ отъ фантазіи хозяина. Больше всего изданій Корана, при чемъ иностранцамъ ихъ показываютъ неохотно. Что касается переплетовъ, то въ общемъ они грубы и неизящны. Затѣмъ—суданскій базаръ Сукъ-есть-Суданъ, гдѣ, главнымъ образомъ, продаются древесная смола, пальмовыя орѣхи («думъ») и плохой выдѣлки тигровыя шкуры; христіанскій базаръ—Сукъ-ель-Хамзаутъ—бумажныхъ матерій, посуды и москательныхъ товаровъ, которыми торгуютъ сирійцы и копты; базаръ пряностей и духовъ—Сукъ-ель-Аттаринъ или, какъ его прозвали англичане, Smell Basar, мѣстоположеніе котораго еще издали узнается по запаху,—съ большимъ выборомъ настоящихъ и поддѣльныхъ аравійскихъ духовъ, очень сильныхъ и пріятныхъ, но удивительно быстро испаряющихся. Здѣсь же продается, буквально на вѣсъ золота, столь прославленное розовое масло. Потомъ базары тунисскій и алжирскій, съ шерстяными матеріями и бедуинскими покрывалами и, наконецъ, базаръ сушеныхъ фруктовъ,

сахара и другихъ колоніальныхъ товаровъ. Сверхъ того, по всему базару раскинуты лавченки съ разнообразными металлическими украшеніями, до которыхъ столь падки арабы. Полуннищія семья, питающаяся однимъ отвратительнымъ «дуро» (хлѣбными лепешками) и живущая въ ужасной избѣ, другъ на другѣ, какъ сельди въ боченкѣ, сплошь и рядомъ обладаетъ украшеніями на нѣсколько сотъ франковъ. Въ большомъ ходу также бусы изъ разныхъ камней, стекла и раковинъ, которыми украшаютъ даже ослось,—отъ дурного глаза, какъ увѣряютъ арабы. Большая часть этихъ бусъ—венеціанскаго производства. Зато нѣкоторые изъ базарныхъ товаровъ фабрикуются тутъ же на мѣстѣ, на глазахъ покупателей, какъ на примѣръ, обувь, разныя металлическія издѣлія и переплеты.

Вообще, пройтись по базару интересно, но дѣлать тамъ покупки, въ особенности для нервнаго человѣка, и скучно и утомительно. За каждую вещь запрашиваютъ въ нѣсколько разъ больше ея стоимости. При этомъ вы никогда не узнаете ея настоящей цѣны, такъ какъ не только разные торговцы запрашиваютъ разное, но одинъ и тотъ же за одну и ту же вещь назначаетъ сегодня одну цѣну, а завтра другую, вамъ говорить одну сумму, а вашему знакомому—иную. Сплошь и рядомъ случилось, что, купивъ какую-нибудь вещь, видишь такую же у знакомаго и узнаешь, что онъ заплатилъ вдвое дороже, а черезъ нѣкоторое время встрѣчаешь третьяго, который эту же вещь купилъ втрое дешевле. Торговаться приходится часами,—а при серьезныхъ цѣнныхъ покупкахъ и по нѣсколько дней—до изнеможенія, до безчувствія, съ многократными уходами и возвращеніями. А въ концѣ-концовъ, несмотря на обиженное заявленіе продавца, что онъ отдаетъ вамъ эту вещь почти даромъ, себѣ въ убытокъ, все-же оказывается, что вы заплатили за нее втридорога.

По сосѣдству съ Кханъ-Кхалилемъ находятся нѣсколько мечетей. Ближайшая—мечеть Хосейна, гдѣ хранится голова Хосейна, сына Али, зятя Пророка, убитаго въ 680 году, въ битвѣ при Кербелѣ. Его память до сихъ поръ въ большомъ почетѣ у шитовъ, особенно въ Персіи. Это единственная мечеть въ Каирѣ, для входа въ которую обязательно снимать обувь. Въ остальныхъ ограничиваются тѣмъ, что надѣваютъ вамъ на ноги огромныя туфли, ходить въ которыхъ крайне неудобно. Архитектура мечети современная и не представляетъ ничего замѣчательнаго; въ мавзолей же—очень старинный, гдѣ и находится голова Хосейна, иностранцевъ не пускаютъ.

Въ западномъ, лѣвомъ углу Кханъ-Кхалиля высится огромное зданіе «Муристанъ-Калаунъ»,—когда-то больница, гдѣ для

каждой болѣзни была приспособлена особая палата,—теперь на три четверти разрушенное. Начатое при султанѣ ель-Мансуръ-Калаунъ въ 1285 году, оно было окончено въ 1293 г. его сыномъ Назиромъ, и въ художественномъ отношеніи замѣчательно тѣмъ, что въ немъ впервые, какъ слѣдствіе Крестовыхъ походовъ, сказалось вліяніе европейской архитектуры на арабскую. Противъ госпиталя—небольшая мечеть Калауна, частью реставрированная, а потому недурно сохранившаяся. У ея порога находится доска изъ краснаго мрамора, о которую вѣрующіе трутъ какой-то таинственный камень, хранимый въ особомъ шкапу, послѣ чего пускаютъ на потертое мѣсто нѣсколько капель воды. Вода получаетъ красноватый цвѣтъ и ее лизутъ чахоточные. Внутри мечети находятся двѣ мраморныя колонны, также чудодѣйственныя. Одну лизутъ больные желтухой, другую безплодныя женщины давятъ лимонъ и высасываютъ его сокъ. Одѣваютъ также кафтанъ, теперь обратившійся въ лохмотья, и поясъ Калауна и въ такомъ видѣ обходятъ три раза его могилу. А площадь передъ мечетью интересна въ другомъ отношеніи. Сюда, еще не такъ давно, ежедневно въ 12 часовъ, когда муэзинъ сзывалъ правовѣрныхъ на молитву, собирались кошки со всего Каира, которыхъ кормили на проценты съ капитала, завѣщаннаго специально на сей предметъ какимъ-то кошколюбивымъ шейкомъ.

Третья мечеть, особенно заслуживающая вниманія, мечеть ель-Азаръ—«Цвѣтущая». Оконченная въ 973 году, при султанѣ изъ Фатимидской династіи, Муизѣ, она считается лучшимъ архитектурнымъ образцомъ эпохи Фатимидовъ. При халифѣ ель-Азисѣ, въ 988 году, она была превращена въ университетъ, являющійся въ настоящее время главнымъ разсадникомъ просвѣщенія для всего мусульманскаго міра.

Длинные сѣни выходятъ на большой внутренній дворъ (Санъ-ель-Гаміа), окруженный сводчатыми арками. Подъ ними кучками сидятъ на полу мальчики и дѣвочки. Это начальная школа. За дворомъ—святая святыхъ—«Ливанъ-ель-Гаміа», огромная куполообразная постройка, теперь главная университетская аудиторія. Сто сорокъ мраморныхъ колоннъ поддерживаютъ своды. Тутъ, также на полу, группами, по національностямъ, помѣщаются студенты. Ихъ бываетъ до десяти тысячъ. Большинство—уроженцы Египта, но есть и суданцы, и сирійцы, даже индусы. Обученіе не только даровое, но въ пользу каждой студенческой группы (землячества) отчисляется извѣстный процентъ изъ доходовъ мечети, а особая группа слѣпыхъ студентовъ всецѣло содержится на благотворительныя средства.

Въ университетѣ—четыре курса. Въ первыхъ двухъ проходятъ грамматика и синтаксисъ, на третьемъ—богословіе (илмъ-ель-келамъ), которому предшествуетъ подготовительное изученіе свойствъ Бога и Пророка (илмъ-ель-таухидъ), на четвертомъ—правовѣдѣніе. Послѣднее сводится къ механическому усвоенію безконечныхъ комментарій къ Корану, объясняющихъ принципы права. Сверхъ того, изучаются, но очень поверхностно, логика, реторика и правила стихосложенія. Профессора, или шейки—всего ихъ до двухсотъ пятидесяти—гонорара за преподаваніе не получаютъ, а живутъ или частными уроками, или перепискою книгъ, или, наконецъ, добродѣтельными даяніями богатыхъ студентовъ. Нѣкоторые же соединяютъ съ преподаваніемъ исполненіе разныхъ платныхъ требъ.

Методъ преподаванія слѣдующій. Сидя на циновокъ среди студентовъ, шейкъ читаетъ вслухъ изучаемую книгу, подробно объясняя каждую фразу. Студенты слушаютъ и записываютъ. Иногда чтеніе замѣняется пѣніемъ. Поднявъ голову и закативъ глаза, учитель однотоннымъ гнусавымъ голосомъ тянетъ фразу, а слушатели въ униссонъ подхватываютъ ее и повторяютъ нѣсколько разъ. Когда студентъ выучитъ наизусть книгу и можетъ ее объяснять, онъ получаетъ письменное дозволеніе на устройство собственныхъ бесѣдъ.

Интересно попасть въ ель-Азаръ во время приготовленія уроковъ. Все заучивается наизусть и, хотя вполголоса, но въ огромномъ сводчатомъ помѣщеніи стоитъ сильный гулъ, словно отъ огромнаго роя исполинскихъ пчелъ, при чемъ вся эта многочисленная толпа, сидя, поджавъ ноги, на полу, равномерно, какъ маятникъ, качается туловищемъ взадъ и впередъ. Нѣкоторые качаются, закрывъ глаза и зажавъ уши. Въ первую минуту вы ошеломлены и ничего не понимаете; а потомъ, приглядѣвшись, вамъ начинаетъ казаться, что передъ вами не живые люди, а какіе-то заведенные автоматы. Съ другой стороны, достаточно бѣглаго взгляда на университетскую программу, чтобы видѣть до какой степени она схоластична и мертва. Отличительная ея черта—застой, полное отсутствіе движенія впередъ, и съ этой точки зрѣнія каирскій университетъ не очагъ просвѣщенія, а тормозъ цивилизаціи.

Возвращаясь изъ ель-Азара, мы встрѣтили похороны. Впереди—трое слѣпыхъ и человекъ десять мужчинъ подплясывали на ходу и выкрикивали самыми веселыми голосами: «Ла илахъ, иль Аллахъ, Магометъ Рессулъ Аллахъ!» (Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его). За ними,—гробъ—длинный ящикъ, покрытый красною палью; на одномъ его концѣ—палка,

съ феской покойнаго. Его несли двое—тоже вприпрыжку, такъ что онъ раскачивался и прыгалъ во всѣ стороны. Шествіе замыкалось женщинами съ плакальщицами впереди. Послѣднія, размахивая платками, выпускали визгливые крики. Веселые возгласы мужчинъ смѣшивались съ дикими завываніями женщинъ, и получалось какое-то странное, комическое впечатлѣніе. Хоронили бѣдняка, богатая же похороны происходятъ иначе.

Какъ только умираетъ человѣкъ состоятельный, его домъ наполняется родственниками и близкими знакомыми, которые до дня похоронъ ѣдятъ и пьютъ на счетъ его наслѣдниковъ. Когда наступаетъ часъ выноса, происходитъ дикая сцена: слуги и женщины набрасываются на трупъ и дѣлаютъ видъ, что не хотятъ его выпускать. Хватаютъ гробъ, вырываютъ его другъ у друга, кричатъ, дерутся,—словомъ—происходитъ форменное сраженіе. Наконецъ, шествіе трогается. Впереди, верблюды съ говядиной, для раздачи бѣднымъ. Въ противоположность народнымъ похоронамъ, выступаютъ медленно, торжественно. Каждый старается, хоть немного, понести гробъ, который беспорядочно переходитъ изъ рукъ въ руки. По окончаніи церемоніи, всѣ возвращаются въ домъ покойнаго, гдѣ опять ѣдятъ и пьютъ. Трауръ продолжается цѣлый годъ. Ежедневно, въ опредѣленный часъ, собираются женщины и, въ знакъ горя, катаются по землѣ, вижатъ, играютъ на «тарабукѣ», стрѣляютъ даже изъ пистолетовъ,—словомъ, стараются производить какъ можно больше шума. Вообще, нѣтъ народа болѣе шумливаго, чѣмъ арабы. Только шумомъ и выражаютъ они свои чувства. Но, въ противоположность намъ, веселые звуки знаменуютъ у нихъ печаль, печальные—радость, наслажденіе.

Уже подходя къ гостиницѣ, жена схватываетъ меня за руку и шепчетъ: «взгляни!» Поднимаю глаза и вижу: на балконѣ какой-то невзрачной гостиницы двѣ барышни—не туземки, возсѣдаютъ въ однѣхъ рубашкахъ. Положимъ, жара—нестерпимая, но и *laissez aller*—чисто восточное.

IV.

Трамваи, извозчики, проводники и погонщики ословъ.—
Цитадель.—Могила халифовъ и мамелюковъ.

Площадь Атаба-ель-Кафра является центромъ, откуда по всему Каиру расходится сѣтъ электрическихъ трамваевъ. Распредѣленіе линій очень цѣлесообразно: нѣтъ, кажется, ни одного уголка города, куда нельзя было бы добраться на трамваѣ. Хо-

дять они быстро, цѣны за проѣздъ дешевыя; а такъ какъ, съ другой стороны, хотя мѣстные извозчики и очень недурны, но ни на какомъ языкѣ, кромѣ арабскаго, не говорятъ, такъ что объясняться съ ними затруднительно; при этомъ возять по районной, слѣдовательно, очень путанной да и недешевой таксѣ, а, сверхъ того, крайне избалованы, смотря на иностранца, какъ на дойную корову, никогда не бываютъ довольны, сколько бы имъ, сверхъ таксы, ни прибавляли и, при расчетѣ, зачастую поднимаютъ скандалъ,—значеніе трамваевъ, какъ незамѣнимаго средства передвиженія, станетъ еще болѣе яснымъ.

Въ одномъ изъ такихъ трамвъ, по широкой и длинной улицѣ Магомета-Али мы поѣхали осматривать каирскую крѣпость—«Цитадель». Трамъ останавливается у ея подножія. И не успѣетъ туристъ выйти изъ вагона, какъ на него со всѣхъ сторонъ, какъ стая жадныхъ вороновъ, накидываются проводники и погонщики ословъ. Одна изъ египетскихъ язвъ—эти проводники и погонщики! Навязчивость ихъ не знаетъ предѣла. Несмотря на категорическія и повторныя заявленія, что ни онъ, ни его ослы вамъ не нужны, погонщикъ, на долю котораго вы достались, преспокойно за вами слѣдуетъ, авторитетно заявляя, что вамъ безъ него не обойтись. Наконецъ, вы теряете терпѣніе, возвышаете голосъ, отправляете его къ чорту. Напрасно. Вы сдѣлали грубую ошибку. Ваша брань и крикъ дѣйствуютъ на него, какъ объясненіе въ любви. Липо его широко ослабляется, онъ становится совсѣмъ фамиллярнымъ, хлопаетъ васъ по плечу, суетъ въ носъ цѣлую пачку какихъ-то рекомендательныхъ писемъ и аттестатовъ и, коверкая три языка—преимущественно, впрочемъ, англійскій,—восторженно объясняетъ, что онъ первый проводникъ во всемъ Каирѣ, что такихъ ословъ, какъ у него, во всемъ мірѣ не существуетъ и что на сѣдлѣ, которымъ осѣдланъ оселъ, предназначаемый вашей спутницѣ, постоянно ѣздили или Сарра Бернаръ, или вдовствующая императрица Евгенія. Счастье ваше, если поблизости окажется городской. Угроза обратиться къ полиціи производитъ магическое дѣйствіе. Первый проводникъ Каира мгновенно останавливается и, косясь на блюстителя порядка, скорбно глядитъ вамъ вслѣдъ, мысленно учитывая, на какую сумму вы его ограбили, отказавшись отъ его услугъ. Есть, впрочемъ, и другое, лично испытанное мною средство избавляться отъ подобныхъ субъектовъ. Это—полное невниманіе, абсолютное молчаніе. На васъ накидываются. Не обращая вниманія, вы спокойно идете впередъ. Начинается перечисленіе достоинствъ какъ личныхъ, такъ и ослиныхъ,—вы глухи и нѣмы. Вытаскиваются рекомендательныя карточки,—вы слѣпы. При такой системѣ,

самый навязчивый из навязчивых не выдерживает болѣе пяти минутъ и отстаетъ. Слѣдуетъ при этомъ упомянуть, что большинство проводниковъ—народъ вполнѣ невѣжественный и довѣрять ихъ объясненіямъ довольно рискованно. Да и вообще, при наличности Бедекера и хорошаго плана, проводники являются лишними. Мы обращались къ ихъ услугамъ крайне рѣдко да и то не въ Каирѣ, а въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ условія туризма совсѣмъ другія. Но сегодня мы съ осмотромъ Цитадели хотѣли соединить поѣздку на могилы халифовъ и мамелюковъ, для каковой необходимы ослы, такъ что поневолѣ пришлось вступить въ переговоры съ однимъ изъ обладателей таковыхъ. Старательно до мелочей, сговорились относительно маршрута, пунктовъ осмотра и т. д.; упорно поторговались насчетъ платы, какъ за ослѣвъ, такъ и проводнику лично,—причемъ изъ его словъ тотчасъ же выяснилось, что остановивъ выборъ на немъ, мы удивительно счастливо попали, такъ какъ онъ изъ ряда вонъ выходящій good man (хорошій человѣкъ), извѣстный всему Каиру именно какъ good man,—послѣ чего стали медленно взбираться по довольно крутому подъему, ведущему въ крѣпость.

Цитадель выстроена при Саладинѣ, въ 1666 году, какъ говорятъ, изъ камней, взятыхъ съ малыхъ пирамидъ Гизе. Въ настоящее время отъ первоначальной постройки остались лишь внѣшняя восточная стѣна и нѣсколько внутреннихъ башенъ. Хотя цитадель стоитъ выше города, но съ юга надъ ней, въ свою очередь, господствуютъ высоты Макаатама, такъ что, когда въ 1805 году Магометъ-Али поставилъ тамъ батарею, онъ заставилъ этимъ тотчасъ же сдаться Курейда-Пашу—коменданта крѣпости.

Пѣшеходная дорога проходитъ чрезъ ворота «Бабъ-ель-Азабъ», гдѣ 1-го марта 1811 года произошло извѣстное избиеніе мамелюковъ. На этомъ эпизодѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Когда турецкое правительство, въ 1806 году, назначило вице-королемъ Египта Магомета-Али, страна фактически находилась подъ владычествомъ мамелюковъ, представлявшихъ изъ себя организованную военную силу. Ихъ вожди-бей—являлись своего рода феодалными князьками, владѣвшими почти всѣми плодородными землями, населеніе которыхъ безпрекословно имъ повиновалось. Бей въ своемъ округѣ дѣлалъ, что хотѣлъ, и зависимость его отъ центрального правительства была совершенно номинальна. Магомету-Али—человѣку очень талантливому, энергичному и честолюбивому, задавшемуся цѣлью реформировать египетское управленіе по европейскимъ образцамъ,—такой порядокъ оказался не на руку. Сначала онъ попытался сломить могущество мамелюковъ силой, но потерпѣлъ неудачу. Тогда

онъ перемѣнилъ тактику и обратился къ хитрости. Путемъ переговоровъ съ отдѣльными беями ему удалось выработать нѣчто въ родѣ соглашенія—*modus vivendi*. Оставалось его оформить. На приглашеніе прибыть для этого въ Каиръ, беи, очарованные, каждый въ отдѣльности, во время предварительныхъ переговоровъ умомъ и любезнымъ обращеніемъ Магомета-Али, изъявили согласіе и въ назначенный день явились почти всѣ, въ числѣ 470 человекъ. Торжественная подпись договора была назначена на 2-ое марта, а наканунѣ высокіе гости были приглашены на пиршество въ цитадель. Пріемъ былъ царскій, беи не могли нахвалиться привѣтливостью хозяина. Но когда, по окончаніи пира, они собрались обратно въ городъ и находились въ узкомъ, съ высокими стѣнами проходѣ, соединявшемъ цитадель съ городомъ, ворота, замыкавшія проходъ какъ снизу, такъ и сверху, были заперты, а съ его стѣнъ раздались выстрѣлы изъ орудій, и картечь, проникая во всѣ извилины дефиле, въ скоромъ времени завалила его грудой труповъ. Считаютъ, что число погибшихъ въ этой бойнѣ достигало нѣсколькихъ тысячъ человекъ, такъ какъ при каждомъ бѣѣ находилась многочисленная свита. Спасся лишь одинъ лихой наѣздникъ Аминъ-Бей. Ему удалось какими-то судьбами выскочить на среднюю площадку крѣпости, одна сторона которой спускалась почти отвѣснымъ обрывомъ къ городу. Но здѣсь его тотчасъ-же окружили слуги Магомета-Али. Тогда, вонзивъ въ бока лошади остроконечныя стремяна, онъ бросился съ обрыва внизъ. Говорятъ, что передъ тѣмъ какъ удариться о землю ему удалось оттолкнуться отъ сѣдла. Лошадь, само собой, разбилась до смерти, а онъ, упавъ на мягкій трупъ, отдѣлался незначительными ушибами и успѣлъ скрыться въ лабиринтѣ улицъ стараго города. Одновременно было произведено избіеніе мамелюковъ и въ провинціяхъ. Населеніе, лишившись своихъ вождей, безропотно подчинилось Магомету-Али, который теперь уже вполне спокойно могъ приступить къ желаннымъ реформамъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что, отдѣлившись отъ Порты, провозгласилъ себя независимымъ государемъ. Нашъ *good man* не преминулъ указать и точнѣе мѣсто Аминъ-Беевскаго прыжка. Настоящая пропасть—и прямо чудо, что послѣ такого паденія человекъ остался живъ.

Пройдя вторыя ворота—«Бабъ-ель-Гезидъ», мы очутились внутри крѣпости, на обширной площади, въ центрѣ которой расположена небольшая по размѣрамъ, но одна изъ красивѣйшихъ мечетей Каира—мечеть Магомета-Али. Начатая при послѣднемъ, являющемся, между прочимъ, родоначальникомъ нынѣ царствующей династіи—и оконченная въ 1857 году при Саидѣ, она со-

хранилась безъ измѣненія до настоящаго времени. Удивительно изящны ея высокіе, тонкіе, видимые со всѣхъ сторонъ минареты. Стѣны и колонны красиво облицованы желтоватымъ алебастромъ, откуда ея названіе «алебастровой». По срединѣ двора—очень стильный фонтанъ для омовенія (мейдахъ), а сбоку, съ западной стороны, высокая башня, съ большими часами,—подаркомъ Магомету-Али французскаго короля Людовика-Филиппа. Эти часы рѣжутъ глазъ своею неумѣстностью. Зато внутренность мечети, ея «святая святыхъ», прямо великолѣпна по размѣрамъ и массѣ свѣта. Куполь ея, византійскаго стиля, весь въ мозаикѣ; на полу—чудные смирнскіе ковры; направо отъ входа—гробница Магомета-Али, съ красивой бронзовой рѣшеткой. Въ общемъ, хотя стиль мечети не строгій и особыхъ архитектурныхъ достоинствъ не имѣетъ, она вся такъ изящна, нарядна и щеголевата, что производитъ очень пріятное впечатлѣніе.

Съ площади, на которой она стоитъ, открывается прекрасный видъ на Каиръ и его окрестности. Прямо подъ ногами—мечеть султана Гассана, далѣе безчисленные минареты, куполы, сады; на сѣверъ и западъ—холмистыя возвышенности, такъ называемыя—«вѣтряныхъ мельницъ» и блестяще зеленая равнина Нила; еще дальше, на западъ—изъ песковъ пустыни выступаютъ величественныя громады пирамидъ Гизе. На плоскихъ крышахъ города бросаются въ глаза какія-то странной формы трубы. Это вентиляторы—«малкафы», служащіе для освѣженія домовъ сѣвернымъ вѣтромъ.

Сзади мечети находится колодезь Іосифа—глубокая четырехугольная дыра, служившая въ прежнее время крѣпостнымъ водохранищемъ. И теперь еще на глубинѣ двадцати трехъ саженъ сохранилась площадка, по которой ходили быки, приводившіе въ движеніе особое приспособленіе для поднятія воды (саккіэ). Когда именно былъ вырытъ колодезь—неизвѣстно, но его глубокая древность несомнѣнна. Что же касается его названія, то по одной версіи оно происходитъ отъ имени строителя крѣпости Саладина Юсуфа (Юсуфъ—Іосифъ), по другой—онъ названъ именемъ библейскаго Іосифа, для котораго будто бы служилъ темницей.

Осмотрѣвъ цитадель, мы сѣли на ословъ, спустились внизъ и направились къ могиламъ мамелюковъ. Дорога скучная и однообразная. Мертвая равнина. Ни деревца, ни травинки, одинъ песокъ да пыль, нѣтъ—тучи пыли... Зной—неимоверный. Между тѣмъ наши ослики,—кстати, египетскіе ослы не чета европейскимъ: они живы, быстры, неутомимы и очень добронравны—трусятъ себѣ совершенно свободно и легко мелкой, спокойной рысцой.

Очевидно, для нихъ эта сорока-пятиградусная температура явленіе вполне нормальное. Впрочемъ, и тутъ уместно оговориться: жара въ Египтѣ, благодаря сухости воздуха, переносится несравненно легче, чѣмъ у насъ. Слѣдуетъ только беречь глаза и защищать хорошенько голову и затылокъ, во избѣжаніе солнечнаго удара. За осликами, не отставая ни на шагъ, также легко и свободно бѣжить good man. И ему этотъ зной нипочемъ. Онъ даже не покраснѣлъ, дыханіе его ровное, и невольно любуешься этой выносливостью и удивляешься ей. Жара, ослѣпительные лучи солнца, заставляющіе щурить и закрывать глаза, спокойный ходъ осликовъ дѣйствуютъ убаюкивающимъ образомъ. Вами овладѣваетъ какая-то истома, теряется ясное представленіе мѣста и времени—какой-то полу-сонъ среди блестящаго тумана... Но вдругъ васъ чуть не выбрасываетъ изъ сѣдла. Вашъ осликъ дѣлаетъ нѣсколько судорожныхъ скачковъ, потомъ мчится во весь опоръ. Это good man, ни съ того ни съ сего, вытянулъ его изъ всѣхъ силъ палкой. Вы, само собой, сердитесь, требуете, чтобы онъ оставилъ животныхъ въ покоѣ, иначе вы не дадите ему «бакшишъ». Онъ съ хохотомъ, скаля зубы, кричитъ: «All right! all right!»—но не проходитъ и десяти минутъ, какъ повторяется та же исторія. Очевидно, ему скучно, и онъ устраиваетъ себѣ развлеченіе. Потомъ, однако, мы убѣдились, что эта привычка свойственна не одному нашему good man'у, а всѣмъ погонщикамъ вообще. Она нестерпима, буквально отравляетъ всякую поѣздку, особенно на дальнія разстоянія, и избавлялись мы отъ нея лишь категорическимъ требованіемъ, чтобы погонщики не смѣли къ намъ приближаться ближе тридцати шаговъ.

Большинство такъ называемыхъ могилъ мамелюковъ и халифовъ построены при послѣднихъ мамелюкскихъ султанахъ. Взятая въ цѣломъ, онѣ представляютъ изъ себя небольшой городокъ, съ улицами, застроенными и обыкновенными домами, и затѣйливыми мавзолеями, и цѣлыми небольшими мечетями. Въ домахъ—нѣсколько комнатъ, съ окнами, дверями, вездѣ портьеры и ковры. Въ самой большой—стоитъ пестро разукрашенный саркофагъ. Принадлежность могилы женщины обозначается придѣланной у изголовья деревянной фигурой съ косою. Большинство построекъ въ довольно плачевномъ состояніи и, можно думать, что въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ, несмотря даже на дѣятельность «Комитета по сохраненію арабскихъ древностей», онѣ окончательно развалятся. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что могилы мамелюковъ особаго интереса не представляютъ. Заслуживаютъ лишь относительнаго вниманія гробницы семейства Магомета-Али, главнымъ образомъ—Ибрагима-паши. Зданіе ничѣмъ не

выдѣляется, зато саркофаги настолько же роскошно богаты, насколько дурного вкуса.

Могила халифовъ сохранились лучше. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ—могила султановъ Баркука и Каитъ-Бея. Это своего рода маленькія мечети. Въ особенности красива послѣдняя, съ ея стройнымъ, воздушнымъ минаретомъ, изящнымъ куполомъ, пропорціональнымъ размѣромъ всѣхъ частей и строго выдержанными въ лучшемъ вкусѣ украшеніями. Ея окна—изъ стеклянной мозаики—чудо арабскаго искусства. Подборъ отдѣльныхъ, составляющихъ окно, небольшихъ—вершокъ въ квадратъ—разноцвѣтныхъ стеклышекъ—изумительный. Одно горитъ рубиномъ, другое изумрудомъ, третье—настоящій алмазь, а посмотришь на окно въ цѣломъ, и отдѣльные цвѣта исчезаютъ, и глазъ испытываетъ ощущеніе какого-нибудь одного, комбинированнаго цвѣта—краснаго, желтаго, зеленаго. И, что странно, вотъ изъ окна льется удивительно мягкій и нѣжный голубоватый свѣтъ. Присматриваешься къ отдѣльнымъ его стеклышкамъ и не находишь ни одного голубого. Говорятъ, что стекольникъ, работавшій надъ этими окнами, былъ настолько же талантливъ, насколько горькій пьяница: проработаетъ день и запьетъ на недѣлю. Его и прогоняли, пробуя, но неудачно, замѣнять другими, и самъ халифъ его призывалъ и увѣщевалъ,—ничто не помогало. Когда же, наконецъ, ему, послѣ многихъ лѣтъ, удалось-таки окончить работу, онъ такъ запилъ, что вскорѣ и умеръ.

Въ этой же мечети примѣчательны также, но уже по иной причинѣ, два камня,—одинъ сѣрый, другой розовый, на которыхъ показываютъ слѣды ногъ Магомета. Судя по слѣдамъ, у Пророка были огромныя ноги. Интересно было бы ихъ сравнить съ отпечаткомъ его же ноги, показываемымъ въ Дамаскѣ. Сказаніе гласитъ, что Магомету однажды захотѣлось побывать въ Сиріи. И вотъ, когда одна изъ его благословенныхъ ногъ вступила уже на сирійскую землю, явился вдругъ Архангелъ Гавріиль, объявившій Пророку, что Богъ предоставляетъ ему на выборъ—или рай въ этой чудной странѣ, т.-е. Сиріи, или рай небесный. Магометъ, конечно, предпочелъ послѣдній, вторая нога не опустилась и онъ возвратился въ Аравію. Но другіе изслѣдователи утверждаютъ, что дамаскій отпечатокъ принадлежитъ не Магомету, а Гавріилу, который разговаривалъ съ Пророкомъ, стоя на одной ногѣ. Такимъ образомъ, сравненіе отпечатковъ разрѣшило бы разногласіе: если дамаскій слѣдъ такъ же великъ, какъ каитъ-беевскій,—онъ Магометовъ, нѣтъ—Гавріила.

Разставаніе съ good man'омъ обошлось не вполне гладко. Согласно уговору, онъ долженъ былъ, по окончаніи осмотра,

доставить насъ обратно къ подножію Цитадели; но такъ какъ оказалось, что отъ кантъ-беевской мечети до Цитадели добрыхъ четыре, а до улицы Гораибъ (продолженіе Муски) всего четверть версты, онъ предложилъ доставить насъ на послѣднюю. Прекрасно. Мы порядкомъ устали и возьмемъ тамъ извозчика. Пріѣхали. Расплачиваюсь.

— Мало, господинъ! Съ васъ слѣдуетъ еще два шиллинга (1 р.).

— За что?

— А за то, что я васъ доставилъ не къ Цитадели, а сюда.

— Да вѣдь сюда ближе. Ваши ослы должны были насъ везти, по уговору, еще четыре версты, а везли гораздо меньше. По справедливости, мнѣ слѣдовало бы вычесть съ васъ за недодѣланную работу.

И слушать не хочетъ. Уговора доставить сюда не было, а разъ его не было—пожалуйте два шиллинга. Начинаетъ кричать и размахивать руками. Кругомъ собирается толпа, которая гогочетъ и зубоскалитъ, симпатизируя, понятно, good man'у. Нечего дѣлать, испробуемъ послѣднее средство.

— Прекрасно,—говорю,—такъ какъ вы считаете, что я вамъ долженъ два шиллинга, я же нахожу, что вы ихъ мнѣ должны, пойдемте въ полицейскій участокъ, тамъ насъ разберутъ.

И только я произнесъ это магическое слово, какъ толпа моментально отхлынула, а good man, радостно оскаливъ зубы и крикнувъ: «All right! Thank you!», вскочилъ на одного изъ осликовъ и быстро умчался. И такъ бываетъ всегда: проводникъ, который при расчетѣ не постарался бы получить всѣми правдами и неправдами лишнее—большая рѣдкость.

V.

Арабскій музей.—Мечети султана Гассана и Рифайе.— Арабская религіозность.

На площади Бабъ-ель-Кхалкъ, по улицѣ Магомета-Али, находится зданіе, въ которомъ помѣщается хедивіальная бібліотека и арабскій музей. Послѣдній перенесенъ сюда сравнительно недавно, въ 1902 году, и занимаетъ первый этажъ. Въ немъ собраны произведенія арабскаго искусства, начиная съ XIII вѣка, найденныя преимуществу въ древнихъ, разрушенныхъ мечетяхъ. Вещи расположены по отдѣламъ; перечисляю ихъ вкратцѣ.

Рѣзьба по мрамору и камню: надгробныя доски, капители, колонки, орлы, люстры. Желтая мѣдь и бронза: ящики для ко-

рана, съ тридцатью отдѣленіями, по числу книгъ, его составляющихъ, сосуды, столы, полумѣсяцы съ куполовъ и минаретовъ, дверныя украшенія. Стекло—главнымъ образомъ—коллекція лампъ, служившихъ для украшенія мечетей. Рѣзьба по дереву, мозаика деревянная и изъ слоновой кости—самый интересный отдѣлъ,—въ которомъ особенно выдѣляются: библіотека для Корана, въ формѣ сундука, изъ мечети султана Шабана, дверь отъ гробницы султана Саладина и еще дверь, съ рѣзными фигурами людей и животныхъ, самая древняя изъ всей коллекціи, найденная въ развалинахъ одного изъ фатимидскихъ дворцовъ. Изъ гончарныхъ издѣлій (керамика) интересно большое сердоликовое, съ гранеными краями блюдо. Наконецъ, въ кожаномъ отдѣлѣ—около трехсотъ старыхъ переплетовъ Корана. Въ общемъ музей не великъ и не особенно интересенъ. Удивляешься лишь безконечному терпѣнію и усидчивому труду древнихъ мастеровъ. Во всякомъ случаѣ, его слѣдуетъ посѣтить ранѣе старшаго его брата—египетскаго музея. Въ противномъ случаѣ онъ покажется уже слишкомъ незначительнымъ.

Изъ арабскаго музея удобно проѣхать въ трамѣ до двухъ мечетей—султана Гассана и Рифайе, расположенныхъ одна противъ другой, у подножія Цитадели. Первая изъ нихъ, получившая названіе «великолѣпной», построена султаномъ Гассаномъ въ 1359 году и является замѣчательнымъ образцомъ византійско-арабской архитектуры. Она поражаетъ своими громадными размѣрами, напоминая внѣшностью древніе египетскіе храмы. Ея массивный, выпуклый, когда-то зубчатый карнизъ не имѣетъ себѣ равнаго, а минареть—около 40 саж. вышины—считается самымъ высокимъ во всемъ Каирѣ. Стѣны во многихъ мѣстахъ изрыты ядрами французскихъ пушекъ; одно такое ядро до сихъ поръ осталось въ стѣнѣ. Въ мечети находится гробница самого Гассана. Около нея, на полу черныя пятна: кровь убитыхъ здѣсь 21-го декабря 1799 года арабовъ. Въ этотъ день генераломъ Клеберомъ, ставшимъ послѣ отъѣзда Наполеона, во главѣ французскихъ войскъ въ Египтѣ, было подавлено опасное возстаніе. Арабы, побѣжденные на улицахъ города, заперлись въ мечети Гассана. Французы проникли въ мечеть и штыками очистили ее.

Къ сожалѣнію, мечеть реставрируется,—реставрируется уже три года—хаосъ и беспорядокъ внутри полные, такъ что можно лишь догадываться, что и внутренность ея соотвѣтствуетъ грандіозной внѣшности. Одинъ изъ наблюдающихъ за реставраціей, водившій насъ по мечети, говорилъ, что ранѣе трехъ лѣтъ работы окончены не будутъ и что онѣ обойдутся въ 4¹/₂ милліона піастровъ—450 тысячъ рублей.

Вторая мечеть «Рифайе» по внѣшности ничѣмъ не выдѣляется. Въ ней находятся гробницы семьи хедива Измаила—дѣда нынѣшняго хедива. Ихъ нѣсколько и всѣ онѣ очень не дурны. Но отъ саркофага одной изъ дочерей Измаила—прямо не оторвешься. Онъ весь въ тончайшей мозаикѣ изъ чернаго дерева, сандала, слоновой кости и серебра. Около гроба самого Измаила лежитъ коверъ, на которомъ, пріѣзжая поклониться праху дѣда, молится нынѣ царствующій хедивъ. Рядомъ—скамья для Корана, покрытая кускомъ священнаго меккскаго ковра, изъ зеленаго, шитаго серебромъ бархата.

Въ мечети мы застали молящагося араба. Стоя безъ обуви, въ однихъ носкахъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ Меккѣ, онъ весь ушелъ въ молитву. Лицо сосредоточенно, губы не переставая двигаются, частыя колѣнопреклоненія чередуются съ земными поклонами. Вообще арабы очень религіозны. Коранъ предписываетъ молиться пять разъ въ день: при восходѣ солнца, въ полдень, въ три часа дня, послѣ заката солнца и, наконецъ, при наступленіи ночи. Время молитвы объявляется муезиномъ, который съ высоты минарета громко не то поетъ, не то выкрикиваетъ: «Аллаху акбаръ. Ашаду анна лаилахъ иллалахъ; ашаду анна Мухамедъ арасулулахъ. Хейа алассалахъ, хейа алалфалахъ. Аллаху акбаръ. Лаилаха иллалахъ»—что значитъ: Богъ великъ. Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ. Приступайте къ молитвѣ. Приступайте къ обряду. Богъ великъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога.

Для того, чтобы призывъ этотъ былъ сколько-нибудь слышенъ среди городского шума, муезину необходимо обладать исключительными легкими. И, тѣмъ не менѣе, большинство изъ нихъ умираютъ въ чахоткѣ. Гдѣ бы магометанинъ не находился, что бы не дѣлалъ, онъ обязанъ при этомъ призывѣ стать на молитву. Конечно, далеко не всѣ правовѣрные исполняютъ это требованіе въ точности. Тѣмъ не менѣе, и на улицахъ, и въ полѣ, и вездѣ, вы сплошь и рядомъ видите колѣнопреклоненныя на особыхъ коврикахъ молитвенныя фигуры. И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на безспорно глубокую религіозность—атеизмъ для нихъ понятіе незнакомое,—арабы, въ противоположность туркамъ, совсѣмъ не фанатичны. Быть можетъ, въ этомъ сказалось вліяніе постоянныхъ сношеній какъ съ европейцами, такъ и съ послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій, напримѣръ—будійскаго. Во всякомъ случаѣ, религіозная терпимость египтянъ—внѣ сомнѣнія, и подчиненіямъ буквѣ закона, исключаяющимъ всякій прогрессъ, они совсѣмъ не страдаютъ. Такъ, хедивъ Ахметъ-Ебы-Тулунъ, почувствовавъ приближеніе смерти, предложилъ евреямъ читать

пятикнижіе и псалмы, а христіанамъ—евангеліе. Его сынъ, Коморуяхъ, вопреки строгому предписанію Корана воспроизводить человѣческія фігуры, украсилъ свой дворець чудными статуями, а отецъ нынѣшняго хедива—Тефвикъ-Паша, еще будучи наслѣдникомъ престола, учредилъ мужскую школу рисованія.

VI.

„Splendid bar“.

Два предобѣденныхъ часа провели въ кофейной «Splendid bar», на улицѣ Камель. Это хорошій способъ ознакомиться съ уличной жизнью европейской части Каира. Не только весь тротуаръ около бара заставленъ маленькими столиками, но ими занята и часть боковой улицы. Народа—масса, освободившійся столикъ берется съ боя. Публика самая разношерстная. Больше всего фесокъ, но много и европейцевъ, съ дамами и дѣтьми. Все это ѣсть, пьетъ, читаетъ газеты, торгуется съ продавцами, которые, выкрикивая названіе товаровъ, снуютъ между столиками. И чѣмъ только здѣсь не торгуютъ! Настоящій ходячій базаръ... Вотъ торговецъ бусъ и разныхъ грошевыхъ украшеній, столь любимыхъ арабами. Онъ весь увѣшанъ товаромъ: на шеѣ—бусы, въ одной рукѣ—всякая блестящая дрянь, въ другой—особыя, разукрашенные бисеромъ и раковинами метелки, которыми европейцы защищаются отъ архи-назойливыхъ египетскихъ мухъ. Говорю—европейцы, такъ какъ арабы къ нимъ совершенно равнодушны. Вотъ черный, какъ смоль, суданецъ, съ чучелами маленькихъ крокодиловъ, ящерицъ, змѣй. Тамъ передъ столикомъ, занятымъ англичанами-туристами, высокій арабъ, въ бѣлоснѣжной чалмѣ, громоздитъ одинъ на другой цѣлую кучу ковровъ. Далѣе торговецъ полотнянымъ и шелковымъ товаромъ прельщаетъ бѣлобрысую, голубоглазую, нѣмочку красивой, черной «куффіей», золотыя блестки которой сверкаютъ, какъ огоньки, въ лучахъ заходящаго солнца. Огнестрѣльное и холодное оружіе изъ Нубіи и Судана; палки и хлысты изъ кожи гиппопотама, куски холста, съ нашитыми красными и синими египетскими фигурами, для драпировокъ и обивки мебели; коробки изъ пахучаго сандалнаго дерева; стеклянная и мѣдная посуда; парфюмерія, почтовая бумага, альбомы, открытыя письма; наконецъ, разные съѣстные припасы и фрукты, до кусковъ жареной говядины включительно... Жена серьезно увѣряла, что достаточно посидѣть въ «Splendid

bag» одинъ часъ, чтобы не только обмѣблировать квартиру, но и запастись на нѣсколько дней съѣстными припасами.

Кромѣ торговцевъ, къ вамъ поминутно подходятъ съ предложеніемъ услугъ мальчики—чистильщики сапогъ и всевозможные нищие, а между столиками шмыгаетъ полуголая дѣтвора, высматривая и подбирая всякую дрянь—сигарные и папиросные окурки, клочки газетъ и т. п. А затѣмъ, помимо всего этого, ваши слухъ и зрѣніе развлекаются непрерывной смѣшной бродячихъ музыкантовъ и танцоровъ, фокусниковъ и акробатовъ, борцовъ и очарователей змѣй. Вотъ—цѣлая семья уличныхъ пѣвцовъ: братъ и три сестры,—по виду евреи. Изъ нихъ старшей лѣтъ 20, младшей лѣтъ 8. Всѣ онѣ въ какихъ-то непомѣрно большихъ шляпахъ съ красными лентами. Братъ и старшая сестра со скрипками, двѣ младшія поютъ. Голосенки слабые, за гуломъ толпы почти неслышны. Они кончили, и одна изъ сестеръ, лѣтъ 15-ти, недуренькая, но уже потасканная, съ тарелкою обходитъ столы. Кладутъ немногіе, большинство отрицательно машетъ головой. Но и тѣ, кто даютъ, даютъ не за пѣніе, а за хорошенькое личико, за нагло-вызывающій взглядъ, за ту сальность, которую отпускаютъ, кладя деньги. Но дѣвочка не конфузится: она и не такіе виды видала. А съ освободившагося мѣста уже несется заигранная мелодія изъ Фауста: слѣпая, одѣтая во все черное, старуха вертитъ ручку механическаго піанино.

Немного поодаль толпа окружаетъ очарователя змѣй. Изъ-за пазухи и разныхъ мѣстъ халата онъ вытаскиваетъ поочередно большихъ и маленькихъ ящерицъ, хамелеоновъ, змѣй. Ихъ такъ много, что кажется будто все его платье подбито гадами. Нѣкоторые на веревочкѣ и онъ натравливаетъ ихъ другъ на друга. Но вотъ, съ дѣланными предосторожностями, онъ открываетъ небольшой мѣшокъ, и изъ него выползаетъ довольно большая змѣя и, раздувая голову, съ шипѣніемъ, угрожающе становится на хвостъ. Зрители испуганно пятятся; но фокусникъ, успокоительно посмѣиваясь, насвистываетъ какую-то тихую мелодію, и змѣя успокаивается. Нѣсколько поглаживаній рукой, причемъ ясно видно, какъ онъ сжимаетъ ей голову, и змѣя, вытянувшись во всю длину, становится неподвижной. Она въ каталепсическомъ состояніи. Тогда онъ беретъ ее за хвостъ и поднимаетъ какъ палку. Не въ этомъ ли тайна Ааронова жезла? Вполнѣ возможно, что Ааронъ былъ знакомъ съ искусствомъ очарователей змѣй.

А вотъ и нубійскій танцовщикъ. Онъ старъ, уродливъ, съ маленькими глазками и глубокими, поднятыми морщинами

узкого лба. Застывшая во все лицо улыбка обнажает гнилые зубы. Жиденькие усы и бороденка почти совсѣмъ бѣлые, а на головѣ огромный черный парикъ, къ которому придѣланы маленькіе рожки. Между ними круглое зеркальце. Вокругъ бедеръ поясъ изъ раковинъ, издающихъ при каждомъ движеніи сухой, рѣзкій звукъ. Ногами онъ не двигаетъ, а только кружитъ бедрами; иногда лишь прыгаетъ, дѣлая такое антраша, которому позавидовалъ бы профессиональный балетный танцовщикъ. Звукъ раковинъ смѣшивается съ рѣжущимъ звукомъ музыкальнаго инструмента—что-то въ родѣ маленькой, украшенной страусовыми перьями и разными побрякушками арфы, на которой играетъ съ большою энергіей другой молодой, высокій, удивительно стройный нубецъ. Зрители весело гогочутъ и аплодируютъ и щедро наполняютъ шапку музыканта мелкой монетой.

Да, посидѣть въ Splendid Bar'ѣ стоитъ.

VII.

Коптская церковь св. Сергія.—Мечеть Амру.—Производство пористыхъ кувшиновъ.—Нилометръ.

Въ «Старомъ Каирѣ» существуетъ кварталъ, исключительно населенный коптами. Копты—прямые потомки древнихъ египтянъ. Они христіане-монофизиты, т. е. признающіе въ Иисусѣ Христѣ одинъ лишь божественный элементъ. Церковныя службы происходятъ на коптскомъ языкѣ,—языкѣ, на которомъ говорили въ III вѣкѣ и котораго теперь никто не понимаетъ, не исключая самихъ священниковъ, въ большинствѣ—малограмотныхъ, умѣющихъ лишь читать. Благодаря дѣятельности миссіонеровъ, въ настоящее время, кромѣ коптовъ монофизитовъ, существуютъ копты протестанты и католики. Послѣдніе образуютъ особую церковь, во главѣ которой находится живущій въ Александріи патріархъ Кириллъ II.

Въ Каирѣ у коптовъ нѣсколько церквей. Самая чтимая изъ нихъ св. Сергія—Абу Серга. Разыскать ее не легко. Приходится колесить по узкимъ немоощнымъ улицамъ Старога Каира, въ которыхъ нетрудно запутаться. Показывала намъ церковь босоногая, но упитанная, краснощекая и очень жизнерадостная дѣвица, отрекомендовавшаяся дочерью священника. Церковь запущена и грязна до нельзя; но старинный иконостасъ, весь въ скульптурной рѣзбѣ изъ дерева и слоновой кости, великолепенъ. Недурны также образа св. Дмитрія, св. Георгія, Роя-

денія Спасителя и Тайной Вечери. Подъ церковью находится подземелье, еще болѣе грязное, чѣмъ церковь.

— Вотъ мѣсто, гдѣ отдыхала Богородица, — объявила краснощекая дѣвица, указывая на маленькое углубленіе, въ формѣ ниши. Что-жъ, возможно. Во всякомъ случаѣ не противорѣчить историческимъ преданіямъ: во время бѣгства въ Египетъ Святое Семейство могло находиться и здѣсь. — На этомъ очагѣ св. Іосифъ пекъ хлѣбъ. — Такъ. — А вотъ тутъ, — и дѣвица подвела насъ къ колодцу въ одномъ изъ угловъ подземелья, — происходило крещеніе Спасителя.

Это было уже такъ неожиданно, что я невольно разсмѣялся.

При прощаньи дѣвица все такъ же весело, но очень рѣшительно заявила, что съ насъ слѣдуетъ тройной бакшишъ: въ пользу церкви, въ пользу причта и, наконецъ, ей лично за показъ. Нечего дѣлать, пришлось покориться.

— Вотъ на церковь, вотъ причту, вотъ лично вамъ, а это еще вамъ за изумительное открытіе новаго мѣста крещенія Спасителя.

Дѣвица, конечно, не поняла и осталась очень довольна.

Недалеко отъ Абу-Серга находится мечеть Амръ-ибнъ-агъ-Асъ, или мечеть Амру, какъ ее называютъ европейцы. Когда военачальникъ халифа Омара Амру захотѣлъ построить эту мечеть, облюбованное имъ мѣсто принадлежало одной еврейской вдовѣ, которая ни за какія деньги не соглашалась его уступить. Тогда Амру предложилъ ей продать лишь такой клочокъ земли, какой можетъ покрыть шкура только-что убитаго вола (буквальное повтореніе мѣта о Дидонѣ — строительницѣ Картегена). Хотя мечети въ настоящее время грозить разрушеніе, она, тѣмъ не менѣе, производитъ впечатлѣніе громадностью своихъ размѣровъ. У входа находятся двѣ близко-сдвинутыя колонны, между которыми необходимо пролѣзть, если желаешь попасть въ рай. Для человѣка — не совсѣмъ скелета — сдѣлать это трудненько. Около «кеблы» — ниши — стоитъ колонна, отличающаяся отъ другихъ (въ прежнее время ихъ насчитывали 366) довольно сильнымъ наклономъ и знакомъ, происходящимъ отъ какого-то удара. Преданіе гласитъ, что халифъ Омаръ, бывшій чародѣемъ, прогуливаясь однажды по галлереймъ меккской мечети, взглянулъ въ сторону Каира и замѣтилъ, что въ мечети, которую строилъ тогда Амру, рабочіе только-что поставили около «кеблы» колонну такую слабую и изъ такого плохого матеріала, что она должна обязательно упасть. Тогда Омаръ, обратившись къ одной изъ колоннъ, его окружавшихъ, велитъ ей перенестись въ Каиръ. Колонна дрогнула, но не двинулась. Омаръ разсерженный уда-

рять ее кулакомъ (показываютъ и сдѣланное кулакомъ углубленіе) и повторяетъ приказъ. Колонна повернулась на мѣстѣ, но и только. Тогда взбѣшенный Омаръ наноситъ ей ударъ «курбашемъ» (плетью) и кричитъ: «Именемъ Бога приказываю тебѣ!» И колонна, со словами: «Зачѣмъ же ты раньше не произнесъ имени Бога», сорвалась съ мѣста и полетѣла въ Каиръ. Вотъ, между прочимъ, почему мусульмане убѣждены, что мечеть Амру не можетъ никогда разрушиться окончательно.

Тамъ же, въ Старомъ Каирѣ, можно ознакомиться съ производствомъ пористыхъ кувшиновъ. Работа ручная, при помощи лишь одного маленькаго ножного станка. Быстрота выдѣлки изумительная. Въ какихъ-нибудь пять минутъ безформенный мягкій комъ сѣровой глины, въ ловкихъ рукахъ мастера, превращается въ нелишенный изящества сосудъ. Пористость достигается примѣсью къ глинѣ золы, вслѣдствіе чего температура содержащейся въ кувшинѣ жидкости—на 5—6° ниже температуры воздуха. Въ Каирѣ, впрочемъ, всего нѣсколько небольшихъ фабричекъ занимаются этимъ производствомъ, главный же его центръ—городъ Кене въ Верхнемъ Египтѣ, откуда кувшины расходятся въ огромномъ количествѣ по всей странѣ.

Полнобовавшись на ловкихъ рабочихъ, сдѣлавъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ, какъ съ нихъ, такъ и съ кучки дѣтишекъ, рѣзвившихся тутъ-же на улицѣ, и наслушавшись отъ нихъ отдѣлавшихся—данный имъ, такъ сказать, за позу піастръ разжегъ ихъ аппетитъ до неистовства,—мы вышли на берегъ Нила, сѣли въ лодку и переправились на островъ Рода. Тамъ, на южной оконечности острова, въ саду, принадлежащемъ наслѣдникамъ Гассана-паши, находится древній, устроенный въ 716 году нилометръ (микіасъ), служащій для измѣренія подъема нильской воды. Онъ имѣетъ видъ колодца, съ осьмиугольной колонкой посрединѣ. На колонкѣ нарѣзана скала древней египетской мѣрой—локоть (дира), съ 24 дѣленіями (киратъ); локоть равняется 54 сантиметрамъ. При низкомъ уровнѣ рѣки, вода въ микіасѣ достигаетъ высоты 7 локтей. Высота въ 15 локтей 16 киратъ является достаточной для хорошаго орошенія. Объ этомъ событіи объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе особый, представленный къ микіасу шейкъ, и такъ называемыя «нильскія празднества», начинающіяся съ момента поднятія воды, достигаютъ тогда своего полнаго разгара.

VIII.

Музей египетскихъ древностей и вѣрованія древнихъ Египтянъ относительно загробной жизни. — Дождь. — Театръ.

Недалеко отъ большого моста черезъ Ниль, называемаго Касръ-енъ-Ниль, въ огромномъ, очень красивомъ зданіи помѣщается музей египетскихъ древностей. Основаніе ему положилъ знаменитый французскій египтологъ Маріетъ, который съ 1858 по 1881 годъ завѣдывалъ обширными раскопками, предпринятыми по распоряженію египетскаго правительства. Сначала музей помѣщался въ Булакскомъ кварталѣ, потомъ во дворцѣ Гизе и лишь въ 1902 году переведенъ въ теперешнее помѣщеніе. Строилъ его архитекторъ Дурньонъ, стиль постройки—греко-романскій. Въ настоящее время имъ завѣдуетъ другой извѣстный французскій египтологъ—Масперо.

Музей является единственнымъ въ мірѣ собраніемъ произведеній древняго египетскаго искусства и представляетъ выдающійся интересъ не только для специалиста-египтолога, но и для каждого образованнаго человѣка. Чтобы обозрѣть его, хотя бы поверхностно, требуется нѣсколько дней. Въ мою задачу не можетъ, конечно, входить даже бѣглое описаніе всѣхъ, заключающихся въ немъ сокровищъ. Ограничиваюсь поэтому лишь указаніемъ на нѣсколько произведеній, къ которымъ невольно приковывается взглядъ даже профана.

Статуя изъ дерева, извѣстная подъ именемъ «шейхъ-ель-беледъ» (деревенскій старшина). Верхняя часть тѣла и ноги—голая. Вокругъ бедеръ—юбочка—«шенти», въ рукѣ—палка. Круглая голова коротко острижена. Зрачки, изъ блестящаго, прозрачнаго горнаго хрустала, вставлены въ бронзовый ободокъ, края котораго изображаютъ рѣсницы. Удивительно выразительное лицо дышетъ добродушной веселостью, а вся фигура—верхъ реальности. Она прямо живая и свидѣтельствуетъ о прекрасномъ знаніи человѣческаго тѣла.

Группа изъ цвѣтнаго известняка, изображающая принца Рахотепа и его жену Нофретъ. Жили эти господа въ концѣ III династїи, слѣдовательно, группѣ около 4500 лѣтъ; между тѣмъ, краски сохранились замѣчательно.

Статуя царя Хефрена, строителя второй по величинѣ пирамиды Гизе,—изъ зеленого діорита. Она была найдена Маріетомъ въ храмѣ сфинкса. Царь, въ натуральную величину, сидитъ на

тронъ, ручки котораго оканчиваются львиными головами. На спинкѣ—ястребъ съ распростертыми крыльями. Вся фигура—олицетвореніе спокойной силы, а выраженіе глазъ совсѣмъ удивительное: они и привлекаютъ и волнуютъ, ласкаютъ и беспокоятъ.

Статуя сcribe (писца), сидящаго по-восточному, съ поджатыми ногами, и пишущаго на папирусь. Фигура живая, естественная, съ хорошо сохранившимися красками.

Группа изъ мѣди, изображающая царя Пепи I и его сына Меренре (VI династіи). Эмалировка глазъ придаетъ лицу напряженное выраженіе жизни.

Чудной работы статуя, изъ зеленого змѣвика, богини Терисъ, въ видѣ бегемота, и маленькая статуетка придворнаго пивовара Нофера—одинъ изъ лучшихъ образцовъ египетской скульптуры.

Прямо великолѣпна богиня Гаторъ, въ образѣ коровы,—богиня неба, радости и любви, уподобленная греками Афродитѣ. Эта статуя—одно изъ крупнѣйшихъ приобрѣтеній музея за послѣднее время. Она поражаетъ своеобразной красотой и нѣжнымъ изяществомъ формъ; а краски такъ живы, что кажутся наложенными вчера.

Достойна вниманія громадная коллекція жуковъ (scarabée), самыхъ разнообразныхъ формъ и назначеній. Въ представленіи древнихъ египтянъ жукъ игралъ выдающуюся роль, являясь одной изъ формъ воплощенія бога солнца Ра, эмблемой воскресенья. Какъ только, послѣ разлива, воды божественной рѣки начинали спадать, изъ плодоноснаго ила, съ первыми зачатками растительности, показывались и жуки. (Тоже—улитка у кельтовъ, бабочка, выходящая изъ кокона, какъ изъ могилы, у грековъ). Изъ нихъ выдѣлывались амулеты и ихъ клали на грудь мумій. Да и теперь еще они являются однимъ изъ самыхъ распространенныхъ украшеній. Ихъ вставляютъ въ кольца, дѣлаютъ изъ нихъ браслеты и цѣлыя ожерелья. Цѣна настоящаго, неподдѣльнаго жука достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ рублей.

Интересенъ также отдѣлъ драгоцѣнностей, свидѣтельствующій, что въ Египтѣ ювелирное искусство достигло большого совершенства почти за 2,000 лѣтъ до Р. Х. Наиболѣе замѣчательна коллекція, принадлежавшая царикѣ Аххотеѣ, матери царя Амосида (XVII династіи). Особенно хорошъ, по изяществу и гармоничности всѣхъ частей, небольшой золотой кинжалъ. Его ручку, осыпанную драгоцѣнными камнями, составляютъ четыре женскія головки, а соединеніе лезвія съ ручкой искусно замаскировано изображеніемъ бычачьей головы.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ музеѣ собрана единственная въ мірѣ коллекція мумій.

Вѣрованія древнихъ египтянъ относительно загробной жизни были довольно путаны и ясностью не отличались. Съ одной стороны, они полагали, что со смертію жизнь человѣка не прекращалась, что онъ и послѣ смерти продолжалъ жить, какъ прежде, разъ окружавшая его посмертная обстановка давала къ тому возможность. Съ другой—они вѣровали, что, кромѣ тѣла, человѣкъ обладаетъ и душой, которая сначала изображалась въ видѣ птицы, а впослѣдствіи въ видѣ птицы же, но съ человѣческой головой. Послѣ смерти душа покидала тѣло, но по собственному желанію могла къ нему возвращаться въ каждый данный моментъ, лишь бы тѣло находилось въ хорошемъ состояніи. Во всякомъ случаѣ, слѣдствіемъ этихъ вѣрованій являлись: необходимость сохраненія самого трупа въ исправномъ видѣ и погребеніе его въ такомъ мѣстѣ и такимъ способомъ, который, предохраняя отъ всякихъ внѣшнихъ случайностей, гарантировалъ бы его неприкосновенность, и, затѣмъ—такое устройство погребальнаго жилища, которое давало бы возможность покойному и въ могилѣ продолжать прерванную жизнь. Первое условіе достигалось бальзамировкой трупа, второе—погребеніемъ его въ грандіозныхъ подземныхъ (мастаба) и надземныхъ (пирамиды) гробницахъ, третье—сходствомъ этихъ гробницъ съ земнымъ жилищемъ покойнаго. Обыкновенно гробница или, вѣрнѣе, погребальный склепъ, состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ находились статуи покойнаго, его семьи и рабовъ. Для содержанія покойнаго приносились особыя жертвы, и на жреческихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ лежала обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ никогда не испытывалъ ни голода, ни жажды. Сверхъ того, съ этой же цѣлью, стѣны и саркофагъ покрывались изображеніями разныхъ съѣстныхъ припасовъ и посуды, а также одежды и украшеній, которыя, подъ вліяніемъ магическихъ чаръ, имѣли способность превращаться въ дѣйствительные предметы. На стѣнахъ же изображалась вся земная жизнь покойнаго: его занятія, развлечения и т. п.

Бальзамировка труповъ, достигшая высокой степени совершенства, не обманула надежды древнихъ египтянъ, одержала блестящую побѣду надъ всесокрушающимъ временемъ. Но у египетскихъ мертвецовъ оказался врагъ сильнѣе даже времени: это—людскія алчность и жадность. Съ конца Новаго Царства начался повальный грабежъ могилъ, на устройство которыхъ была потрачена такая масса колоссальнаго труда и энергіи. Безсильное, расшатанное правительство, не имѣя возможности бороться

съ цѣлыми полчищами хищниковъ, ограничивалось тѣмъ, что переносило муміи изъ одного мѣста въ другое. Наконецъ, въ 1881 году теперешнему директору музея Масперо удалось собрать всѣ, сохранившіяся въ цѣлости, муміи. Теперь, конечно, имъ нечего уже бояться святотатственныхъ попытокъ людей; зато имъ опять угрожаетъ опасность со стороны первоначальнаго врага—времени, такъ какъ, по настоянію хедива Тевфика, съ нихъ въ 1886 году были сняты защитныя пелены. Тѣмъ не менѣе, есть муміи поразительно сохранившіяся и по сіе время. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи мумія жреца, по имени Небъ-Сени, глядя на которую рѣшительно не вѣришь, что это трупъ человѣка, умершаго нѣсколько тысячелѣтій назадъ.

Ближайшее знакомство съ древнѣйшими памятниками египетскаго искусства приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что греки во многомъ явились простыми заимствователями и подражателями. Равнымъ образомъ, нѣкоторыя рѣзныя надписи на стѣнахъ свидѣлствуютъ о вліяніи египетской религіи на всѣ послѣдующія. Встрѣчаются, напримѣръ, такія изреченія: «Я привязанъ къ Богу посредствомъ любви; я давалъ хлѣбъ—алчущему, воду—жаждавшему, одежду—голому, кровь—покинутому». Въ витринахъ музея часто попадаются изображенія креста—«татъ», который вѣшался на шею муміи или влагался въ руки божества. Изображеніе души, въ видѣ человѣческихъ головокъ съ птичьими крыльями, напоминаетъ христіанскихъ ангеловъ. Далѣе: по Плутарху и Маріету, Озирису поручено спасти души отъ конечной смерти, онъ—посредникъ между человѣкомъ и богомъ, онъ—спаситель людей. Божественный быкъ Аписъ—тотъ же Озирисъ. Онъ—богъ высшей доброты, нисходящій къ людямъ и подвергающійся всѣмъ земнымъ страданіямъ, подъ видомъ самаго обыкновеннаго четвероногаго. Не новъ также и догматъ непорочнаго зачатія. Мать Аписа оставалась дѣвой и послѣ рожденія сына. Богъ «Пта»—воплощенная божественная мудрость—принималъ форму небеснаго огня и оплодотворялъ корову. Такимъ образомъ, Аписъ—воплощеніе Озириса, при посредствѣ добродѣтели Пта.

На порогѣ музея мы остановились въ недоумѣніи. Солнце скрылось. Отъ пыли, поднятой довольно сильнымъ вѣтромъ, въ воздухѣ стояла сѣровая мгла. Съ запада надвигались темныя тучи. Подъ вѣчно синимъ небомъ и постояннымъ солнцемъ, мы какъ-то забыли, что существуетъ ненастье. А тутъ вдругъ вѣтеръ, тучи, отдаленные раскаты грома, чего добраго—дождь... И дѣйствительно, только что, вернувшись въ гостиницу, мы сѣли обѣдать, какъ хлынулъ ливень. Дождь—здѣсь явленіе настолько рѣдкое, что ничто къ нему не приспособлено, начиная хотя бы

съ плоскихъ крышъ. Говорятъ, что послѣ сильнаго, продолжительнаго ливня въ предмѣстьяхъ и Старомъ Каирѣ каждый разъ разваливается нѣсколько наиболѣе ветхихъ жилищъ.

Въ нашей столовой, въ отверстія крыши, черезъ которыя тянулись къ небу двѣ огромныя пальмы, потекли потоки. Въ hall'ѣ, гдѣ пьютъ послѣ-обѣденный кофе, тоже самое—цѣлое наводненіе. Суета поднялась невообразимая. Весь персоналъ гостиницы очутился на ногахъ, забѣгалъ вверхъ и внизъ по этажамъ. Вездѣ все затворялось, затыкалось, вытиралось.

А мы какъ-разъ на этотъ вечеръ запаслись билетами въ оперу. Хотя театръ въ двухъ шагахъ, пришлось, конечно, взять извозчика, отыскать какового оказалось дѣломъ не легкимъ. Каирскіе извозчики, какъ и всѣ мѣстные обыватели, къ дождю не привыкли и его не любятъ. Въ обыкновенное время ихъ сколько угодно, въ дождь—ни одного, всѣ разѣзжаются по домамъ.

Хедивіальный театръ, главный театръ Каира, очень красивый по внѣшности, внутри не представляетъ ничего особеннаго. Давали какую-то глупую англійскую оперетку. Ни музыки, ни смысла. Исполнители—сплошь безголосые, а женскій персоналъ—рожа на рожѣ. Гораздо интереснѣе сцены былъ зрительный залъ. Дамы разодѣты въ пухъ и прахъ, въ вечернихъ открытыхъ платьяхъ. Масса брилліантовъ и драгоценныхъ камней. На плечахъ у многихъ красиво играютъ блестками черныя и бѣлыя «куффіе». Мужчины въ ложахъ—во фракахъ, въ партерѣ—въ смокингахъ. Много англійскихъ офицеровъ, въ очень оригинальной формѣ: бѣлые пикейные панталоны, кургузая, открытая спереди, куртка, безъ жилета, а вокругъ таліи, обвивая ее нѣсколько разъ, широкій шерстяной поясъ краснаго или чернаго цвѣта.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ не взыскательна была вся эта разряженная публика, какъ громко и весело смѣялась надъ плоскими шутками и балаганными выходками актеровъ, которыми послѣдніе обильно возмѣщали недостатокъ голосовъ и таланта.

Несмотря на то, что въ воздухѣ послѣ грозы замѣтно посвѣжѣло, въ залѣ было очень душно. А затѣмъ, какъ *souleur local*, могу отмѣтить, что во время всего представленія по зрительному залу свободно носились летучія мыши.

IX.

Островъ Гезире.—Акваріумъ.—Полиція.—«Бакшишъ».

Каиръ обладаетъ своими «Островами», точнѣе—островомъ Гезире, гдѣ ежедневно отъ 5 до 7 часовъ вечера катаются и гуляютъ каирскій *beau-monde*. Широкая аллея изъ гигантскихъ акацій—лебекъ огибаетъ весь островъ. Во время сезона, съ декабря по мартъ, наплывъ публики такъ великъ, что экипажи двигаются шагомъ. Много красивыхъ, богатыхъ выѣздовъ, масса автомобилей, не мало велосипедистовъ, всадниковъ, амазонокъ—сухопарыхъ англійскихъ миссъ, чувствующихъ себя на сѣдлѣ, какъ дома. Вотъ—гаремная карета. Впереди бѣгутъ два «саиса» (бѣгуны). Костюмъ ихъ очень живописенъ: яркая, шитая золотомъ куртка-безрукавка, пышные, бѣлые шаровары, вокругъ талии—широкій разноцвѣтный поясъ, на головѣ—круглая красная шапочка, съ золотой кистью; ноги голыя, и въ рукѣ длинная бамбуковая палка. Всѣ движенія ихъ стройнаго, крѣпкаго, словно вылитаго изъ темной бронзы тѣла, удивительно свободны и пластичны. Сзади кареты неуклюже подпрыгиваетъ на сѣдлѣ отвратительный жирный евнухъ, а изъ ея оконъ любопытно выглядываютъ нѣсколько паръ огромныхъ блестящихъ глазъ. Но лица ихъ обладательницъ, свободно различаемыя сквозь легкую прозрачную вуаль, далеко не красивы: круглыя, болѣзненно-блѣдныя, одутловатыя. Вообще, если судить по пословицѣ: «Ея лицо, какъ полная луна, ея бедра, какъ подушки»—тюрецкій идеалъ красоты—не изъ важныхъ. А вотъ и другое изреченіе: «Бери бѣлую за ея глаза, египтянку—для наслажденія». Дѣлаетъ ли оно честь нашимъ дамамъ, пусть рѣшаютъ онѣ сами.

Въ прежнемъ хедивіальномъ дворцѣ, построенномъ въ 1863 г. и приобрѣтенномъ въ 1893 году акціонерной компаніей, помѣщается первоклассная гостиница «Гезире Паласъ Отель». Ея чудный паркъ стоитъ посмотреть. Здѣсь, прерывая катанье, избранное общество пьетъ *five o'clock tea*. Тамъ же, на островѣ, находятся скаковой кругъ, гдѣ еженедѣльно происходятъ скачки, и разные другіе спортивные клубы.

Недалеко отъ гостиницы—акваріумъ, состоящій исключительно изъ нильскихъ рыбъ. Небольшой по количеству, но интересный отдѣльными экземплярами, онъ помѣщается въ живописномъ гротѣ, вокругъ котораго разбитъ большой прекрасносодержимый садъ. Много тѣни, уютныхъ уголковъ, красивый видъ на Ниль. Тихо, даже уединенно,—словомъ, прелестное мѣ-

стечко для отдыха. Но публика мало его посѣщаетъ, предпочитая сутолоку главной аллеи, гдѣ иной разъ, особенно на участкѣ, прилежащемъ къ парку гостиницы «Гезире», трудно протолкнуться. И вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря умѣлой распорядительной полиціи, порядокъ нарушается крайне рѣдко. Каирская полиція—образцовая. Отчасти въ этомъ, какъ, впрочемъ, и въ другихъ отрасляхъ благоустройства, сказывается англійское вліяніе,—главнымъ же образомъ—взглядъ на полицію самого народа. Здѣсь полицію уважаютъ, и сама она себя уважаетъ. Намъ, странникамъ русской земли, гдѣ, по обывательскому взгляду, во всемъ и всегда виновата полиція,—гдѣ за полиціей охотятся, какъ за куропатками, такое отношеніе, конечно, непонятно; здѣсь же, гдѣ служба въ полиціи считается большою честью, сознаніе служебнаго долга и чувство собственного достоинства, даже у низшихъ полицейскихъ агентовъ, явленіе обычное. Никогда не забуду, какъ меня однажды сконфузилъ простой городской. Мнѣ надо было зайти по дѣлу въ русское консульство; но адресъ мнѣ дали невѣрный—консульство, оказывается, переѣхало—и я довольно долго и безуспѣшно бродилъ по городу. Наконецъ, обратился къ городовому, и тотъ меня повелъ. Идти пришлось довольно далеко; когда же, въ благодарность за оказанную услугу, я протянулъ ему шиллингъ, то надо было видѣть жестъ оскорбленнаго достоинства, съ которымъ онъ уклонился отъ моей руки. «Oh, no, sir, no... No bakchiche!» И это въ Египтѣ, въ классической странѣ бакшиша, гдѣ все имъ живетъ и дышетъ, гдѣ попрошайничаютъ не только нищіе,—которыхъ, кстати, немного—не только дѣти, но и взрослые, со всѣмъ здоровые мужчины и женщины; гдѣ понятія иностранецъ и бакшишъ—нераздѣлимы; гдѣ его требуютъ безъ всякаго повода, такъ, здорово живешь, за то, что вы прошли мимо, за то, что проходя взглянули; гдѣ само правительство, наконецъ, въ расклеиваемыхъ объявленіяхъ убѣдительно проситъ не развращать народъ подачками, давать бакшишъ лишь за дѣйствительно оказываемыя услуги.

Во время нашего пребыванія въ Египтѣ, большимъ успѣхомъ пользовалась серія каррикатурныхъ открытокъ, наглядно и довольно остроумно иллюстрировавшихъ эту, по истинѣ, египетскую язву. Вотъ нѣкоторыя изъ наиболѣе удачныхъ.

Nouveau—né bakchiche: пораженные туристы, съ удивленіемъ разглядываютъ новорожденнаго, который, бросивъ грудь матери, кричитъ имъ: «бакшишъ»! ABC bakchiche: учитель написалъ на доскѣ большими буквами: «бакшишъ». Ученики восторженно повторяютъ любимое слово. Nile bakchiche: туристы съ

парохода изумленно наблюдаютъ нильскихъ рыбъ, выскакивающихъ изъ воды и кричащихъ «бакшишъ»! *Suprême bakchich*: автомобиль перерѣзываетъ двухъ туземцевъ. Въ предсмертной агоніи, они кричатъ: «бакшишъ»! *Macabre bakchich*: туристы съ ужасомъ пятаются отъ гробницы, изъ которой скелетъ протягиваетъ за бакшишемъ руку. *Antique bakchich*: въ «могилахъ царей» оживаетъ изображеніе древняго покойника и требуетъ «бакшишъ». Туристы совсѣмъ поражены, а проводникъ въ полномъ восторгѣ и радостно улыбается. Наконецъ — *Celeste bakchich*: надъ большими пирамидами, дугообразно по темному небу, сочетание звѣздъ образовало огромное, сверкающее: «бакшишъ»! Въ ужасѣ отъ небеснаго явленія мечутся по пустынь люди и животныя.

Эти открытки покупались на расхватъ.

Х.

Ниль и каирская плотина.

Къ числу каирскихъ достопримѣчательностей принадлежитъ такъ называемый барражъ—нильская плотина.

Въ жизни Египта Ниль играетъ первенствующую роль. Смѣло можно утверждать, что, не будь этой рѣки, или прекрати она свои періодическіе разливы, и зеленая, цвѣтущая, удивительно плодородная ея долина, т.-е., иными словами, весь Египетъ, пересталъ бы существовать, превратился бы въ такую же пустыню, какою теперь окруженъ. Не даромъ главное египетское божество—Озирисъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, являлся олицетвореніемъ Нила, а жена его Изиды—олицетвореніемъ орошаемой имъ страны.

Извѣстно, что Ниль образуется изъ сліянія, близъ города Хартума, двухъ рѣкъ: Бѣлаго и Голубого Нила, изъ которыхъ послѣдній, протекая черезъ Абиссинскія горы, превращается отъ періодическихъ дождей въ бурный потокъ, съ увеличеннымъ въ нѣсколько разъ объемомъ воды и такимъ образомъ является причиной ежегодныхъ разливовъ и плодородныхъ функцій самаго Нила. Оставляя въ сторонѣ разницу климатическихъ условій, очень понятную на протяженіи 2,700 километровъ, Нильская долина, между Хартумомъ и моремъ, представляетъ изъ себя страну однородную,—страну чернаго ила, плодородіе котораго сокрыто въ нѣдрахъ Абиссинскихъ горъ, размываемыхъ все уносящимъ за собой потокомъ Голубого Нила. Такъ какъ дожди

экваторіальной Африки находятся въ зависимости отъ пассатныхъ вѣтровъ, дующихъ въ строго опредѣленные сроки, то, въ свою очередь, и разливы Нила имѣютъ правильный опредѣленный характеръ. Разница замѣчается лишь по отношенію къ величинѣ разлива, въ зависимости отъ количества выпавшаго дождя. Медленный подъемъ воды начинается въ началѣ іюня, со середины іюля усиливается, въ концѣ сентября воды остаются, приблизительно въ теченіи мѣсяца, на одномъ уровнѣ, а затѣмъ достигаютъ высшаго предѣла, послѣ чего начинаютъ медленно спадать. Меньше всего воды въ апрѣлѣ и маѣ, по нилометру—семь локтей (3 м. 78 с.). Уровень воды, какъ было уже сказано, въ пятнадцать и двѣ трети локтей (8 м. 46 с.) достаточенъ для обильнаго орошенія. Последнее далеко не вездѣ происходитъ непосредственно. Воды попадаютъ сначала въ цѣлую систему каналовъ и большихъ бассейновъ, гдѣ, при посредствѣ особыхъ плотинъ, поддерживаются на извѣстномъ уровнѣ до тѣхъ поръ, пока земля не пропитается достаточно влагой и не осядетъ въ потребномъ количествѣ плодородный илъ. Послѣ этого излишекъ воды пускаютъ обратно въ рѣку, которая къ тому времени начинаетъ спадать.

Для Египта Нилъ—все, безъ Нила не было бы и Египта. Но эта, единственная въ мірѣ по своимъ оплодотворяющимъ функціямъ рѣка, оказала вліяніе и на всю древнѣйшую цивилизацію вообще. Необходимость регулировать избытокъ водъ научила людей гидравлической архитектурѣ и геометріи. Для точнаго опредѣленія времени подъема и спада воды пришлось обратиться къ изученію небеснаго календаря—отсюда начало астрономіи. Ежегодный разливъ уничтожалъ границы, мѣняя очертанія земельныхъ участковъ,—явилась необходимость точныхъ измѣреній и записей, что, въ свою очередь, повело къ развитію въ народѣ ярко выраженаго чувства права собственности. Постоянныя земельныя недоразумѣнія обусловили появленіе точныхъ регулирующихъ законовъ, заставили населеніе уважать ихъ толкователей—судей, ихъ исполнителей—администрацію. Такимъ образомъ, исключительная дѣятельность Нила повела къ возникновенію первоначальнаго понятія о правѣ и законности, слѣдовательно къ зачатку политической организаціи.

Благодаря каирской плотинѣ, обслуживающей всю Дельту, послѣдняя орошается круглый годъ. Въ среднемъ и верхнемъ Египтѣ такую же функцію выполняютъ плотины въ Сіутѣ и Ассуанѣ.

На барражѣ можно попасть двоякимъ путемъ,—кратчайшимъ, по желѣзной дорогѣ, всего три четверти часа ѣзды, поѣзда

ходятъ шесть разъ въ день,—или на спеціальному пароходѣ, отправляемому разъ въ недѣлю кампаніей трамваевъ. До пристани васъ довозитъ трамъ, цѣна проѣзда умѣренная, на пароходѣ—порядочный буфетъ, такъ что для лицъ, располагающихъ шестью свободными часами, включая и время, необходимое для осмотра барража, послѣдній способъ предпочтительнѣе.

Нилъ—рѣка рабочая по преимуществу и, какъ всякая рабочая сила, красотою не блещетъ. Теченіе, даже во время низкаго стоянія воды, очень быстрое,—не настолько, впрочемъ, чтобы препятствовать судоходству. Болѣе серьезнымъ врагомъ послѣдняго являются ежегодные новые наносы ила и песка, вслѣдствіе которыхъ фарватеръ рѣки постоянно мѣняется. Вотъ почему, несмотря на его большую сравнительно глубину, по Нилу ходятъ исключительно плоскодонные колесные пароходы, и то лишь днемъ. Отъ тѣхъ же ила и песка, вода всегда желтая, мутно-грязная.

По берегу, на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, однообразнымъ непрерывнымъ движеніемъ вертятся большія колеса «сакій», незамысловатаго устройства орошительныхъ машинъ. «Сакіе» состоятъ изъ большого колеса, съ деревянными или глиняными наливными горшками, приводимаго въ движеніе,—при посредствѣ другого горизонтальнаго колеса,—буйволами, чаще буйволицами, иногда верблюдами и даже ослами. Странно видѣть этихъ животныхъ, которыя съ завязанными глазами, безъ всякаго присмотра, цѣлыми часами, ни на минуту не останавливаясь, кружатся, вертя колесо, на пространствѣ не болѣе трехъ саженъ въ діаметрѣ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ «сакій» безпорядочно раскинулись жалкія деревушки феллаховъ. Кое-гдѣ у воды—живописныя группы женщинъ, въ длинныхъ синихъ рубашкахъ, окруженныя полуголыми барахтающимися въ водѣ и грязи дѣтьми. Онѣ наполняютъ тяжелые кувшины и поднимаютъ ихъ на голову легкимъ, граціознымъ движеніемъ. Вдали—зеленая равнина, съ разбросанными по ней купаи пальмъ, сливается у горизонта съ темно-голубымъ небомъ.

Каирская плотина, послѣ Ассуанской, является величайшимъ гидравлическимъ сооруженіемъ всего міра. Строить ее начали въ 1835 году, при Магометѣ-Али. Но тогда, несмотря на массу затраченныхъ денегъ, не могли достигнуть правильнаго дѣйствія шлюзовъ, пришедшихъ къ 1867 году въ окончательную негодность. Лишь въ 1890 году англичанину Манкріеффу удалось докончить сооруженіе, на что потребовалось пять лѣтъ и болѣе пяти съ половиною милліоновъ рублей. Сначала идетъ плотина

восточнаго Даміетскаго рукава. Длина ея—500 метровъ, шлюзовъ съ желѣзными затворами—68. За ней—красивая, широкая аллея изъ акацій—лебекъ, проложенная по острову, раздѣляющему рукава, затѣмъ—плотина западнаго Розетскаго рукава, въ 480 метровъ длины, съ 58 шлюзовыми затворами. Островъ прорѣзывается каналомъ Менуфіе. Для прохода судовъ, у концовъ плотинъ и на каналѣ, устроены подъемные мосты. Нѣсколько предмостныхъ прикрытій, въ стилѣ нормандскихъ крѣпостныхъ башенокъ, оживляютъ общій видъ. Вездѣ проложены рельсы, по которымъ, толкаемые бѣгущими сзади арабами, легко катятся небольшія вагонетки, дающія возможность туристу, въ короткое время и не уставая, осмотрѣть какъ барражъ, такъ и его окрестности.

Весь островъ представляетъ изъ себя сплошной паркъ, содержащій, какъ и вездѣ въ Египтѣ, въ образцовомъ порядкѣ. Масса цвѣтовъ, большія зеленыя лужайки, чистый, сравнительно свѣжій воздухъ,—все это, послѣ каирской духоты и пыли, производитъ особенно пріятное впечатлѣніе. Стоитъ съѣздить на барражъ хотя бы для того, чтобы погулять въ его прекрасномъ саду. Но для чего совершилъ эту поѣздку одинъ изъ нашихъ пароходныхъ спутниковъ—толстый, упитанный католическій патеръ—такъ и осталось загадкой. Когда мы сѣли на пароходъ, мы застали патера уже спавшимъ на верхней палубѣ въ удобномъ креслѣ. Онъ проспалъ всю дорогу, спалъ, когда мы высадились для осмотра барража, продолжалъ спать когда черезъ три часа мы вернулись на пароходъ. Судя по открытому рту, безмятежному выраженію лица, по которому спокойно ползали мухи, по размѣренному похрапыванью съ присвистомъ—сонъ его былъ сладокъ и пріятенъ. Такимъ онъ оставался и во время полутора-часового обратнаго переѣзда. «У него навѣрное—бери-бери»,—выразилъ догадку какой-то сидѣвшій около насъ веселый французъ. Можетъ быть... Но все-таки, для чего же онъ ѣздилъ на барражъ?

XI.

Геліополь.—Дерево Богородицы.—Ферма страусовъ.—
Феллахская деревня и ея обитатели.

Въ двѣнадцати верстахъ и двадцати минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Каира, близъ станціи Матаріе, находятся развалины одного изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ древняго Египта—Геліополя—столицы XIII нижне-египетскаго нома

(провинціи). Покровителемъ города считался богъ солнца Ра, отсюда греческое названіе Геліополя—городъ солнца. Египтяне называли его Онъ, подъ каковымъ именемъ упоминаетъ о немъ и Библія. Знаменитый храмъ бога-солнца, воздвигнутый первымъ царемъ XII династіи, Аменемгетомъ I (2200 лѣтъ до Р. Х.) на развалинахъ стараго святилища, пользовался большою извѣстностью во всемъ Египтѣ и былъ предметомъ заботы многихъ фараоновъ, въ особенности XII династіи. Узертезень I (Сезострисъ) поставилъ передъ храмомъ два большіе обелиска, Рамзесъ III одарилъ его несмѣтными сокровищами, и во времена Новаго Царства, по величинѣ и богатству, онъ уступалъ лишь храму Амона въ Оивахъ. Религіозная литература египтянъ обязана своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ теліопольскимъ жрецамъ, которые и во времена греческаго владычества продолжали пользоваться репутаціей учености и мудрости. Но—и опять: *sic transit gloria mundi*—въ настоящее время отъ древняго города не осталось и слѣда, а на мѣстѣ храма кое-гдѣ валяются какіе-то жалкіе безформенные обломки. Лишь одинъ изъ обелисковъ Узертезена I одержалъ побѣду надъ временемъ и продолжаетъ гордо выситься, указывая мѣсто, гдѣ когда-то находилось столь чтимое святилище. Обелискъ—древнѣйшій въ Египтѣ—изъ краснаго сіенскаго гранита, болѣе 9 сажень вышины, покрытъ большими іероглифическими надписями, одинаковыми на всѣхъ четырехъ сторонахъ. Но съ трехъ сторонъ іероглифы полустерты, а на четвертой—надпись гласитъ, что обелискъ воздвигнутъ царемъ Нижняго и Верхняго Египта и сыномъ солнца Узертезеномъ I въ память его восшествія на престолъ. Обелискъ окруженъ рѣшеткой и, кажется, вполне крѣпкимъ, такъ что простоятъ вѣроятно еще долго.

Въ самой деревнѣ Матаріе есть также своя достопримѣчательность—такъ называемое дерево Богородицы. Это—старый сикоморъ, съ довольно еще свѣжей и зеленой вершиной, но съ полусгнившимъ дуломъ. По извѣстному преданію, въ дуплѣ, прячась отъ преслѣдованія разбойниковъ, нашла убѣжище Богородица во время бѣгства изъ Египта. Паукъ заткалъ входъ въ дупло паутиной, и разбойники были обмануты. Но дѣло въ томъ, что теперешнее дерево посажено въ 1672 году, на мѣстѣ прежняго, погибшаго въ 1665.

По другую сторону желѣзнодорожнаго полотна, въ двадцати минутахъ ходьбы отъ станціи, находится французскій заводъ страусовъ. Въ немъ содержится до 800 головъ, размѣщенныхъ по отдѣльнымъ каменнымъ, съ низкими стѣнами, загонамъ. Очень красивы розовые страусы, высокія могучія птицы съ розоваго

цвѣта кожей. Они даютъ лучшія черныя перья. Послѣднія вырываются два раза въ годъ и, говорятъ, что эта операція довольно болѣзненна. Въ конторѣ завода продаются перья, боа, вѣера, яйца. Жена на память приобрѣла небольшой вѣеръ, стоимостью въ 30 піастровъ (3 руб), и мы удивлялись дешевизнѣ покупки. Но потомъ оказалось, что точно такіе же продаются въ огромномъ количествѣ бродячими торговцами и... вдвое дешевле.

На обратномъ пути съ фермы мы подробно осмотрѣли небольшую феллахскую деревушку.

Феллахи, какъ и копты, прямые потомки древнихъ египтянъ. Но, между тѣмъ какъ копты,—за исключеніемъ проживающихъ въ Верхнемъ Египтѣ,—по преимуществу жители городовъ, гдѣ добываютъ себѣ пропитаніе ремеслами и другими болѣе высокими отраслями труда,—феллахи исключительно земледѣльцы, являются такимъ же земледѣльческимъ сословіемъ въ Египтѣ, какимъ наши крестьяне въ Россіи. И такъ же, какъ нашъ крестьянинъ, феллахъ бѣденъ, невѣжественъ и неразвитъ. Но на этомъ, кажется, ихъ сходство и кончается, такъ какъ хотя нашъ мужикъ и много работаетъ, но, покончивъ со страдною порой, имѣетъ возможность всю зиму лежать на печи, феллахъ же работаетъ, не покладая рукъ, цѣлый годъ. Благодатный климатъ Египта и необычайное, благодаря Нилу, плодородіе земли, дающіе возможность, при извѣстныхъ условіяхъ, снимать до трехъ жатвъ въ годъ, не оставляютъ ему времени для ничегонеделанія. Мужикъ нашъ не работаетъ, празднуетъ 100 дней въ году,—у феллаха нѣтъ даже еженедѣльныхъ дней отдыха (пятница—день молитвы, но не праздникъ), а въ нѣсколько большихъ годовыхъ магометанскихъ праздниковъ, онъ не работаетъ по одному, много по два дня. Трудъ крестьянина, конечно, тяжелъ, но и трудъ феллаха не легче. Положимъ, сама обработка земли проще: сѣмена нѣкоторыхъ растений, на примѣръ, бросаются прямо въ размокшую землю, которая потомъ утаптывается волами,—лишь при немногихъ посѣвахъ необходимо предварительное удобреніе. Зато работа на такомъ вязкомъ грунтѣ, какъ иль, а, главное, постоянная возня съ орошеніемъ, требуютъ огромной затраты силъ.

Мужикъ живетъ бѣдно и грязно. Феллахъ и въ этомъ отношеніи можетъ дать ему сто очковъ впередъ. Напа простая курная изба, не говоря уже о вполне приличныхъ постройкахъ сѣверной, лѣсной полосы Россіи и чистыхъ мазанкахъ Юга, въ сравненіи съ обиталищемъ феллаха—роскошный дворецъ.

Представьте себѣ четыре низенькія стѣны, сложенные изъ нильскаго ила и покрытыя соломой. Въ одной изъ стѣнъ—дыра,

служащая входомъ. И больше ничего. Настоящая собачья конура, только въ большемъ размѣрѣ. А внутри, когда глазъ привыкнетъ къ темнотѣ, вы увидите нѣсколько роговъ, баранью шкуру, мѣдный котелъ, глиняный кувшинъ, и нѣсколько деревянныхъ чашекъ. Иногда тутъ же помѣщается теленокъ или оселъ. Понятно, насколько такая постройка недолговѣчна. Достаточно одного хорошаго ливня, чтобы она пришла въ негодность. Тогда на ея развалинахъ воздвигается новая. Вотъ почему большинство феллахскихъ деревень имѣютъ странный видъ какого-то горбатого пароста. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться. Для феллаха жилище не имѣетъ большого значенія. Онъ спитъ въ немъ только ночью, весь же день проводитъ на воздухѣ или работая въ полѣ, или же въ часы досуга, сидя передъ избой въ тѣни акацій или пальмъ, съ веретеномъ въ рукѣ, на которомъ прядетъ козью шерсть.

Въ ѣдѣ феллахъ отличается большою умѣренностью. Его главной пищей служатъ лепешки изъ сорго въ Верхнемъ Египтѣ, изъ маиса—въ Нижнемъ. Лишь болѣе состоятельные ѣдятъ пшеничный хлѣбъ. Весной и лѣтомъ поглощается огромное количество овощей, изъ которыхъ наиболѣе любимымъ,—какъ я уже говорилъ,—является клеверное растеніе отвратительнаго запаха, называемое синамонъ—*foenum graecum*.

Въ дѣтствѣ феллахъ очень милъ, забавенъ и отличается большою живостью ума; но потомъ, благодаря постоянной однообразной и грубой работѣ,—притомъ совершенно безнадежной, въ смыслѣ выхода изъ нищенскаго состоянія, такъ какъ, сколько бы онъ не заработалъ, все уходитъ на уплату огромныхъ налоговъ и повинностей,—онъ мало по малу утрачиваетъ дѣтскія качества и превращается въ упрямаго фаталиста. Говорятъ, русскій крестьянинъ обремененъ податями. Я предложилъ бы утверждающимъ это подробно ознакомиться съ тѣмъ, что приходится платить феллаху. Вотъ съ кого не только по двѣ шкуры, но и всѣ три дерутъ. Египетское правительство, очевидно, незнакомое съ русской пословицей, дѣйствуетъ согласно своей, арабской, гласящей, что: «съ народомъ надо поступать такъ, какъ съ сезамомъ (кунжутное сѣмя), его надо мять и давить, чтобы получить изъ него масло». Поэтому подати буквально выколачиваются. Зато и феноменальное упрямство феллаха ни въ чемъ такъ ярко не сказывается, какъ при ихъ уплатѣ. Онъ почувствуетъ себя обезчещеннымъ, если заплатитъ повинности по первому требованію, не подвергаясь ударамъ курбаша,—значить, онъ боится страданій. Съ другой стороны, онъ не считаетъ тѣлесное наказаніе унижительнымъ. «Ударъ господина—честь!»—говоритъ пословица.

«Ударъ друга—слаще коринфскаго винограда!»—вторитъ ей другая. Не малое вліяніе оказываетъ при этомъ и чисто семитическая жадность къ деньгамъ. Извѣстенъ слѣдующій историческій фактъ: Сидо-Магометъ-ель-Кораимъ, шерифъ Александріи, уличенный генераломъ Бонапартомъ въ измѣнѣ, былъ приговоренъ къ штрафу въ триста тысячъ франковъ, или къ смертной казни. Будучи очень богатъ, онъ все же предпочелъ казнь, говоря: «Если мнѣ суждено умереть теперь, ничто меня отъ смерти не спасетъ; если—нѣтъ, зачѣмъ же я стану платить».

И все-таки, въ общемъ, феллахъ добродушенъ, благожелателенъ и даже сердеченъ. Конечно, эти качества сказываются по отношенію къ равнымъ себѣ; на иностранца же онъ смотритъ исключительно, какъ на дойную корову, которую слѣдуетъ всячески эксплуатировать.

Мы слишкомъ долго и, такъ сказать, запросто осматривали деревушку, такъ что когда вышли изъ нея, за нами потянулась цѣлая толпа, состоявшая не только изъ дѣтей, но и взрослыхъ. Въ воздухѣ гудѣло слово «бакшишъ». Иногда оно вырывалось общимъ ревомъ, и тогда мнѣ приходилось поднимать палку, чтобы не подвергнуться окончательному штурму. Только при видѣ станціоннаго сторожа, замѣтившаго наше критическое положеніе и устремившагося къ намъ на выручку, толпа остановилась и повернула обратно.

XII.

Пирамиды Гизе и Сфинксъ.

Сегодня, наконецъ, мы побывали на пирамидахъ. Мы выжидали безвѣтреннаго дня, а такіе дни здѣсь бываютъ не часто. При вѣтрѣ, у пирамидъ поднимаются такіа тучи песку, что ничего не видно и трудно дышать. Обращаю на это вниманіе туристовъ: вѣтренный день для осмотра пирамидъ рѣшительно не годится.

Въ сравнительно еще недавнее время мнѣнія расходились относительно цѣли, для которой были построены эти колоссальныя сооруженія. Ихъ считали и мѣстомъ для храненія сокровищъ, и маяками, долженствовавшими указывать путь, и хранилищами для зерна, устроенными библейскимъ Іосифомъ, даже обсерваторіями для астрономическихъ наблюденій. Но въ прошломъ столѣтіи изысканія египтологовъ неопровержимо доказали, что пирамиды—ничто иное, какъ надгробныя памятники фараоновъ, которые, при ихъ сооруженіи, руководились, какъ я уже

говорилъ, религіознымъ представленіемъ о загробной жизни, желаніемъ устроить несокрушимое и недоступное посмертное убѣжище, гдѣ царская мумія покоилась бы вѣчно, гдѣ бы двойникъ покойнаго могъ возвращаться къ ней безпрепятственно.

Большинство пирамидъ находится въ Нижнемъ Египтѣ, на западномъ берегу Нила, между Каиромъ и деревней Мейдумъ. На этомъ пространствѣ ихъ насчитываютъ шестьдесятъ семь, болѣе или менѣе сохранившихся. Въ окрестностяхъ самого Каира, на протяженіи 30 километровъ, сосредоточены шесть главныхъ группъ: Абу-Роашъ, Гизе, Цавіэть-ель-Аріанъ, Абу-сиръ, Саккара и Дашуръ. Всѣ онѣ возведены въ періодъ Древняго и Средняго царствъ, т.-е. съ половины четвертаго по конецъ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. Царскихъ пирамидъ болѣе поздняго времени неизвѣстно ни одной.

Фараонъ начиналъ строить себѣ посмертное жилище, какъ только вступалъ на престолъ. Чѣмъ дольше онъ царствовалъ, тѣмъ и пирамида выходила больше. Довольно точное и въ общихъ чертахъ вѣрное описаніе постройки пирамидъ можно найти у Геродота, побывавшаго въ Египтѣ между 470—466 годами до Р. Х. Между прочимъ, онъ рассказываетъ, что при постройкѣ самой большой пирамиды—хеопсовой—работали ежегодно, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, сто тысячъ человѣкъ, причемъ строилась она двадцать лѣтъ. Въ теченіи этого времени на одни овощи, употребленныя въ пищу рабочими, истрачено, какъ указываетъ надпись на пирамидѣ, 1600 талантовъ, т.-е. болѣе трехъ милліоновъ руб.

Бхать на пирамиды удобнѣе всего въ спеціальному трамвѣ, мѣсто отправленія котораго находится по ту сторону Нила, близъ моста Касръ-енъ-Ниль.

Еще на мосту, угадавъ чутьемъ легавой собаки, что мы собираемся на пирамиды, къ намъ подошелъ проводникъ. По обыкновенію мы отклонили его услуги и онъ мгновенно отошелъ. Насъ и тогда эта необычайная деликатность удивила. Но потомъ, пока мы сидѣли въ ожиданіи трама, онъ опять подошелъ и на отличномъ англійскомъ языкѣ произнесъ цѣлую рѣчь. Онъ прекрасно, молъ, понимаетъ, что разъ у насъ есть эта красненькая книжка (Бедекеръ) мы въ его услугахъ не нуждаемся; но тамъ, на пирамидахъ, къ намъ будутъ приставать мѣстные проводники, да и хозяева пирамидъ—бедуины Гизе—народъ, тоже въ достаточной мѣрѣ назойливый. И вотъ, онъ предлагаетъ намъ свои услуги не въ качествѣ проводника, а въ качествѣ, такъ сказать, слуги и охранителя. Онъ будетъ носить наши фотографическіе аппараты, отгонять пристающихъ, производить по таксѣ всѣ необходимыя расходы и т. п. И такъ убѣдительно и краснорѣчиво гово-

рилъ онѣ все это, а, главное, былъ такъ красивъ въ своемъ бѣлоснѣжномъ халатѣ и такомъ же тюбанѣ, казался такимъ изящнымъ, сдержаннымъ и приличнымъ, что мы, наконецъ, уступили. Съ веселой улыбкой, показавъ рядъ чудныхъ зубовъ, онъ мгновенно отобралъ наши кодаки и занялъ мѣсто въ другомъ вагонѣ.

Дорога къ пирамидамъ проходитъ мимо дворца Гизе, когда-то гарема хедива Измаила, постройка котораго обошлась, говорятъ, въ 120 милліоновъ франковъ. Съ 1889 по 1902 годъ въ немъ помѣщался египетскій музей, а въ настоящее время его ломаютъ для какой-то новой постройки. Въ его большомъ красивомъ паркѣ находится зоологическій садъ, ничѣмъ, впрочемъ, не выдающійся ни по количеству, ни по составу животныхъ. Можно лишь указать на довольно большой и разнообразный отдѣлъ обезьянъ и, какъ на курьезъ,—въ особенности для насъ, русскихъ,—на простую, обыкновенную галку, которая, какъ особая рѣдкость, содержится въ отдѣльной клѣткѣ.

Обогнувъ деревню Гизе, служившую нѣкогда излюбленнымъ дачнымъ мѣстомъ мамелюкскихъ властителей, теперь же заброшенную и жалкую, трамъ беретъ направленіе прямо на пирамиды, до которыхъ еще довольно далеко—около девяти верстъ.

Мы попали какъ разъ въ то время, когда разливъ Нила достигъ высшаго своего предѣла, и все кругомъ находилось подъ водой, надъ поверхностью которой рѣзко выдѣлялась, уходя вдаль, прямая, какъ стрѣла, желтая насыпь грама, съ двумя безконечными черными линіями-рельсами. Кое-гдѣ, какъ островки, поднимались изъ воды небольшія деревушки, между которыми двигались, поддерживая сообщеніе, маленькіе досчатники и солидныхъ размѣровъ парусныя лодки.

По мѣрѣ приближенія, все рѣзче и отчетливѣе выдѣляются на синемъ фонѣ неба огромные сѣрые треугольники. Вотъ и большое зданіе гостиницы «Mena House», хорошаго мѣстопробыванія для любителей тишины и спокойствія. За гостиницей бѣлѣются на пескѣ раскинутыя палатки. Тамъ ея обитатели, защищенные отъ палящихъ лучей солнца, могутъ пользоваться luft kur'омъ, дышать чуднымъ воздухомъ пустыни.

У «Mena House» конечный пунктъ грама, и не успѣваетъ онъ остановиться, какъ его пассажиры подвергаются обычной атакѣ проводниковъ и погонщиковъ. Несчастныхъ рвутъ на части. Бѣда въ эту минуту растеряться или проявить нерѣшительность. У васъ окажется не одинъ, а три проводника, вамъ придется ѣхать на нѣсколькихъ верблюдахъ и столькихъ же ослахъ. Мы лично, благодаря нашему тѣлохранителю, носившему громкое имя Абдуль-Азиса, были избавлены отъ этой непріятности. Нѣсколь-

кими словами онъ разсѣялъ обступившую насъ толпу, и мы неторопясь направились къ сѣрымъ громадамъ. Приходилось подниматься, хотя и не круто, но по довольно глубокому песку. Четверть часа ходьбы—и мы у подножія самой большой пирамиды, считавшейся нѣкогда однимъ изъ чудесъ свѣта, занимающей и по нынѣ шестое мѣсто по высотѣ (137 метровъ, прежде съ вершиной—147 метровъ) среди всѣхъ зданій мира,—у подножія хеопсовой пирамиды.

Издали пирамиды особаго впечатлѣнія не производятъ. Но, тутъ рядомъ, бокъ о бокъ, эти чудовищныя громады поражаютъ, давятъ своею колоссальной массивностью и вспоминая, что имъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, невольно удивляешься техническимъ знаніямъ древнихъ египтянъ съ одной стороны, ихъ работоспособности—съ другой. А, затѣмъ, какое огромное, безпредѣльное могущество одного человѣка при безотвѣтномъ рабствѣ всѣхъ остальныхъ.

Абдуль взялъ намъ билеты, необходимые для подъема на пирамиду и вернулся въ сопровожденіи семи бедуиновъ, которые должны были намъ помогать при восхожденіи. Съ правильными семитическими чертами лица и черными блестящими глазами, они очень эффектны въ своихъ бѣлыхъ плащахъ и тюрбанахъ. Ноги босыя и съ такой огрубѣвшей кожей, что они совершенно свободно ходятъ по острымъ камнямъ.

Пирамиды сложены изъ огромныхъ камней, объемомъ въ 40 кубическихъ футовъ и до облицовки имѣли видъ четырехсторонней гигантской лѣстницы, постепенно суживающейся кверху. На хеопсовой пирамидѣ облицовка, состоявшая изъ бѣлаго известняка, почти совершенно стерлась, и на нее всходятъ, какъ по лѣстницѣ. Но вышина ступенекъ этой лѣстницы отъ 1 аршина 2 вершковъ—1½ аршинъ, и поднять ногу съ нижняго камня на верхній—своего рода гимнастическое упражненіе. Вотъ почему нельзя обойтись безъ посторонней помощи. Два араба, стоя надъ вами, поднимаютъ васъ за руки, третій—въ особенно трудныхъ мѣстахъ подталкиваетъ сзади. Восхожденіе неопасно, но утомительно. Лицамъ, подверженнымъ головокруженію, лучше не подниматься.

Намъ говорили,—о чемъ, впрочемъ, упоминаетъ и Бедекеръ,—что сопровождающіе бедуины стараются доставить васъ на вершину, какъ можно скорѣе, что въ этомъ они видятъ своего рода *point d'honneur*, а потому всячески васъ торопятъ, не даютъ отдыхать, чѣмъ, само собой, увеличиваютъ утомительность подъема. Но мы рѣшительно этого не замѣтили. Наоборотъ, наши бедуины чуть не черезъ каждыя десять ступенекъ предлагали

намъ посидѣть, поили водой изъ кувшина, который несъ седьмой арабъ, вообще, оказались очень внимательными и предупредительными. Лишь въ самомъ концѣ подъема, когда до вершины оставалось нѣсколько небольшихъ ступеней, бедуины, помогавшіе женѣ, непремѣнно захотѣли, чтобы она первая вступила на вершину и подняли ее туда въ одно мгновеніе. Эта мелочь свидѣтельствуешь, между прочимъ, до какой степени постоянное общеніе съ иностранцами привило «дѣтямъ пустыни» европейскіе взгляды, столь иногда расходящіеся, какъ въ данномъ случаѣ, съ ихъ собственными обычаями.

Вершина пирамиды, прежде остроконечная, въ настоящее время представляетъ довольно просторную площадку въ 10 квадратныхъ метровъ, по которой могутъ свободно двигаться нѣсколько человѣкъ. Посрединѣ ея—высокій шестъ, указывающій первоначальную вышину пирамиды.

Во время подъема я старался не смотрѣть по сторонамъ, чтобы сохранить цѣльность впечатлѣнія и теперь, очутившись на вершинѣ, жадно сталъ вглядываться въ окружающее безграничное пространство. Но, нѣтъ... Сначала необходимо посидѣть и отдышаться, такъ какъ отъ труднаго подъема усиленно бьется сердце, а въ глазахъ—какой-то туманъ. Очень кстати откуда-то вынырнулъ арабъ съ чашками кофе на подносѣ. Оказывается, онъ цѣлый день проводитъ на пирамидѣ, варя кофе и угощая имъ туристовъ. Послѣ только что продѣланной гимнастики небольшая чашка горячей душистой жидкости показалась особенно вкусной.

А теперь можно заняться и видомъ, который, дѣйствительно, поразителенъ. Прежде всего бросается въ глаза яркій контрастъ между блестящей зеленой равниной Нила и окружающей ее со всѣхъ сторонъ тусклой, сѣровато-желтой пустыней. Среди ярко-зеленыхъ береговъ катитъ свои волны могучая кормилица-рѣка, и вы воочію убѣждаетесь въ ея оплодотворяющей силѣ. Тамъ, куда доходятъ ея воды—вѣчная жизнь, тамъ, гдѣ ея благотворное вліяніе перестаетъ дѣйствовать—вѣчная смерть. Среди зелени полей сверкають на солнцѣ ленточки оросительныхъ каналовъ, съ тонкими стройными пальмами по берегамъ; на затопленныхъ пространствахъ снуютъ черныя точки—лодки; деревушки феллаховъ кажутся муравьиными кучами. Вдали, на югѣ,—очертанія Абусирскихъ, Саккарскихъ и Дашурскихъ пирамидъ. Каиръ, съ его цитаделью, какъ на ладони,—даже ея красивые минареты видны отчетливо. Внизу, будто у самаго подножія пирамиды, поднимаетъ изъ песка свою загадочную голову другое родственное чудовище—сфинксъ. А на западъ, сѣверо-

западъ и югъ—необъятный кругозоръ и пустыня, пустыня безъ конца. Не хочетъ, не можетъ оторваться глазъ отъ этой необъятно-широкой, величественной картины и такъ бы, кажется, все стоялъ и смотрѣлъ. А нельзя, пора въ обратный путь. Наши арабы успѣли уже вырѣзать на камняхъ площадки наши фамиліи и сегодняшнія даты, предварительно стережъ старыя такія же надписи,—о, наивные туристы, воображающіе, что ихъ вырѣзанныя на вершинѣ хеопсовой пирамиды имена будутъ читать отдаленное потомство!—и начинаютъ теперь проявлять замѣтные признаки нетерпѣнія. Мы уже пересидѣли одного англичанина, плотнаго, довольно сырой комплекціи и, очевидно, мало тренированнаго господина, который, добравшись до вершины, какъ мѣшокъ свалился на камень и очень долго не могъ отдышаться, а потомъ, обратясь ко мнѣ, сердито выговорилъ: «Я знаю только одно: второй разъ я сюда не полѣзу!» Онъ равнодушно поворочалъ кругомъ глазами и почти тотчасъ же потребовалъ, чтобы его вели обратно. Кажется, впрочемъ, что ему совсѣмъ не слѣдовало подниматься: при спускѣ онъ почувствовалъ головокруженіе и его съ большимъ трудомъ спустили на снятыхъ съ головы тюрбанахъ.

Спускаться приходится скачками. Два араба, теперь уже внизу, подъ вами, принимаютъ васъ на руки. Но, во всякомъ случаѣ, спускъ гораздо легче подъема, и мы въ какихъ-нибудь десять минутъ уже находились внизу.

Впослѣдствіи жена мнѣ призналась, что ею нѣсколько разъ овладѣвало жуткое чувство. Вѣдь, въ сущности, мы все это время находились въ полной зависимости отъ нѣсколькихъ дикарей. Они могли дѣлать съ нами, что угодно: ограбить, столкнуть внизъ. Прежде, давно, такіе случаи, говорятъ и бывали; но теперь они—преданія старины глубокой. Пирамиды находятся въ распоряженіи бедуиновъ деревни Гизе, для которыхъ туристы являются источникомъ большихъ и постоянныхъ доходовъ; но въ тоже время, если съ кѣмъ-либо изъ нихъ случится несчастіе, шейха деревни безъ всякихъ разговоровъ вѣшаютъ, что, говорятъ, и случилось лѣтъ сорокъ назадъ, когда съ одной барышней, при спускѣ, сдѣлалось дурно. Проводники не успѣли ее удержать, она полетѣла внизъ и, конечно, разбилась, а шейха моментально повѣсили. Такимъ образомъ, съ одной стороны—постоянный, вѣрный и крупный доходъ,—съ другой—петля на шею. Понятно, что шейхи выбираютъ въ проводники людей сильныхъ, опытныхъ и вѣрныхъ.

Теперь, по заведенному порядку, слѣдовало осмотрѣть внутренность пирамиды. Но я небольшой охотникъ ползать на животѣ.

безъ чего въ Хеопсову пирамиду не попасть, а потому мы рѣшили осмотрѣть третью пирамиду—Мекерина—доступъ въ которую легче.

Обойти всю огромную площадь, занимаемую пирамидами и другими достопримѣчательностями, можно, конечно, и пѣшкомъ, но такой обходъ крайне утомителенъ, ибо мѣстами такъ много песку и онъ такъ глубокъ, что ноги вязнутъ по щиколотку. Поэтому мы взяли верблюдовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, женѣ досталась «Сарра Бернаръ», я же поѣхалъ на «Императрицѣ Евгениі». Чтобы сѣсть на верблюда, его предварительно заставляютъ ложиться. Казалось бы, животнымъ давно слѣдовало привыкнуть къ этому постоянно повторяемому движенію, между тѣмъ большинство ложится неохотно, выказывая свое неудовольствіе дикимъ ревомъ. Когда верблюдъ встаетъ, сѣдоку необходимо крѣпко держаться руками за луку сѣдла,—сперва за заднюю, такъ какъ, поднимаясь, животное сначала выпрямляетъ заднія ноги и въ стремительно летите впередъ, а потомъ за переднюю, ибо при выпрямленіи переднихъ ногъ, васъ также сильно бросаетъ назадъ. Шагъ верблюда широкій, покойный, но рысь тряская и непріятная.

Двигаясь по восточной сторонѣ Хеопсовой пирамиды, мы проѣхали мимо трехъ маленькихъ незначительныхъ пирамидъ и стали спускаться подъ гору. Вотъ и сфинксъ—огромное туловище лежащаго льва, съ пропорціонально громадной человѣческой головой. За исключеніемъ задней части спины и лапъ, онъ весь высѣченъ изъ одного куска скалы. Объ его размѣрахъ даютъ понятіе слѣдующія цифры. Высота, считая отъ макушки головы до основанія, на которомъ покоится туловище, болѣе 9-ти сажень, длина—отъ конца лапъ до начала хвоста—около 27 сажень, ширина лица—5 аршинъ 14 вершковъ, длина уха—1 аршинъ 10 вершковъ и рта—около 3-хъ аршинъ. Когда именно и кѣмъ былъ онъ воздвигнутъ, достовѣрно неизвѣстно. По одной версіи, на него наткнулись рабочіе во время предварительныхъ работъ по постройкѣ Хеопсовой пирамиды. Пирамидъ около шести тысячъ лѣтъ, сколько же лѣтъ сфинксу? По другой—его соорудилъ одинъ изъ фараоновъ XII династіи Аменемгетъ III, изображеніемъ котораго онъ будто бы и является. Позднѣе ему стали поклоняться, какъ богу солнцу—Ра. Его лицо въ настоящее время сильно обезображено,—главнымъ образомъ ядрами мамелюковъ, которые пристрѣливали по немъ свои пушки предъ битвой съ Наполеономъ. Носъ и часть щеки отшиблены, шея сдѣлалась слишкомъ тонкой, отъ оживлявшей лицо краски остались почти незамѣтные слѣды. Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ лицо это,

благодаря мастерской, талантливой отделкѣ, производить сильное впечатлѣніе. Безусловно красивое, оно дышетъ спокойнымъ величіемъ и силой, таятъ глубокую думу устремленные вдаль глаза, губы сложились въ чуть замѣтную загадочную усмѣшку.

Пески пустыни—лютый врагъ сфинкса. Они ведутъ съ нимъ постоянную упорную борьбу. Много разъ исчезалъ онъ подъ ними и много трудовъ ушло на его раскопки. Послѣдній разъ его раскопалъ Масперо въ 1886 году, а теперь его уже снова начинаетъ засыпать.

Тутъ же, почти рядомъ—развалины такъ называемаго «храма сфинкса», открытаго Мариетомъ въ 1853 году. Онъ весь изъ гранита, принадлежитъ къ мемфисскому періоду и является древнѣйшимъ храмомъ изъ всѣхъ, сохранившихся въ Египтѣ. Снаружи онъ до сихъ поръ засыпанъ пескомъ. Красива его внутренняя алебастровая отделка, великолѣпны массивные монолитные столбы изъ розоваго гранита, поддерживавшіе такіе же переводы, изъ которыхъ два сохранились и по сіе время. Опять удивляешься искусству, съ которымъ тогдашніе рабочіе умѣли справляться съ самыми твердыми строительными матеріалами. Въ колодцахъ храма, наполненномъ теперь водой, были найдены семь статуй Фараона Хефрена, находящіяся нынѣ въ Египетскомъ музее.

Продолжая путь, мы проѣхали мимо открытой въ 1837 году семейной могилы какого-то царедворца XXVI династіи, носившаго длиннѣйшую, неудобовыговариваемую фамилію. Теперь ее зовутъ могилой Кампбеля, именемъ тогдашняго англійскаго генеральнаго консула. Далѣе—развалины какой-то башни и недостроенной пирамиды, приписываемой фараону Тетеръ-Ре, послѣднику Микерина и высѣченныя въ скалѣ могилы родственниковъ и приближенныхъ фараоновъ IV и V династіи. Предполагая посѣтить въ будущемъ Саккарскій некрополь, гдѣ могилы болѣе типичны и лучше сохранились, мы этихъ могилъ не осматривали.

Вотъ и пирамида Микерина, третья по величинѣ изъ пирамидъ Гизе. Она на-много меньше двухъ первыхъ, достигая лишь 62-хъ метровъ высоты. Рядомъ еще три пирамиды—совсѣмъ маленькія, вѣроятно, гробницы родственниковъ Микерина. Входъ въ пирамиду съ сѣвера. Сначала идетъ узкій, низкій, совершенно темный корридоръ. Онъ спускается довольно круто, ноги по гладкому камню скользятъ, а голова,—хотя мы сгибались въ три погибели, поминутно стучается о неровности гранитнаго потолка. Наконецъ, мы съ удовольствіемъ выпрямляемся. Мы дошли до такъ называемаго «преддверья»—небольшой, но достаточно вы-

сокой комнаты. За ней—опять корридоръ, но уже болѣе удобный,—небольшой легкій спускъ и главная «погребальная» комната. Она среднихъ размѣровъ, съ нишей, въ которой долженъ былъ помѣщаться царскій саркофагъ. Говорю: долженъ былъ, такъ какъ въ дѣйствительности его нашли въ другой, сосѣдней, куда, полагають, онъ былъ перенесенъ въ эпоху, слѣдовавшую за Новымъ царствомъ, когда, какъ я указывалъ выше, правительство стало заботиться объ огражденіи царскихъ гробницъ отъ повальнаго расхищенія. По сохранившимся описаніямъ саркофагъ былъ роскошной работы. Его отправили въ Лондонъ. Но у береговъ Испаніи перевозившій его корабль потерпѣлъ крушеніе. Найденные же въ саркофагъ остатки деревяннаго гроба съ царской муміей, посланные отдѣльно, находятся теперь въ Британскомъ музеѣ.

Тускло мерцавшія свѣчи не могли разогнать окружавшій мракъ. Сторожъ зажегъ магній. И напрасно. Яркій свѣтъ, разсѣявъ иллюзію таинственности, не замѣнилъ ее ничѣмъ достойнымъ вниманія. А за ленточку магнія, горѣвшую не болѣе минуты, потребовали три шиллинга (1½ рубля).

Обратный путь, благодаря тому, что пришлось подниматься, показался легче; тѣмъ не менѣе головамъ нашимъ досталось опять.

Очутившись на воздухѣ, мы какъ то смущенно переглянулись.

— А, пожалуй, лазить туда и не стоило,—заявила жена, приводя въ порядокъ шляпу и прическу. Конечно—не стоило, и мой совѣтъ туристамъ—внутренность пирамидъ Гизе не осматривать.

Тронулись дальше, ко второй пирамидѣ—Хефрена. Въ настоящее время она лишь менѣе чѣмъ на одинъ метръ ниже Хеопсовой, но кажется даже выше, благодаря тому, что уровень ея основанія выше. Вершина ея сохранила прежнюю облицовку и снизу представляется гладко полированной. Нашъ Абдуль-Азисъ увѣрялъ, что среди бедуиновъ есть ловкачи, которые въ четверть часа спускаются съ Хеопсовой пирамиды и взбираются на Хефреновскую и что въ этомъ *tour de force* самымъ труднымъ является подъемъ по облицованной части пирамиды Хефрена, добравшись до которой бедуинъ ложится и ползетъ на животѣ.

— Не хотите ли посмотреть? Желающихъ найдется сколько угодно и будетъ это стоить всего три франка.

Но мы устали, хотѣлось поскорѣе окончить осмотръ, а потому и отклонили это заманчивое предложеніе.

Опять—рядъ высѣченныхъ въ скалѣ гробницъ, остатки каменоломни, откуда, говорятъ, добывался камень для постройки Геліопольскаго храма и по крутому подъему, черезъ естествен-

ную разсѣлину скалы мы выѣхали на площадь, усѣянную развалинами нѣсколькихъ десятковъ надземныхъ могилъ. Впереди—Хеопсова пирамида и нашъ кругъ оконченъ. Жарко, душно. Внезапно поднявшійся вѣтеръ несетъ тучи песку. Мы подгоняемъ верблюдовъ, чтобы скорѣе добраться до ресторанчика у остановки трама, гдѣ можно утолить нестерпимую жажду. Моей «Императрицѣ Евгеніи» такая спѣшка не по нутру, и она начинаетъ изъяснять свое неудовольствіе громкимъ ревомъ. Приглашаю для расчета Абдуль-Азиса и, по обыкновенію, przygotowляюсь къ нескончаемому торгу и протестамъ. И вдругъ—ничего подобного! Представленный счетъ оказывается очень умѣреннымъ и соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Пораженный такой неожиданностью, я удваиваю гонораръ и предлагаю выпить съ нами пива. Деньги принимаетъ съ видимымъ удовольствіемъ, но отъ пива отказывается. Почему? Теперь Рамаданъ, когда не полагается ни ѣсть, ни пить до сумерокъ. Но, если позволимъ, онъ съ нами посидитъ и поговоритъ... о поѣздкѣ въ Саккару. Увы, у насъ совсѣмъ другіе планы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень не хочется разочаровывать симпатичнаго араба, проявившаго на дѣлѣ столь положительныя качества. «Да... Очень возможно... Когда нибудь въ будущемъ»...

Разстались мы большими друзьями. То былъ единственный египетскій проводникъ, при воспоминаніи о которомъ во мнѣ не поднимается чувство, возбуждаемое мошеннической эксплуатаціей и безсовѣстнымъ обманомъ.

Мы побывали на пирамидахъ еще нѣсколько разъ, любовались ими и при лунномъ свѣтѣ. Ежемѣсячно, въ три дня полнолунія, туда ходятъ добавочные вечерніе поѣзда. Насъ собралось цѣлое общество; но приѣхали мы слишкомъ рано, когда луна еще не взошла и расположились въ ресторанѣ пить чай. Потомъ—кто на верблюдахъ, кто на ослахъ, а кто и пѣшкомъ—двинулись къ пирамидамъ. Было облачно, луна то показывалась, то скрывалась, и эти постоянные переходы отъ свѣта къ полу-мраку усиливали впечатлѣніе. Въ бѣлесовато-молочномъ туманѣ, неопредѣленные очертанія каменныхъ громадъ казались еще болѣе грандіозными, еще болѣе величественными. Внизу таинственно сѣрѣлъ смутный образъ сфинкса и казалось, что это какое-то фантастическое чудовище, внезапно вынырнувшее изъ песчаной бездны. Но вотъ—сѣрватая мгла становится прозрачнѣе, постепенно пропадаетъ смутность и неопредѣленность очертаній и вдругъ вершина пирамиды ярко освѣщается. Еще мгновенье—и все кругомъ свѣтло и радостно купается въ голубовато-нѣжныхъ лучахъ. Огромная густая тѣнь пирамиды еще рѣзче отѣ-

няетъ блескъ ея освѣщенныхъ частей и, кажется, будто сама благородная голова сфинкса, теперь рельефно выступающая изъ глубины, шлетъ загадочную улыбку родному свѣтилу. А египетская луна удивительная: ея свѣтъ такъ ярокъ, что при немъ можно свободно читать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ томно-нѣженъ, что залѣзаетъ въ душу, наполняетъ ее сладостной истомой. Сама пустыня, подѣ дѣйствіемъ ея лучей какъ будто оживаетъ и окружающая тишина смѣняется далекими, неопредѣленными, отовсюду несущимися звуками. Но нашло облако и все мѣняется: опять сѣро, тускло и мертво...

Меня позвали.

На песчаномъ холмѣ, противъ сфинкса, живописно расположилось наше общество. Тутъ же—кучка арабовъ. Одинъ изъ нихъ собирается гадать, и я, какъ знающій англійскій языкъ, нуженъ въ качествѣ переводчика. Арабъ зажегъ огарокъ, сгрѣбъ передъ собой кучку песка и пальцемъ натыкалъ въ ней дырочки. Это обычный способъ гаданія на Востокѣ. Въ Каирѣ вы часто видите сидящаго на тротуарѣ араба, передъ которымъ разсыпанъ на бумагѣ тонкимъ слоемъ песокъ. Рядомъ, на корточкахъ—публика, преимущественно женщины, жадно внимающія прорицателю. Но то—профессіоналы, нашъ же гадальщикъ оказался низкопробнымъ диллетантомъ, всѣ предсказанія котораго вертѣлись исключительно на вопросахъ брака и брачнаго потомства, причемъ онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ вралъ и путалъ, увѣряя, напримѣръ, дѣвушку, что у нея скоро родится третій ребенокъ, а замужней совѣтуя не отчаиваться, такъ какъ, хотя избранникъ ея сердца и уѣхалъ, но быстро вернется и сдѣлаетъ ей предложеніе. Когда же я ему замѣчалъ, что онъ ошибается и что перерѣлая дѣва, которую онъ только что наградила потомствомъ въ пять человѣкъ, еще барышня, незамужняя, онъ нахально заявлялъ, что онъ ошибаться не можетъ, а что ошибаюсь я. При этомъ—ни капли самой элементарной наблюдательности: откровенно флиртовавшую парочку, состоявшую изъ почтенной матери семейства и совсѣмъ еще юнаго офицера, онъ принялъ за супруговъ, чѣмъ настолько же обрадовалъ первую, насколько сконфузилъ второго.

Ночь была тихая, теплая. Тоненькими змѣйками поднималось пламя огарковъ, фантастично освѣщая и сбившихся въ кучу людей и лежавшихъ поодаль животныхъ. Радостно гоготали арабы, слушая нахальное вранье товарища, смѣялись дамы и кавалеры,—кто весело, отъ души, а кто и принужденно. Размѣренно посапывали, пережевывая жвачку, верблюды, спокойно лежали ослики, уткнувъ морду въ песокъ и раздувая поздрп, словно его

нюхая. А въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣлись двѣ темныя фигуры мѣстныхъ блюстителей порядка, не покидавшихъ насъ, съ самаго приѣзда. Вдругъ одна изъ нихъ двинулась и направилась къ намъ. «Если лэди и джентльмены намѣреваются вернуться въ Каиръ на трамбѣ, то пора: послѣдній отходить черезъ полчаса». Всѣ засуетились, стали собираться.

— Какая здѣсь, однако, внимательная полиція,—замѣтилъ кто-то, и это справедливое замѣчаніе ни съ того ни съ сего вызвало ядовитую отвѣдь со стороны перезрѣлой дѣвы.

— Вы находите? А я вотъ чувствую, что одно появленіе полицейскаго мундира отравило мнѣ все впечатлѣніе отъ этой дивной ночи!—громогласно заявила она.

Бѣдная дѣва! Она, конечно, не ожидала, что эта гнилая отрыжка «освободительнаго» духа современной русской дѣйствительности будетъ такъ скоро наказана. При расчетѣ, хозяинъ ея осла—«симпатичный, высокообаятельный дикарь и свободный сынъ пустыни»,—какъ восторженно аттестовала она его раньше,—потребовалъ ровно вдвое противъ условленной цѣны. Дѣва раскудаhtалась, какъ обиженная курица.

— Негодяй! Мошенникъ! Позовите, пожалуйста, городского.

— Какъ?—не вытерпѣлъ я.—И вы не боитесь, что вторичное появленіе ненавистнаго мундира можетъ окончательно уложить васъ въ постель?

— Ну, что вы говорите! Не могу же я допустить, чтобы меня грабилъ какой-то разбойникъ!

А полицейскій, увидѣвъ, что происходитъ какое-то недоразумѣніе—ужъ тутъ какъ тутъ. Узнавъ, сколько заплачено погонщику, онъ не сталъ слушать дальнѣйшихъ объясненій и, поднявъ палку, со свистомъ опустилъ ее на спину «свободнаго сына пустыни», чѣмъ привелъ послѣдняго въ отчужденное расположеніе духа. Съ веселымъ хохотомъ онъ сталъ что-то объяснять, сильно жестикулируя и указывая на дѣву, молча съ презрительной усмѣшкой наблюдавшую эту сцену.

— Имши! (ступай вонъ, убирайся!)—грозно крикнулъ полицейскій и снова поднялъ палку.

А ненавистница полицейскаго мундира, вмѣсто того, чтобы возмутиться этой палочной расправой, проходя мимо городского нѣжно ему улыбнулась и сказала:

— Merci!

XIII.

Хелуанъ.—Вилла Ванда.—Мустики.—Пустыня.

Мы переѣхали въ Гелуанъ,—вѣрнѣе Хелуанъ, или даже—Хельванъ, какъ произносятъ англичане. Это—небольшой городокъ, въ двадцати верстахъ отъ Каира, расположенный среди пустыни, на искусственномъ оазисѣ. Онъ выстроенъ египетскимъ правительствомъ сравнительно недавно и теперь въ немъ насчитываютъ восемь тысячъ жителей, исключая иностранцевъ—больныхъ и туристовъ, проживающихъ временно, въ теченіи зимы и число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Сѣрные и соляные источники Хелуана были извѣстны въ глубокій древности, но въ благоустроенный курортъ онъ началъ превращаться лишь при Хедивѣ Тевфикѣ, очень его полюбившемъ, построившемъ тамъ дворецъ, каковому примѣру послѣдовали многіе изъ придворныхъ и знати. Въ настоящее время Хелуанъ признается лучшимъ курортомъ для почечныхъ больныхъ, а также для грудныхъ,—въ первоначальной стадіи болѣзни. Много ревматиковъ, подагриковъ и золотушныхъ. Но и для людей здоровыхъ, желающихъ избѣжать переменчивой и суровой европейской зимы, Хелуанъ является прекрасной климатическою станціей. Сухой, удивительно чистый воздухъ, отсутствіе дождей, постоянное солнце, умѣренная температура—самый холодный мѣсяцъ—январь, со средней температурой въ 12° по Цельзію, причемъ днемъ на солнцѣ всегда жарко,—все это вмѣстѣ взятое является такимъ соединеніемъ исключительно благопріятныхъ условій, какого не представляетъ ни одно другое мѣсто на земномъ шарѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить наличность комфорта и удобствъ, столь цѣнныхъ культурнымъ человѣкомъ и которыхъ,—увы!—такъ недостаетъ нашимъ отечественнымъ курортамъ. Много вполне порядочныхъ гостиницъ,—изъ нихъ нѣсколько перворазрядныхъ,—масса хорошихъ пансіоновъ, такъ что можно утверждать безъ преувеличенія, что треть всего Хелуана состоитъ изъ гостиницъ, пансіоновъ и частныхъ квартиръ для пріѣзжающихъ. Городокъ такой бѣленькій и чистенькій, его сравнительно широкія, освѣщенныя электричествомъ улицы такъ правильно распланированы, что, не будь плоскихъ крышъ, да, пожалуй, красавицъ-пальмъ, не встрѣчайся на улицахъ туземное населеніе и можно было бы думать, что находишься не въ Египтѣ, не среди Аравійской пустыни, а гдѣ нибудь въ Европѣ, такъ мало въ самомъ городѣ восточнаго характера.

Вотъ насчетъ развлеченій—плохо. Положимъ, есть казино, но очень неважное и мало посѣщаемое. Въ немъ лицедѣйствуютъ, въ перемѣшку съ кинематографомъ, разныя бродячія малопитересныя труппы. По воскресеньямъ на его площадкѣ играетъ оркестръ, исполненіе котораго художественностью не отличается. Не особенно много и спортивныхъ удовольствій: скаковой кругъ, гдѣ почти каждое воскресенье происходятъ очень заурядныя скачки, тамъ же—*tir aux pigeons*; а огромную площадь за Тевфикъ паласъ отелемъ занимаетъ прекрасно оборудованное мѣсто для излюбленной англичанами игры въ гольфъ. Вотъ и все, да,—въ сущности, и этого достаточно, такъ какъ до Капра всего 35 минутъ ѣзды, поѣзда ходятъ черезъ каждыя полчаса,—ну, а тамъ—развлеченій хоть отбавляй.

Мы поселились въ Виллѣ Вандѣ, русско-польскомъ пансіонѣ В. А. Би—ой. Онъ не роскошенъ, но въ достаточной мѣрѣ комфортабеленъ. Прислуга, въ большинствѣ—польская, говоритъ по-русски. Поварь—малороссъ—прекрасно готовить. Сама хозяйка очень заботлива и внимательна. Было пріятно, находясь такъ далеко на чужбинѣ, чувствовать себя въ полудомашней родной обстановкѣ. Одно нехорошо—мустики—тоже одна изъ египетскихъ язвъ. Положимъ, и наши російскіе комары, особенно въ большомъ количествѣ, въ достаточной степени невыносимы, но какое же сравненіе съ египетскими! Русскій комаръ благороденъ и храбръ. Онъ нападаетъ прямо, безъ всякихъ хитростей, громкимъ жужжаніемъ предупреждая о готовящейся атакѣ. Отъ одного взмаха, часто машинальнаго, руки погибаетъ иной разъ нѣсколько кровопійць сразу. Наоборотъ, здѣшній комаръ удивительно коваренъ и подлъ. Онъ нападаетъ скрытно, изподтишка, безшумно кружась около намѣченной жертвы и осторожно выжидая подходящаго момента. Вы замѣтили его, отмахнулись и онъ исчезъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда, чѣмъ-либо отвлекшись, вы о немъ забыли, вы чувствуете уколъ. Быстро хлопаетъ рука по укушенному мѣсту. Напрасный трудъ: врагъ уже далеко. Но проходитъ нѣсколько минутъ, вы опять чѣмъ-нибудь занялись—нельзя же проводить все время, отражая комариныя нападенія—и вы опять безрезультатно ударяете по новому укушенному мѣсту. Само собой разумѣется, всѣ постели снабжены мустикерами; но, горе вамъ, если чрезъ какую-либо случайную, незамѣченную дырку подъ него заберется хотя одна маленькая бестія. Хорошо еще, если вамъ посчастливится узнать объ ея присутствіи до погруженія въ сонъ. Зажигайте скорѣ свѣчку и не успокаивайтесь до тѣхъ поръ, пока не выгоните врага. Въ противномъ случаѣ, можете быть увѣрены, что проснетесь на

слѣдующее утро съ лицомъ, покрытымъ волдырями, такъ какъ укусы мустиковъ несравненно ядовитѣе укусовъ нашихъ комаровъ, очень болѣзненны и надолго оставляютъ слѣды. Наша симпатичная хозяйка совѣтовала зажигать на ночь монашки—*fidi-bus'y*, а въ утѣшеніе увѣряла, что комары нападаютъ съ яростью лишь на вновь прибывающихъ, потомъ же оставляютъ ихъ въ покоѣ. По правдѣ сказать, утѣшеніе не изъ дѣйствительныхъ: вѣдь зато время, пока эти кровопійцы ознакомятся съ нашими особами, они успѣютъ насъ живьемъ съѣсть.

Послѣ каирскихъ сутолоки, грязи и вони—тишина и чистый воздухъ Хелуана кажутся особенно привлекательными. Каждый день ходимъ гулять въ пустыню. Обычно со словомъ «пустыня» соединяется представленіе о чемъ-то безотрадномъ и мертвомъ. Какъ это невѣрно! Я никогда не забуду долгихъ часовъ, проведенныхъ нами въ окрестностяхъ Хелуана. Въ безвѣтренный день—тишина абсолютная: иногда кажется, что слышишь бѣненіе собственнаго сердца. Но это не тишина смерти. Пустыня не мертва, она живетъ и дышетъ. Только жизнь ея своеобразна, проявленія ея такъ тонки и неопредѣленны, что вначалѣ трудно уловимы. Но потомъ ваши чувства обостряются и вы начинаете видѣть и слышать эту жизнь, ея кажушееся однообразіе пропадаетъ, а своеобразная красота притягиваетъ все больше и больше.

Вотъ черной лентой изгибается на сѣроватомъ фонѣ песка караванъ верблюдовъ. Далеко ли до него—верста, двѣ, можетъ больше, вы сказать не можете. Во всякомъ случаѣ, не близко, такъ какъ прозрачность воздуха уменьшаетъ разстояніе. Мѣрнымъ широкимъ шагомъ, вытянувъ длинныя шеи, бредутъ животныя. На ихъ спинахъ, отражая лучи солнца, горятъ бѣлыя каменные плиты. Это перевозится къ Нилу строительный матеріалъ, добываемый въ хелуанскихъ каменоломняхъ. Одинъ лишь передній верблюдъ идетъ свободно. Къ его выюку привязана веревка, другой конецъ которой обвиваетъ голову задняго. Такъ и у всѣхъ остальныхъ, и отъ этого приспособленія еще болѣе вытягиваются неуклюжія шеи. Около передняго верблюда шагаетъ погонщикъ. Его бѣлый халатъ яркимъ пятномъ выдѣляется на тѣни, бросаемой каменной грядой, у подножія которой проходитъ караванъ. Онъ поетъ и, несмотря на большое разстояніе, ваше ухо улавливаетъ тягучій, однообразный мотивъ.

Внезапный шорохъ заставляетъ васъ вздрагивать. Онъ раздался совсѣмъ близко, сзади. Вы оглядываетесь, но ничего не видите, такъ какъ его виновница—маленькая сѣрая ящерица—находится гораздо дальше, чѣмъ вамъ показалось, и ея плоская

головка, съ быстро-двигающимся змѣевиднымъ языкомъ, осторожно выглядываетъ изъ-подъ большого темнаго камня, по ту сторону дороги.

На невысокой каменной грядкѣ расположились нѣсколько большихъ ястребовъ подѣ-орликовъ. Въ яркихъ лучахъ солнца ихъ рыжеватыя перья отливаютъ золотомъ, а съ неосвѣщенной, тѣневой стороны кажутся совсѣмъ черными. Они сидятъ нахохлившись, неподвижно, какъ бронзовыя изваянія. Но одному изъ нихъ захотѣлось перемѣнить позу. Онъ тяжело взмахнулъ крыльями, подскочилъ и перебросилъ тѣло на другую сторону. И вы ясно услышали шумъ отъ взмаха крыльевъ и стукъ когтей о камень.

Но вотъ налетѣлъ порывъ вѣтра, и все кругомъ зашумѣло и задвигалось. Завертѣлась кучка придорожной пыли, поднялась столбомъ и тутъ же разсыпалась; подхваченный вѣтромъ клочекъ бумаги бѣшено понесся впередъ, громко шурша о песокъ и гладкіе голыши; ястреба, насторожившись, вытянули шеи; ящерица ушла подѣ камень. Но мигъ одинъ—и опять все тихо и спокойно.

А свѣтовые эффекты, игра лучей совсѣмъ какого-то особеннаго солнца,—столь непохожаго на наше, которому древніе египтяне не даромъ поклонялись, въ образѣ бога Ра и сына его Горуса. И Ра очевидно это помнить и для него Египетъ продолжаетъ оставаться излюбленной страной, для которой онъ не жалѣетъ своихъ силъ, щедро изливая на нее потоки ослѣпительно яркихъ, сверкающихъ лучей. Послѣ египетскаго солнца, уже палестинское представляется блѣднымъ, европейскіе же виды, даже при самомъ яркомъ освѣщеніи, кажутся какими-то сѣрыми и линючими.

Мѣняется свое положеніе солнце, мѣняется и видъ пустыни. Вы съ трудомъ узнаете мѣсто, гдѣ сидѣли часъ назадъ. Вамъ только-что приходилось шуриться, глядя на бѣлую, ослѣпительно-блестящую стѣну каменоломни; черезъ пѣкоторое время вы смотрите на нее опять и поражаетесь: половина стѣны совсѣмъ черная. И не легко себя убѣдить, что это не чудо, что бѣлые камни не превратились вдругъ въ черные, что ихъ чернота ничто иное, какъ тѣнь, которая кажется такой густой и темной отъ сильнаго контраста съ другой, все еще ярко освѣщенной половиной стѣны.

Но наибольшей красоты свѣтовые эффекты достигаютъ при закатѣ солнца. Богъ Ра, удаляясь на отдыхъ, прощается съ любимой землей такимъ разнообразіемъ свѣтовыхъ гаммъ и аккордовъ, такой яркой симфоніей красокъ, что кажется будто

присутствуешь при какомъ-то свѣтовомъ концертѣ феерическаго оркестра, управляемаго гениальнымъ дирижеромъ.

Лучше всего наблюдать закатъ съ какой-нибудь высоты, обратясь лицомъ къ Нилу.

За полосой песку, холмовъ и каменныхъ грядъ—ярко-зеленый берегъ Нила, блестящая лепта рѣки, болѣе темная зелень пальмовыхъ рощъ и опять огромная площадь песку, на фонѣ которой отчетливо выдѣляются группы пирамидъ Дашурскихъ и Саккарскихъ. Далеко направо—смутныя, покрытыя дымкой, очертанія пирамидъ Гизе. Начался закатъ—и все загорѣлось, окрасилось въ золотисто-красный цвѣтъ червоннаго золота. Отразившись въ рѣкѣ, раскаленный дискъ солнца расплавилъ серебро ея поверхности, и большой, ослѣпительно-яркій посрединѣ кругъ медленно двинулся по волнующейся зыби, слѣдуя за уходящимъ свѣтиломъ. Еще немного—и аккордъ червоннаго золота смѣнился гаммами розоваго цвѣта, сначала удивительно нѣжными, потомъ все болѣе густѣющими. Но вотъ солнце зашло за вершину одной изъ пирамидъ, и все кругомъ потемнѣло, стало фіолетовымъ. А изъ-за совсѣмъ теперь черной каменной громады, словно за ней внезапно вспыхнулъ гигантскій костеръ, вырываются огромные ярко-красные снопы, постепенно переходящіе въ багровые. Мало-по-малу они слабѣютъ, а съ ними вмѣстѣ темнѣетъ и фіолетовая окраска дали. Вспыхнулъ послѣдній лучъ и стало темно. Не видно больше пирамидъ, и лишь далеко за ними, на самомъ краю горизонта чуть замѣтно мерцаетъ слабая бѣлая полоска; но и она быстро исчезаетъ. Закатъ кончился, и наступила ночь. Одна за другой загораются огромныя яркія звѣзды, и вы уходите подъ глубокимъ впечатлѣніемъ видѣннаго и, постепенно подпадая подъ новое очарованіе,— очарованіе, дышащей нѣгой египетской ночи, мысленно повторяете слова поэта: «Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздою говорить».

Солице, воздухъ, тишина—вотъ три элемента пустыни, благодаря которымъ приходятъ въ равновѣсіе самые разннчаннѣе нервы. Мы долгими часами бродили по песку равнинъ и холмовъ, по горнымъ возвышенностямъ, окружающимъ Хелуанъ, купаясь въ лучахъ солнца, вдыхая чистый, бодрящій воздухъ, наслаждаясь тишиной и покоемъ, и мы полюбили пустыню и, когда пришлось уѣзжать, разставаться съ нею было грустно.

XIV.

Байрамъ.

Вчера окончился главный магометанскій постъ Рамаданъ и сегодня—первый день Байрама. Съ ранняго утра раздается со всѣхъ сторонъ дикая, рѣжущая ухо музыка, вездѣ вывѣшены флаги, всюду большое оживленіе, всѣ разодрѣты въ пухъ и прахъ. На мужчинахъ и мальчикахъ—полосатые шелковые подхалатники, на дѣвочкахъ—плюшевые и шелковые платья самыхъ яркихъ цвѣтовъ—краснаго, желтаго, зеленаго. Ихъ головки украшены лентами и пучками цвѣтовъ, а на ногахъ—хорошенькія разноцвѣтныя туфельки, и эта изящная обувь удивляетъ тѣмъ болѣе, что въ обыкновенные дни всѣ онѣ ходятъ босыми, или въ сандаляхъ, на деревянныхъ, громко стучащихъ подошвахъ. Мрачными пятнами выдѣляются на общемъ пестромъ фонѣ черныя неуклюжіе «хабарахи» взрослыхъ женщинъ и только, когда они случайно распахиваются, можно видѣть, что и ихъ обладательницы одѣты по праздничному.

На большой площади, противъ купальнаго заведенія, поставлены качели. Около нихъ собралась дѣтвора со всего Хелуана. Она веселится во всю. Такъ и тянетъ подойти поближе, вмѣшаться въ эту беззаботно-рѣзвящуюся толпу смуглыхъ обезьянокъ, очень забавныхъ и, въ общемъ, симпатичныхъ, по проклятый «бакшишъ» и тутъ мѣшаетъ, отравляетъ удовольствіе. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ несмотря на всю выдержку и хладнокровіе, вы постыдно бѣжите отъ яростныхъ атакъ совсѣмъ обалдѣлой толпы.

Вечеромъ, когда стемнѣло, появились процессіи съ факелами и началась трескотня ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ, продолжавшаяся до поздней ночи.

Въ этотъ день нельзя было узнать тихаго, спокойнаго Хелуана. Но уже на слѣдующій, хотя Байрамъ празднуется три дня, не было ничего подобнаго. Все вошло въ обычную колею, и большинство населенія уже работало.

XV.

Бедрашейнъ.

Въ четырехъ верстахъ отъ Хелуана протекаетъ Ниль, а на противоположномъ его берегу, около желѣзнодорожной станціи Бедрашейнъ, находится феллахская деревушка того же имени. гдѣ каждую среду происходятъ большіе базары.

Къ Нилу ведетъ хорошее шоссе, обсаженное деревьями. Несмотря на тщательный уходъ и обильную поливку, деревья эти имѣютъ жалкій видъ, часто погибаютъ и ихъ постоянно замѣняютъ новыми. Кругомъ—пустыня. Но съ этой стороны она тянется недалеко и вскорѣ ея пески смѣняются яркой зеленью хлѣбовъ и травъ. Пахнуль вѣтерокъ, повѣяло ароматомъ полей и луговъ, и вы съ наслажденіемъ ощущаете этотъ, столь знакомый и столь рѣдкій здѣсь запахъ.

Въ полуверстѣ отъ Нила—деревня «Старый Хелуанъ». Здѣсь братомъ халифа Абдъ-ель-Мелека-Абдъ-ель-Азасомъ былъ сооруженъ первый нилометръ, на десять лѣтъ ранѣе находящагося на островѣ Рода. Онъ же построилъ тутъ нѣсколько мечетей и, какъ говорятъ, имѣя даже намѣреніе перенести сюда изъ Каира столицу, но смерть помѣшала выполнению этого плана. Теперь, какъ отъ нилометра, такъ и отъ мечетей не осталось и слѣдовъ.

У самого берега—небольшой ресторанчикъ «St. Giovanni». Онъ охотно посѣщается публикой. Въ немъ можно недурно поѣсть, а съ верхней его террасы хорошо наблюдать солнечный закатъ.

Переправа черезъ Ниль самая допотопная. Небольшая парусная барка, по мѣрѣ надобности, черепашимъ ходомъ двигается съ одного берега на другой. Иногда ее приходится ожидать часами. Никакихъ приспособленій для сидѣнья нѣтъ, а такъ какъ одновременно она перевозитъ и животныхъ, то объ ея чистотѣ лучше умолчать. Бываетъ, что снесенная теченіемъ она не можетъ пристать къ самому берегу. Тогда ея команда засучиваетъ шаровары, прыгаетъ въ воду и на рукахъ переноситъ пассажировъ,—пассажировъ туристовъ конечно, туземцы же просто на просто бултыхаются въ воду.

Намъ повезло. Когда мы подошли къ берегу, барка готовилась къ отправленію. Переправа длилась не особенно долго—двадцать пять минутъ. Зато при возвращеніи, вслѣдствіе противнаго вѣтра и сильнаго теченія, насъ довольно долго тащили на веревкахъ и лишь черезъ полтора часа мы добрались до своего берега.

За песчаной береговой полосой начинается большой пальмовый лѣсъ. «Пальмовый лѣсъ, цѣлый лѣсъ изъ пальмъ!» И въ воображеніи европейца рисуется картина необыкновенной красоты. Но это не совсѣмъ такъ. Представьте себѣ песчаную площадь, съ рѣдко стоящими деревьями. Ихъ много, лѣсъ большой, но чрезъ него видно насквозь. Кое-гдѣ вершины деревьевъ, особенно у молодыхъ, менѣе высокихъ пальмъ, соединяются,

но листья их прозрачна и даетъ мало тѣни. Стволы, почти одной толщины, что у корня, что наверху, покрыты снизу шероховатыми наростами, напоминающими кожу ананаса, а сверху совершенно голы. Первое впечатлѣніе отъ такого лѣса какое-то странное: вы разочарованы, вы ожидали совсѣмъ другого, сверхъ того слишкомъ привыкли къ своему европейскому лѣсу. Взятая каждая въ отдѣльности, пальма несомнѣнно красива, граціозна, изящна,—въ массѣ эти качества страннымъ образомъ теряются. И тѣмъ не менѣе, нельзя отказать пальмовой рошѣ въ своеобразной оригинальной красивости. Тѣни въ ней мало—это вѣрно, но чтобы укрыться отъ палящаго солнца достаточно и тѣни отъ ствола. А, главное, она удивительно подходитъ къ характеру мѣстности, къ ея восточнымъ особенностямъ, къ синей ласковой лазури неба, желтоватымъ тонамъ песка, къ яркому, блестящему и въ то же время легкому и прозрачному общему колориту. Я убѣжденъ, что перенеси сюда, на это мѣсто, нашъ европейскій лѣсъ, и онъ явится темнымъ, мрачнымъ пятномъ, будетъ досадно мозолить глаза.

Пальмовая роща кончилась. Мы переходимъ полотно желѣзнодорожнаго пути въ Верхній Египетъ, небольшой мостъ и кривыми, узенькими улицами Бедрашейна, въ пыли которыхъ барахтаются полуодѣтые, а то и совсѣмъ голые, грязные, засиженные мухами дѣти, выходимъ на кладбище, гдѣ и происходитъ базаръ. Народа масса. Шумъ, гамъ, толчея. Продають овощи, глиняныя издѣлія, съѣстные припасы и т. п., до животныхъ—лошадей, ословъ и верблюдовъ включительно. Въ общемъ—ничего достойнаго вниманія, зато интересныхъ сценъ и типовъ сколько угодно. Для желающихъ ознакомиться съ мѣстной народной жизнью и для фотографовъ-любителей такіе базары даютъ богатый матеріалъ. Мы нѣсколько часовъ бродили и толкались въ толпѣ, щелкая кодаками, и еще разъ убѣдились, до какой степени эта подвижная, веселая, шумливая толпа въ то же время добродушна и учтива. За все время мы не слышали ни одного грубаго слова, не видѣли ни одного непріязненнаго жеста.

На обратномъ пути, въ пальмовой рошѣ къ намъ пристала дѣвочка-подростокъ. На видъ лѣтъ 14—15, почти совсѣмъ уже сформированная, она увѣряла, что ей всего восемь. Перегнавъ насъ и пятясь задомъ, она подплясывала, вполголоса мурлыча: «бакшишъ, бакшишъ». Чтобы не давать денегъ даромъ, я снялъ ее и надо было видѣть, съ какимъ комически-важнымъ видомъ она становилась въ позу. Послѣ этого она окончательно завладѣла нами. Она болтала безумолку, коверкая нѣсколько англій-

скихъ словъ, попережку съ арабскими и уморительно жестикулируя, когда мы чего-нибудь не понимали. Ни минуты не оставаясь въ покоѣ, вся точно изъ ртути, она все время напѣвала, прыгая и подплясывая,—вообще была забавна до чрезвычайности. На опушкѣ роши мы сѣли закусывать, и она мигомъ расчистила намъ мѣсто, постелила свой платокъ, требуя, чтобы мы на него сѣли. Когда къ намъ подходили любопытные, она вскакивала и какъ разъяренный звѣрёкъ на нихъ накидывалась, горячо что-то объясняя. Что она говорила, мы не понимали, но цѣли она достигала, такъ какъ подходившіе тотчасъ же удалялись. Мы дали ей поѣсть. Она ѣла съ удовольствіемъ, а кусочекъ ветчины завернула въ бумажку для своего оставшагося дома маленькаго брата. Она проводила насъ до самой барки, прощалась грустно, какъ съ близкими людьми и еще долго, пока барку тянули на веревкахъ, раздавался ея тоненькій голосокъ, ея прощальный привѣтъ: «Good by lady! Good by gentleman!»

Звали ее Фатимой,—Фатимой изъ Бедрашейна.

XVI.

Праздникъ «Священнаго Ковра».

Сегодня праздникъ «священнаго ковра». Ежегодно коверъ или, вѣрнѣе, ковры,—я насчиталъ ихъ шестнадцать штукъ,—изготавливаемые въ Константинополѣ на средства султана, спиваются въ одинъ большой коверъ, называемый «кисве», и отправляется караваномъ въ Мекку, гдѣ имъ покрываютъ магометанскую святыню—Каабу. Тамъ онъ остается цѣлый годъ, дѣлается священнымъ и доставляется обратно караваномъ, привозящимъ новый «кисве». Какъ отправление, такъ и возвращеніе ковра—большія торжества, сопровождаемые разными церемоніями.

Въ 8 часовъ утра специальный поѣздъ доставилъ насъ изъ Хелуана въ Каиръ на старый хелуанскій вокзалъ, находящійся на площади Румелин, гдѣ должна была происходить церемонія. Железнодорожный билетъ давалъ право на мѣсто въ особой трибунѣ. Когда мы приѣхали, обширная, разукрашенная флагами, площадь была уже занята войсками. Какъ разъ противъ нашей трибуны, у подножія цитадели, приготовлена роскошная палатка для хедива и его свиты. Средине площади оставалась свободной, а кругомъ нея, сдерживаемый войсками и полиціей, толпился народъ; имъ же усыпаны крыши сосѣднихъ домовъ,

уступы и песчаные откосы цитадели. Слѣва, на свободной части площади ярко блестятъ на солнцѣ зеленые, шитые золотомъ ковры; ихъ окружаютъ будущіе пилигримы, одѣтые въ желтые кафтаны. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей трибуны стоятъ верблюды, на которыхъ повезутъ коверъ. Одинъ изъ нихъ, самый рослый, громадный, покрытъ сверкающей парчей; на шеѣ, у горла, большая отливающая золотомъ металлическая кисть. Остальные пять—въ болѣе скромныхъ одѣяніяхъ изъ краснаго кумача, съ бѣлыми вышивками. Тутъ же около верблюдовъ высится нѣчто въ родѣ пирамидальной палатки изъ дерева. Это—«махмаль». Онъ также покрытъ весь парчевою тканью и кромѣ двухъ подвѣшенныхъ экземпляровъ корана въ немъ нѣтъ ничего.

У насъ на трибунѣ довольно свободно. Одни европейцы и... фотографическіе аппараты.

Въ десятомъ часу около махмала поднялась суетня. Его устанавливаютъ на верблюда. Очевидно онъ очень тяжелъ, такъ какъ верблюдъ насилу поднимается. И только что онъ выпрямился, какъ загрохотали пушки, заиграли музыка, а въ толпѣ раздалось протяжное: а-а-а-а! удовольствія. Ровно въ десять пріѣхалъ хедивъ въ ладо четверкой. Опять загремѣли пушки и военные оркестры заиграли маршъ. Войдя въ палатку, хедивъ занялъ среднее кресло, направо отъ него сѣлъ Шейкъ-ель-Гаміа—первое духовное лицо Каира, въ шитомъ золотомъ тюрбанѣ, налѣво—англійскій резидентъ лордъ Кромеръ.

Качаясь на горбѣ верблюда, со всѣхъ сторонъ поддерживаемый десятками рукъ, махмаль двинулся впередъ. Рядомъ съ нимъ торжественно выступаетъ удивительно смѣшная фигура «начальника охраны»—совсѣмъ чернаго берберійца, съ сѣдою бородой, одѣтаго въ какой-то фантастическій красный костюмъ и съ короткимъ копьемъ въ рукахъ. Бѣлые пучки волосъ, торчащіе вокругъ чернаго, какъ вакса, лица, дѣлали его похожимъ на старую обезьяну. За махмаломъ потянулись остальные верблюды. На каждомъ—по всаднику. У передняго—деревянная дудка, у двухъ слѣдующихъ—по маленькому барабану. Дудка засвистала какой-то немудрый, коротенькій, трехколѣнный мотивъ, барабаны заколотили, а оркестры подхватили его и стали повторять безъ конца. Сдѣлавъ три круга по свободной части площади, махмаль остановился передъ ложею хедива. Что тамъ происходило, намъ за толпой видѣть не удалось. Говорили, что хедивъ, прощаясь съ махмаломъ, цѣлуетъ верблюда въ морду... За махмаломъ дефилировали послѣдніе съ коврами, а затѣмъ начался военный парадъ. Впереди шли

улены на небольшихъ, но очень породистыхъ гнѣдыхъ лошадахъ, справа по три, шагомъ. Форма довольно красивая, голубая, съ бѣлымъ приборомъ; пики съ зелено-красными значками. За ними—конная артиллерія, съ запряжкой изъ муловъ. Пушки маленькія, бронзовыя. Наконецъ—пѣхота, также справа по три. Форма темно-синяя, на ногахъ бѣлые штблеты.

Въ парадѣ участвовали одни мѣстные войска. Общая численность всей египетской арміи равняется двѣнадцати тысячамъ человѣкъ. Изъ нихъ восемь тысячъ египтянъ и четыре тысячи негровъ. Ежегодно набирается около трехъ тысячъ рекрутовъ. Наборъ происходитъ по жребію, но каждый рекрутъ имѣетъ право освободиться отъ военной службы, внеся двадцать фунтовъ (около 200 рублей) какъ до жеребьевки, такъ и послѣ нея. Благодаря этой системѣ доходъ государства увеличивается и можетъ доходить до четырехсотъ тысячъ фунтовъ. Но когда онъ достигаетъ суммы, опредѣленной въ бюджетѣ, освобождение за плату болѣе не допускается.

Негры—идеальные солдаты. Они храбры и въ высшей степени дисциплинированы. Но для этого необходимо одно условіе: негръ хорошій солдатъ лишь въ томъ случаѣ, если женатъ. Живутъ они въ палаткахъ, вмѣстѣ съ женами и въ передвиженіяхъ участвуетъ вся семья, членамъ которой полагается по полсуточной дачѣ. Что же касается до оккупационной англійской арміи, то она невелика, всего четыре тысячи человѣкъ.

По окончаніи парада хедиву подали экипажъ, который повернулъ къ нашей трибунѣ. У насъ засуетились, повскакали съ мѣстъ и кодаки защелкали во всю. За хедивомъ—свита и прочія «высокія» особы. Для послѣднихъ недалеко отъ хедивской ложи было огорожено протянутыми веревками особое мѣсто. Но стульевъ, вообще какихъ-либо приспособленій для сидѣнія, не полагалось, такъ что бѣднымъ «особамъ» пришлось всю церемонію выстоять на ногахъ. Передъ многими экипажами—сансы, въ своихъ изящныхъ расшитыхъ золотомъ курткахъ; но, въ общемъ, красивыхъ запряжекъ было немного.

Около часа дня мы были уже дома.

XVII.

Пансіонская жизнь.

Я охотно сказалъ бы, нѣсколько измѣнивъ слова поэта: «Жизнь хелуанская безъ бурь и безъ страстей мнѣ кажется какимъ-то сномъ безпечнымъ», но стоитъ измѣнить одно слово—

вмѣсто «хелуанская» поставить: «пансіонская»—и безпечный сонъ окажется довольно таки неприглядной явлю.

Люди разныхъ общественныхъ положеній, никогда другъ друга ранѣе не видѣвшіе, вдали отъ родины, привычной обстановки и занятій, въ большинствѣ больные,—слѣдовательно—нервные, раздражительные—случайно собрались за тѣсной оградой пансіона, вынуждены его режимомъ къ постоянному, близкому общенію. Вначалѣ, благодаря новизнѣ окружающаго, все обстоитъ довольно благополучно. Всѣ—на чеку, нравственно подтянуты, другъ къ другу приглядываются. Потомъ начинается дифференціація цѣлаго на отдѣльныя части—кружки, сообразно общественному положенію, характеру, наклонностямъ и привычкамъ каждаго. Наступаетъ, если можно такъ выразиться, «золотой вѣкъ» пансіонской жизни. Со всѣхъ сторонъ только и слышно: «какой глубокій умъ этотъ П. П.! Какъ симпатиченъ С. С.! Какъ остроуменъ Л. Л.! Какъ обворожительна М. П.!» Но,—увы!—онъ длится недолго. Проходятъ двѣ-три недѣли и картина рѣзко мѣняется. Одни и тѣ же лица мало того, что приглядѣлись, но успѣли надоѣсть, нравственный фракъ перваго времени смѣнился домашнимъ халатомъ, и, подъ этимъ довольно таки истасканнымъ и засаленнымъ костюмомъ, глубокомысленный П. П. превратился въ человѣка, про котораго уже говорятъ: «si tacuisses philosophus mansisses», остроуты Л. Л. кажутся старыми и плоскими, симпатичность С. С. стала навязчивостью, а обворожительная М. П. оказалась пустой кокеткой, съ длиннымъ мужскимъ хвостомъ сзади. Нравственныя помочи ослабли, и человѣческія мелочность и пошлость, на благодарной почвѣ однообразной, незанятой жизни, при массѣ свободнаго времени, приносятъ обильные плоды, въ формѣ сплетенъ, злословія, интригъ и мелкихъ пустыхъ столкновеній. Охъ ужъ это «свободное время»! Нужно обладать большою твердостью и большимъ умомъ, чтобы обходиться безъ должностей и служебной дѣятельности и соглашаться сидѣть дома безъ опредѣленныхъ занятій. Почти ни у кого не хватаетъ ни нравственного достоинства, чтобы благородно справиться съ такою задачею, ни умственного содержанія, чтобы наполнить свое время при отсутствіи того, что принято называть цѣлами. Праздности мудреца, однако, не хватаетъ только лучшаго названія; размышлять, бесѣдовать, читать и быть спокойнымъ—та же работа». Это сказалъ одинъ умный французъ—Ла-Брюеръ, и это вѣрно. Но «свободное время»—истинный другъ мудреца, въ то же время заклятый врагъ дюжинной посредственности, для которой остается въ силѣ древнее изреченіе: «праздность—мать всѣхъ пороковъ».

Въ числѣ «гостей»—такъ называла хозяйка пансіона его обитателей:—«Мои гости,—говорила она про насъ—былъ русскій докторъ Н. Врачъ по призванью, не глупый, порядочный и симпатичный—онъ былъ серьезно боленъ почками и безъ привычныхъ занятій сильно скучалъ. Онъ никакъ не могъ понять, что мы—жена и я—люди сравнительно здоровые, а только усталые, съ пошаливающими нервами, имѣющіе возможность жить, гдѣ угодно, по собственному свободному выбору, поселились въ такой «скучнѣйшей дырѣ», какъ Хелуанъ. Самъ онъ собирался уѣзжать каждый день,—сегодня въ Крымъ, завтра на Ривьеру, послѣ-завтра просто въ Одессу, гдѣ климатъ все же мягче петербургскаго, откуда его услали доктора. Но случалось, что онъ чѣмъ-либо заинтересуется—и передъ вами совсѣмъ другой чело-вѣкъ: веселый, мягкій, общительный. Увидѣвъ у насъ нѣсколько удачныхъ снимковъ, онъ увлекся фотографіей, вооружился давно заброшеннымъ аппаратомъ, пріобрѣлъ даже новый и цѣлыми днями снималъ направо и налево. Но быстро проходило увлече-ніе, и опять наступалъ періодъ хандры и апатій. А тамъ, смотришь, онъ уже часами сидитъ за картами, съ неудовольствіемъ покидая зеленый столъ для обѣденнаго. Проходитъ недѣля—и онъ на карты смотрѣть не можетъ, усиленно избѣгаетъ бывшихъ партне-ровъ и на предложеніе сыграть «утренничекъ» смотреть, какъ на личное оскорбленіе. Праздность съ одной стороны, болѣзненная раздражительность съ другой выливаются въ цѣлую серію стран-ныхъ дѣйствій и мелочныхъ придирокъ, отъ которыхъ подчасъ не мало терпятъ окружающіе, а хозяйка пансіона, симпатичная Ванда Александровна—общая миротворица поневолѣ—при-ходитъ въ полное отчаяніе. Однажды, желая присѣсть на террасѣ, гдѣ обитатели пансіона имѣли обыкновеніе грѣться на солнцѣ, но гдѣ въ это время никого не было, докторъ увидѣлъ, что на всѣхъ креслахъ,—принадлежавшихъ, между прочимъ, пансіону и, такъ сказать, казенныхъ,—припилены именныя визитныя карточки. Положеніе обидное! Креселъ пустыхъ сколько угодно, а сѣсть негдѣ... И вотъ, недолго думая, онъ срываетъ всѣ карточки. Само собою разумѣется, ихъ владѣльцы разобидѣлись и произо-шелъ форменный скандалъ. Хорошо еще, что случилось это въ самомъ началѣ сезона, когда въ пансіонѣ было всего на всего человѣкъ десять-двѣнадцать, такъ что хозяйкѣ удалось, хотя и не безъ труда, успокоить взбаломученное море оскорбленныхъ самолюбіи.

Въ особенности былъ разобижень нѣкій титулованный го-сподинъ кавказскаго происхожденія. Онъ страдалъ прогрессив-нымъ параличемъ, съ трудомъ говорилъ, производя иной разъ

впечатлѣніе полу-ребенка. Его мѣсто было скорѣе въ санаторіи для душевныхъ больныхъ, подѣ постояннымъ медицинскимъ надзоромъ, и лишь мягкосердечіемъ нашей хозяйки объяснялось его продолжительное, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проживаніе въ пансіонѣ. Вибалмошный, раздражительный, онъ отвратительно обращался съ прислугой, чуть не вступая съ ней въ драку и прославился тѣмъ, что въ прошломъ году далъ публично пощечину какой-то барынѣ. И на этотъ разъ самолюбіе этого господина, немомѣрно вздутое за счетъ другихъ полуатрофированныхъ нравственныхъ функцій, не могло вынести зрѣлища валяющагося на песокъ герба, украшавшаго его визитную карточку, и лопнуло съ шумомъ и трескомъ, какъ отъ незначительнаго булавочнаго укола лопаются надутый воздухомъ пузырь... И тутъ надо отдать справедливость доктору: онъ нашелъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы извиниться въ своемъ опрометчивомъ поступкѣ.

Трудно повѣрить, изъ-за какихъ иной разъ пустяковъ возникали болѣе или менѣе серьезныя недоразумѣнія. Напримѣръ, тотъ же докторъ находилъ, что всѣ вновь прибывающіе «гости» должны были первые знакомиться съ пріѣхавшими ранѣе. Большинство такъ и дѣлало. Но, какъ я уже говорилъ, нашъ пансіонъ былъ русско-польскій, и поляки держались особнякомъ, смотрѣли на насъ свысока, кичась своей якобы большей культурностью и, за рѣдкими исключеніями, конечно, и между ними были люди вполне порядочные и воспитанные—не только не знакомились первыми, но даже не желали обмѣниваться обычными поклонами. Нечего и говорить, какъ этотъ смѣшной, свидѣтельствующій лишь о невоспитанности, польскій гоноръ выводилъ изъ себя раздражительнаго доктора. Онъ ежедневно бѣгалъ къ хозяйкѣ съ жалобами на того или другого изъ ея польскихъ «гостей». Положеніе послѣдней было щекотливое. Какъ полькѣ, ей были особенно непріятны постоянныя жалобы на ея соотечественниковъ; съ другой стороны, ей невозможно было открыто принимать ихъ сторону, такъ какъ численно преобладающимъ элементомъ въ пансіонѣ были все же русскіе, ими она кормилась, находясь подѣ особо благожелательнымъ покровительствомъ нашихъ дипломатическихъ властей, по рекомендаціи которыхъ многіе русскіе, пріѣзжая въ Хелуанъ, поселялись въ ея пансіонѣ. Приходилось искусно лавировать между двумя сторонами, просить, успокаивать, убѣждать. Иногда ей удавалось сломить идиотскій гоноръ кого-либо изъ ея сородичей, онъ начиналъ кланяться—и докторъ сіялъ отъ удовольствія. Но случалось также, что ея вмѣшательство приводило къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Между польскими «гостями» находился одинъ совсѣмъ юный ху-

дожникъ, вѣриѣ, вслѣдствіе молодости, художникъ in spe,—очень скромный, тихій и благовоспитанный маменькинъ сыночекъ. Надо полагать, что его нежеланіе кланяться вытекало не изъ личныхъ свойствъ его характера, а являлось слѣдствіемъ вліянія его соотечественниковъ. Какъ бы тамъ ни было, но когда хозяйка объявила ему, что на него очень обижаются сердитый русскій докторъ, онъ струсилъ и отъ страха переборщилъ: сталъ отвѣшивать доктору такіе низкіе, почтительные поклоны, что послѣдній, вначалѣ пріятно удивленный, потомъ началъ призадумываться, а затѣмъ, рѣшивъ, что это ничто иное, какъ новое глумленіе, совсѣмъ остервенился и объявилъ, что если полячекъ не измѣнитъ характера своихъ поклоновъ, онъ станетъ ему отвѣчать не иначе, какъ задомъ, повернувшись спиной.

Къ числу лицъ, на которыхъ можно было наглядно прослѣдить зловредное вліяніе избытка свободнаго времени, въ связи, конечно, съ болѣзненнымъ состояніемъ организма, принадлежалъ и мой постоянный партнеръ въ шахматы—чиновникъ одного изъ петербургскихъ министерствъ. Человѣкъ очень не глупый, остроумный, съ ясно выраженной юмористической жилкой и, въ общемъ, симпатичный, державшій себя вначалѣ вполне порядочно и тактично, онъ подъ конецъ распустился до того, что, раздражаясь изъ-за каждаго пустяка, перессорился почти со всѣмъ пансіономъ. Малѣйшая оплошность прислуги выводила его изъ себя и онъ громко, не стѣсняясь, кричалъ на нее при всѣхъ. Не проходило, кажется, дня, чтобы у него не возникло съ кѣмъ-нибудь столкновенья, одно изъ которыхъ чуть не окончилось трагическимъ образомъ. Коль скоро трагедія—*cherchez la femme*. И въ этомъ случаѣ, хотя и косвенной причиной инцидента, явилась одна изъ обитательницъ пансіона—среднихъ лѣтъ, недурная собой, но уже очень пожившая полька. Сверхъ огромной способности къ одновременному, многочисленному флирту, она обладала голосомъ,—въ молодости, вѣроятно, и совсѣмъ хорошимъ—теперешніе недочеты котораго она восполняла утрированной драматизаціей, свидѣтельствовавшей какъ о наличности горячаго темперамента, такъ и объ отсутствіи настоящей художественной музыкальности. Впрочемъ, нѣкоторыя вещи изъ ея репертуара можно было и теперь слушать съ удовольствіемъ. Во всякомъ случаѣ и какъ пѣвица и какъ женщина на недостатокъ поклонниковъ она жаловаться не могла. Между ними находился молодой русскій художникъ—въ дѣлѣ флирта даже польскій гоноръ пакуетъ—не безъ таланта, съ интересной наружностью, голубыми, томными глазами котораго, въ свою очередь увлекалась добрая половина обитательницъ пансіона. Онъ былъ боленъ грудью,

причемъ болѣзнь эта имѣла, какъ говорили, романическую подкладку—смерть, или коварную измѣну любимой женщины,—что, само собой, еще болѣе возвышало его въ глазахъ прекраснаго пола, дѣлало изъ него une vraie coqueluche de ses dames. Однажды вечеромъ въ пансіонъ пришли съ визитомъ мѣстный практикующій врачъ съ супругой, малоинтересной дамой, которая также мнила себя пѣвицей. Мнила—такъ какъ—увы! не обладая ни голосомъ ни слухомъ, не пѣла, а сплошь фальшивила. Но—охота страстная, участь горькая—лишь были бы слушатели, и она обязательно терзала ихъ барабанныя перепонки. Такъ было и въ этотъ вечеръ. Но на этотъ разъ всего лицемѣрія благовоспитанныхъ слушателей, очевидно, не хватило на то, чтобы, хотя изъ вѣжливости, выразить исполнительницѣ обычные знаки одобренія. Послѣ нея выступила наша примадонна. Ей, когда она кончила, захлопали. Сидѣвшій въ сосѣдней комнатѣ чиновникъ, найдя что это по отношенію къ первой исполнительницѣ, какъ гость, нетактично и отвыкнувъ стѣсняться въ выраженіяхъ, громогласно спросилъ:

— Кто этотъ дуракъ, который аплодируетъ?

И надо же было, чтобы въ ту самую минуту въ дверяхъ появился виновникъ аплодисментовъ—молодой художникъ. На неумѣстный вопросъ послѣдовалъ гордый отвѣтъ:

— Это я!

Слово за слово и дѣло запахло дуэлью. Но какая же мыслима дуэль между противниками, у одного изъ которыхъ—зловѣщій румянецъ во всю щеку, а у другого на лицо всего одна почка. Вмѣшались посторонніе, до столкновенія съ оружіемъ въ рукахъ дѣло не дошло, но пансіонская жизнь осложнилась наличиемъ двухъ непримиримыхъ враговъ. Чиновникъ серьезно увѣрялъ, что, несмотря на достаточную ширину корридоровъ, ему при встрѣчѣ съ художникомъ приходится жаться къ стѣнѣ, ибо послѣдній старается какъ бы невзначай его задѣть. Въ свою очередь художникъ былъ твердо убѣжденъ, что отнынѣ всѣ помыслы его врага направлены исключительно къ тому, чтобы учинить ему какую-нибудь непріятность.

Въ дѣлѣ своей главной специальности—флирта наша примадонна интересовалась болѣе количествомъ, нежели качествомъ. Она не оставила въ покоѣ даже убогого титулованнаго господина, и тяжелое впечатлѣніе производили ея заигрыванія съ жалкимъ маньякомъ, принимавшимъ эту игру въ серьезъ и чуть не каждый день ѣздившимъ въ Каиръ за цвѣтами. Вначалѣ они были сосѣдями за столомъ. Но если получать ежедневно букеты, хотя отъ полувмѣняемаго человѣка было пріятно,

постоянное близкое сосѣдство съ такимъ человѣкомъ оказывалось уже гораздо менѣе привлекательнымъ. Примадонна рѣшила перемѣнить мѣсто и пересѣла къ художнику-полячку. Тогда ея обожатель разсвирѣпѣлъ и громогласно объявилъ, что онъ убьетъ полячка. Послѣдній, не отличаясь, какъ извѣстно, храбростью, теперь струсилъ въ конецъ, тѣмъ болѣе, что, какъ нарочно онъ и его соперникъ занимали сосѣднія комнаты. Онъ забѣгалъ по пансіону въ поискахъ за желающими перемѣниться комнатами. Кто-то надъ нимъ сжалился, и онъ перебрался въ верхній этажъ. Но и послѣ этого онъ продолжалъ относиться къ своему буйному противнику съ большою опаской, при встрѣчахъ старался проскользнуть незамѣтно и тщательно избѣгалъ хотя на минуту оставаться съ нимъ наединѣ.

Въ срединѣ зимы произошелъ случай, нанесшій тяжелый ударъ польской кичливости, доказавшій, что пресловутая польская культурность довольно таки невысокаго качества. Въ числѣ польскихъ «гостей» была супружеская чета, состоявшая изъ эксъ-графини какого-то захудалаго рода,—худой, какъ щепка, и зрѣлой годами барыни и ея молодого, жизнерадостнаго, упитаннаго—кровь съ молокомъ—супруга. Въ первый же день приѣзда супруга гордо заявила, что она ни съ кѣмъ знакомиться не будетъ; а въ дальнѣйшемъ про нее можно лишь замѣтить, что иногда она являлась къ обѣду въ такихъ домашнихъ *deshabillées*, отъ которыхъ приходили въ ужасъ наши дамы. Надо полагать, что въ качествѣ эксъ-графини она не считала нужнымъ стѣсняться съ окружающимъ ее «плебейскимъ» обществомъ. Ея болѣе добродушный супругъ отличался любовью къ музыкѣ. Онъ довольно бойко разыгрывалъ разныя польки, вальсы, мазурки, такъ что вначалѣ многіе выражали догадку, не изъ бывшихъ ли онъ таперовъ. Впослѣдствіи, однако, оказалось, что это человѣкъ въ музыкальномъ отношеніи несовсѣмъ нормальный, такъ какъ, облюбовавъ одну изъ прелюдій Шопена, онъ забросилъ свой прежній репертуаръ и сталъ исключительно играть эту пьесу. Съ ранняго утра—не всѣ еще проснулись, а уже снизу раздаются звуки прелюдіи. Не успѣвъ окончиться обѣдъ, мужъ эксъ-графини срывается съ мѣста, бѣжитъ къ піанино и барабанить прелюдію. Послѣ ужина—то же самое и такъ разъ двадцать въ день. Насмѣшливо улыбались обитатели пансіона, обладавшіе болѣе сильными нервами, но большинство негодовало. Раздражительный докторъ выходилъ гдѣ себя, кричалъ: «Это какой-то маньякъ! Его надо посадить въ сумасшедшій домъ!» и отправлялся къ хозяйкѣ, требуя, чтобы она запретила играть эту «проклятую» прелюдію. Петербургскій чиновникъ, нервы котораго были особенно чувстви-

тельны къ музыкѣ, бѣгалъ зажавъ уши по гостиной и жалобно стоналъ: «Онъ меня убьетъ, онъ меня окончательно убьетъ, эта ходячая прелюдія Шопена!» Такъ вотъ, съ этой «прелюдіей Шопена», какъ прозвали мужа эксъ-графини, и случился казусъ, послѣ котораго поляки сильно повѣсили носъ, русскіе же наоборотъ воспрянули духомъ.

Однажды утромъ, разсердившись за что-то на слугу Азиса, «прелюдія Шопена» выскочилъ изъ комнаты, догналъ его въ корридорѣ и преисправно отколотилъ палкой. Само собой, скандалъ полный. Докторъ, находившійся тогда какъ разъ въ періодѣ хандры, совсѣмъ преобразился,—хандру какъ рукой сняло. Со сверкающими отъ возбужденія глазами онъ леталъ по пансіону. «Кулачная расправа... Позоръ! А еще кичатся своею культурностью. Намъ, русскимъ, необходимо протестовать. Нельзя оставаться жить съ подобнымъ господиномъ, надо требовать его удаленія. А если не захочетъ, мы всѣ должны уѣхать». Протестовать—отчего же нѣтъ? Фактъ самъ по себѣ такъ гадокъ, что протестовать противъ него можетъ и даже долженъ каждый порядочный человѣкъ; но доводить протестъ до требованія удаленія и съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ отказа, всѣмъ протестующимъ самимъ покинуть пансіонъ,—это уже было нумно, такъ какъ прежде всего было неисполнимо. Въ самомъ дѣлѣ, кому какая охота, изъ-за какого-то взбалмошнаго невоспитаннаго господина оставлять насиженное мѣсто, которымъ вполне доволенъ, и это въ самый разгаръ сезона, когда вездѣ все переполнено и можно легко очутиться на улицѣ. Но на доктора эти аргументы не дѣйствовали и онъ объявилъ, что если другіе не желаютъ, онъ единолично предъявить такое требованіе. Какъ и слѣдовало ожидать, хозяйка не согласилась отказать своему горячему соотечественнику, докторъ заявилъ, что уѣзжаетъ, но потомъ... остылъ и остался и занялся подвигиваніемъ Азиса, убѣждая его не соглашаться на денежные предложенія оскорбителя, а подать на него въ судъ за безчестіе. Сначала, подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій, Азисъ оставался твердъ, какъ камень, и на предложеніе трехъ рублей гордо отвѣтилъ, что не помирится и за сто фунтовъ. Полякъ предложилъ одинъ фунтъ, Азисъ отозвался, что за пятьдесятъ—еще пожалуй... Скрѣпя сердце, супруги были очень скупы, оскорбитель увеличилъ сумму вдвое, и феллахское сердце не выдержало. Инцидентъ окончился пустяками, но идейное его значеніе выразилось, какъ я уже указывалъ, въ томъ, что кичливость поляковъ понизилась на нѣсколько градусовъ.

«La femme est un animal qui s'habille, babille et se deshabillement». Если эта характеристика вѣрна лишь отчасти и то по отношенію

къ представительницамъ извѣстныхъ общественныхъ круговъ, то, относясь къ «курортнымъ» дамамъ, она, за рѣдкими исключеніями, является вполне точной. Флиртъ, туалеты, переливаніе изъ пустого въ порожнее, злословіе, сплетни—вотъ времяпровожденіе большинства нашихъ дамъ. Впрочемъ, нашему пансіону повезло. Волею судебъ подъ его кровлей соединились «дама, извѣстная всему Севастополю» и «дама, извѣстная всей Россіи». Положимъ, ихъ извѣстность была, такъ сказать, отраженной: то не были два солнца, а лишь двѣ луны. Мужъ первой занималъ когда-то отвѣтственный постъ въ Севастополѣ, отецъ второй былъ талантливый писатель, нынѣ умершій. Тѣмъ не менѣе обѣ дамы очень гордились такой извѣстностью и старались всегда стоять на высотѣ своего исключительнаго положенія. Другъ къ другу онѣ относились корректно, но съ какой-то подозрительной осторожностью, а въ душѣ другъ друга ненавидѣли. Еще бы! Вѣдь не будь другой и каждая изъ нихъ могла бы безпрепятственно претендовать на столь лестное званіе «первой дамы» пансіона. Хотя всероссійская извѣстность и выше, какъ будто, одной севастопольской, но дама «извѣстная всему Севастополю» возражала на это довольно резонно: «кто зналъ моего мужа, зналъ и меня, а тѣ, кто зналъ ея отца, могли даже не знать, что у него есть дочь». Такимъ образомъ вопросъ о «первенствѣ» оставался открытымъ, пока наконецъ въ только что описанные дни «протеста» съ дамою «извѣстной всей Россіи» не случился комическій эпизодъ, послужившій къ несомнѣнной выгодѣ ея соперницы. Стремясь нанебровать какъ можно болѣе «протестантовъ», докторъ обратился и къ дамѣ «извѣстной всей Россіи». Но почему-то она заколебалась. Докторъ въ азартѣ и чтобы скорѣе ее убѣдить, прибѣгъ къ образному способу выраженія. «Какъ вы не понимаете? Ну, представьте себѣ, что вамъ кто-нибудь дастъ въ фizioномію...» Тогда она поняла, но поняла нѣсколько своеобразно: «Какъ мнѣ, мнѣ, которую знаетъ вся Россія...» Слезы и форменная истерика... Понятно, что дама «извѣстная всему Севастополю» не могла упустить столь удобнаго случая. «Вы слышали,—говорила она, печально вздыхая,—эта бѣдненькая X! Вообразила, что докторъ хочетъ ударить ее по лицу—и въ истерику. Совсѣмъ глупенькая... О, я знаю, что ея отецъ былъ извѣстенъ всей интеллигентной Россіи, но почему же она, она-то такая вышла?»

Такимъ образомъ палочная расправа горячаго поляка имѣла и еще результаты: приобрѣла доктору N въ лицѣ дамы «извѣстной всей Россіи» на вѣки непримиримаго врага и доставила дамѣ «извѣстной всему Севастополю» столь горячо желанный титулъ «первой дамы» нашего пансіона.

XVIII.

Мемфисъ и Саккарскій Некрополь.—Вѣтры Египта.

На томъ берегу Нила, за Бедрашейномъ, начинаются развалины древняго Мемфиса и его кладбище—Саккарскій некрополь. Мы имѣли неосторожность заявить, что намѣрены туда поѣхать, и тотчасъ же явились желающіе къ намъ присоединиться. Собираться куда-нибудь въ большой компаніи—одно горе. Разъ пять назначался день поѣздки и каждый разъ она откладывалась. То одному нельзя, то другой нездоровится, то чадолюбивой маменькѣ кажется, что для ея Коко недостаточно хороша погода и т. д., безъ конца. Наконецъ намъ это надоѣло и мы категорически объявили, что другіе какъ знаютъ, а мы на дальнѣйшее откладыванье несогласны и въ назначенный день поѣдемъ обязательно. И надо же было случиться, что какъ разъ въ это утро я проснулся со страшнѣйшей головной болью. Отказаться отъ поѣздки послѣ сдѣланнаго заявленія было не совсѣмъ удобно. «Поѣдемъ въ экипажѣ,—предложила жена.—Все-таки будетъ спокойнѣе, чѣмъ на ослѣ». Но когда, выйдя на улицу, мы увидѣли поданные экипажи, мы тоскливо переглянулись. Не при видѣ собственно экипажей,—двуколокъ, обычно употребляемыхъ при мѣстныхъ экскурсіяхъ, положимъ тряскихъ на рыси, но достаточно покойныхъ на шагъ,—а при видѣ тѣхъ одровъ, которые были въ нихъ запряжены. «Россинантъ и Холстомѣръ—старые знакомые!»—невольно вырвалось у меня. У насъ такихъ клячъ можно встрѣтить лишь на бойнѣ, совершить же на этихъ литературныхъ знаменитостяхъ поѣздку по зыбучимъ пескамъ Саккары, гдѣ колеса вязнуть по ступицу, представлялось совершенно невыносимымъ. Вдобавокъ къ этому, двѣ изъ нашихъ спутницъ, ѣхавшія также въ экипажѣ, сошли раньше насъ и выбрали себѣ Россинанта, который все же казался покрѣпче Холстомѣра. Но дѣлать было нечего и мы уѣхали, предоставивъ дальнѣйшее на волю судьбы. Оказалось, однако, что нашъ одеръ при немошной плоти обладалъ духомъ бодрымъ и что наружность и на сей разъ обманула. Между тѣмъ какъ Россинантъ рѣшительно отказывался брать песчаные саккарскіе подъемы, заставляя своихъ дамъ вылѣзать изъ экипажа и самихъ вязнуть въ зыбучихъ пескахъ, нашъ Холстомѣръ исправно протаскивалъ насъ по самымъ труднымъ мѣстамъ, а на обратномъ пути и совсѣмъ поразилъ своей выносливостью,

всѣ четыре версты между Ниломъ и Хелуаномъ проскакавъ безъ всякаго понужденія галопомъ.

Какъ это всегда и бываетъ, многіе изъ самыхъ ярыхъ участниковъ предполагаемой поѣздки въ самый послѣдній моментъ отказались, и мы тронулись въ путь, въ числѣ девяти человекъ всего. Переправившись черезъ Нилъ на баркѣ, вмѣстѣ съ ослами, лошадьми и экипажами, мы направились къ пальмовой рощѣ, откуда начинается та огромная площадь, которую пѣкогда занимала древняя египетская столица.

Кто не слыхалъ про Мемфисъ, одну изъ древнѣйшихъ столицъ съ мировымъ значеніемъ? Преданіе называетъ его основателемъ Менеса—перваго историческаго властителя Египта. Имъ же былъ построенъ храмъ покровителю города богу Пта. И Пта оказался могущественнымъ покровителемъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя легенды. Привожу одну изъ нихъ, довольно своеобразную. Мемфисъ осаждаютъ ассирійскій царь Сенахерибъ. Его войска безчисленны и городъ долженъ пасть. Утромъ назначенъ окончательный приступъ. И вдругъ на зарѣ врагъ бѣжитъ. Ночью на его лагерь пало огромное полчище мышей и перегрызло ремни у щитовъ и колчановъ. Въ благодарность за это чудо жрецы воздвигли богу кумирь, изображавшій Пта съ мышью въ рукѣ, при надписи: «глядя на меня, будьте богобоязненны».

Наибольшаго процвѣтанія Мемфисъ достигъ во времена Древней имперіи. Тогда въ немъ, или близъ него—въ Гизе, жили цари (2800—2200 лѣтъ до Р. Х.). Во времена же Средней и Новой имперій, когда центромъ Египта сдѣлались Оивы, а самымъ почитаемымъ богомъ явился оивскій Аммонъ, Мемфисъ постепенно теряетъ свое значеніе. Впрочемъ, еще при Августѣ (27 г. до Р. Х.) онъ оставался большимъ и населеннымъ городомъ, хотя его храмы и дворцы были уже разрушены. Въ настоящее время отъ древняго города рѣшительно ничего не осталось. Даже развалины нѣтъ, такъ какъ нельзя же называть этимъ именемъ безформенные холмы и ямы, обозначающіе мѣста прежнихъ зданій. Теперь вся огромная площадь—двадцать шесть верстъ въ окружности—прежняго города представляетъ рядъ холмовъ, ямъ, грудъ мусора и наносовъ ила, по которымъ, какъ изъ могилъ, растутъ пальмы, на низкихъ мѣстахъ зелѣютъ поля феллаховъ, а на болѣе возвышенныхъ ютятся ихъ жалкія деревушки.

Въ живописномъ мѣстечкѣ одной изъ пальмовыхъ рощъ, у небольшого прудика, лежитъ на возвышеніи колоссъ Рамзеса II. Его открыли сравнительно недавно, въ 1888 году. Въ немъ около

трехъ сажень длины, не считая короны, лежащей отдѣльно и въ которой около сажени. Выточенъ онъ изъ гранита, лицо сильно испорчено. Да и не мудрено, такъ какъ каждый туристъ считаетъ своей обязанностью влѣзть на колосса и пройти по его лицу. При насъ цѣлая кампанія англичанъ снялась на немъ группой. Въ пяти минутахъ ходьбы отъ него, въ отдѣльномъ домикѣ находится второй колоссъ. Осматриваютъ его сверху, съ маленькой площадки, на которую ведетъ лѣстница. Онъ сдѣланъ изъ очень твердаго известняка и хорошо сохранился, за исключеніемъ отбитыхъ ногъ. Выраженіе красиваго лица—кроткое, добродушное. Открытъ онъ былъ въ 1820 году и, считая ноги, въ немъ шесть сажень.

Отъ колоссовъ мы повернули назадъ и сначала пальмовыми рощами, потомъ бедрашейнской плотиною доѣхали до Саккары (Саккара—богъ мертвыхъ)—огромной песчаной равнины, съ раскинутыми по ней десятками пирамидъ и сотнями подземныхъ гробницъ—мастаба, изъ которыхъ, впрочемъ, лишь самое незначительное число не засыпано пескомъ и можетъ быть осмотрѣно. Вполнѣ сохранившихся и видимыхъ съ одного мѣста пирамидъ также немного, всего двѣнадцать. Четыре изъ нихъ принадлежатъ къ Дашурской группѣ, остальные—къ Саккарской. Изъ послѣднихъ наиболѣе замѣчательна, такъ называемая «ступенчатая» пирамида, по дорогѣ къ которой, съ правой стороны, находится кошачье кладбище, гдѣ въ большомъ количествѣ находили муміи кошекъ и ибисовъ. Теперь оно засыпано.

«Ступенчатая» пирамида—надгробный памятникъ царя III династїи Зосера, является древнѣйшей пирамидой во всемъ Египтѣ и доказываетъ неоспоримо, что всѣ пирамиды вообще строились сначала ступенчатыми. Каждая ступень, начиная снизу, служила для установки машинъ, при помощи которыхъ возводились дальнѣйшія ступени. По окончаніи пирамиды ступени сглаживались облицовкой. Тутъ же недалеко, на Юго-Западѣ, пирамида царя Онноса. На нее легко и стоитъ подняться, чтобы имѣть понятіе объ общемъ видѣ саккарскаго некрополя. На Сѣверѣ—покрытыя легкой дымкой пирамиды Абусира и Гизе, на Югѣ—Дашурскія и Саккарскія, на Востокъ—пальмовыя рощи и зеленые поля деревень Саккары и Мите-Рахине, на Западѣ, куда доходитъ глазъ,—необъятный горизонтъ,—пески Аравійской пустыни.

Двигаемся дальше, направляясь къ домику Маріета, гдѣ предполагается завтракать. Вдругъ нашъ проводникъ поворачиваетъ въ сторону.

— Куда? Зачѣмъ?—раздаются недовольные голоса. Первый часъ и всѣмъ хочется ѣсть.

Но оказывается, что невадалекъ находится могила Мерерука, осмотръ которой входитъ въ намѣченный планъ экскурси. Если не осмотрѣть ее теперь, то на возвратномъ пути придется дѣлать большой крюкъ.

— Все равно, потомъ,—говорять нѣкоторые.

Начинается споръ. Большинство, однако, высказывается за немедленный осмотръ и мы сворачиваемъ въ сторону. Вотъ маленькая пирамида царя Тети, а вотъ и мастаба Мерерука, знатнаго египтянина, жившаго во времена VI-ой династїи, около 2200 лѣтъ до Р. Х. Въ ней были похоронены, какъ самъ Мерерукъ, такъ и его жена и сынъ, чѣмъ объясняется сравнительно большое число (31) комнатъ и корридоровъ, ее составляющихъ. Сверхъ недурно сохранившейся стѣнной живописи, обращаетъ на себя вниманіе большая статуя самого Мерерука. Освѣщается мастаба сверху, чрезъ отверстія, продѣланныя въ песокъ и закрытыя толстыми стеклянными крышками.

Домъ Мариета названъ именемъ жившаго въ немъ знаменитаго французскаго египтолога, открывшаго въ 1851 году кладбище аписовъ, а съ 1858 года по 1881 годъ его смерти—завѣдывавшаго египетскими раскопками. Его уединенное пребываніе въ пустынѣ, въ царствѣ мертвыхъ, вдали отъ людей и жилья, являлось для туземцевъ непонятнымъ. Его считали чародѣемъ, боялись и оставляли въ покоѣ. Тѣмъ не менѣе, когда разнесся слухъ, что въ его домикѣ хранятся слитки золота, полученные изъ найденныхъ въ могилахъ и расплавленныхъ золотыхъ вещей, онъ подвергся серьезному нападенію шайки разбойниковъ и ему удалось спастись, благодаря лишь самообладанію и внушаемому имъ суевѣрному страху. Въ настоящее время этотъ домъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи и не трудно предсказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ отъ него не останется и слѣда. Не мѣшало бы египетскому правительству обратить на это свое вниманіе, не допускать до окончательнаго разрушенія своего рода памятникъ самоотверженной дѣятельности ученаго, заслуги котораго по восстановленію египетской старины неисчислимы.

Отдохнувъ и закусивъ привезенными съ собой припасами, выпивъ по чашкѣ кофе, приготовленнаго состоящимъ при домикѣ сторожемъ, мы отправились осматривать находящуюся въ нѣсколькихъ шагахъ главную достопримѣчательность саккарскаго некрополя—подземныя могилы аписовъ, или такъ называемый Серапеумъ.

Аписъ—священный быкъ, воплощеніе бога Озириса (равнымъ образомъ—бога Пта). Его узнавали по двадцати восьми примѣтамъ: черный цвѣтъ шерсти, бѣлое пятно на лбу, на спинѣ—изо-

браженіе коршуна съ распущенными крыльями, подъ языкомъ—нароствъ, въ видѣ жука и т. д. Понятно, что далеко не всегда находилось животное, обладавшее всѣми двадцатью восьмью примѣтами, и тогда страна оставалась безъ Аписа. По народному вѣрованію, корова—мать Аписа—оплодотворялась или молніей, или лучемъ луны. Когда родился теленокъ, подходившій по примѣтамъ къ Апису, его доставляли въ большой храмъ, находившійся надъ священнымъ подземельемъ. Если подробный осмотръ удостовѣрялъ наличность требуемыхъ примѣтъ, теленка брали въ храмъ. Вся страна ликовала, начинался цѣлый рядъ торжественныхъ празднествъ. Черезъ два года ему выбирали женъ—юныхъ телицъ, которыя въ свою очередь должны были удовлетворять извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ условіямъ. Его домашняя обстановка отличалась богатствомъ и роскошью. Онъ жилъ, окруженный всѣми удобствами, спалъ на мягкомъ ложѣ, ѣлъ и пилъ изъ драгоценныхъ сосудовъ. Ему воздавались тѣ же божескія почести, какія воздавались его прообразу Озирису и культъ его стоилъ огромныхъ денегъ. Даже иноземные власти, какъ, напримѣръ, Александръ Македонскій и римскій императоръ Титъ, находили не лишнимъ приносить ему жертвы. Его считали прорицателемъ. Тѣ, изъ рукъ которыхъ онъ не хотѣлъ принять пищи, или чью одежду онъ лизнулъ, должны были умереть въ недалекомъ будущемъ. Его ревъ обозначалъ вражеское нашествіе. Вопросая его о чемъ-либо загадывали, въ который изъ своихъ покоевъ онъ послѣ этого войдетъ и желаніе угадавшего исполнялось. Когда онъ умиралъ, его бальзамировали и хоронили съ величайшими почестями въ особой гробницѣ. Страна облекалась въ трауръ и горевала. Но заживаться ему не полагалось и по достиженію двадцати восьми лѣтъ—Озирисъ умеръ въ этомъ возрастѣ—его вели къ Нилу и торжественно топили.

При Рамзесѣ II-омъ для Аписовъ была устроена одна общая усыпальница, расширенная Псамметихомъ I-ымъ.

Отождествляясь послѣ смерти съ Озирисомъ, аписъ получалъ названіе Озарариса—властиеля запада. Когда при Птоломее I въ Египетъ проникъ иностранный культъ бога Сераписа, послѣдній былъ смѣшанъ съ Озарарисомъ, а кладбище аписовъ стали называть Серапеумомъ. Вмѣстѣ съ муміями аписовъ въ немъ обитали въ строжайшемъ уединеніи также и люди-отшельники—прототипы христіанскаго аскетизма, съ его послѣдующими учрежденіями. Персидскій царь Камбизъ, въ злобѣ за неудачный походъ въ Нубію, во время котораго большая часть его войска была уничтожена вѣтромъ «семусиномъ», приказалъ выкинуть изъ Серапеума всѣ муміи аписовъ и разрушить храмъ. Съ тѣхъ

поръ грандіозная усыпальница священныхъ быковъ стала приходитъ въ упадокъ, культу аписовъ насталь конецъ и тамъ, куда прежде тысячи вѣрующихъ стекались на поклоненіе и молитву, начинаютъ хозяйничать шайки грабителей.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Серапеумъ представляетъ огромную подземную галлерею съ немногими развѣтвленіями и многочисленными боковыми отростками—комнатами, гдѣ на гранитныхъ фундаментахъ стоятъ гранитные же саркофаги, въ которыхъ когда-то покоились муміи аписовъ. Длина саркофага около двухъ сажень и высчитано, что каждый изъ нихъ вѣситъ свыше четырехъ тысячъ пудовъ. Всѣхъ саркофаговъ двадцать четыре, всѣхъ же открытыхъ по нынѣ гробницъ—шестьдесятъ четыре. Принимая во вниманіе продолжительность культа аписовъ—нѣсколько тысячелѣтій—это количество невелико. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, какъ нелегко было найти теленка, обладавшего всѣми двадцатью восьмью примѣтами аписа и что, слѣдовательно, страна зачастую оставалась безъ такового.

Довольно крутой спускъ ведетъ къ подземелью. Входимъ и насъ охватываетъ ощущеніе спертаго горячаго воздуха и мрака. Тускло мерцающія свѣчи не могутъ бороться съ окружающей темнотой и громадность подземелья скорѣе чувствуется нежели видится. Поворачиваемъ направо и натыкаемся на какую-то огромную плиту. Это—крышка отъ саркофага, а дальше и самъ саркофагъ, стоящій поперекъ галлереи, занимая почти всю ея ширину. Вѣроятно, это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Маріету, несмотря навсѣ старанія, на помощь пара и новѣйшихъ приспособленій, такъ и не удалось извлечь изъ подземелья. Начинается рядъ комнатъ—отростковъ, со стоящими въ нихъ саркофагами. Указывая на одинъ изъ нихъ, проводникъ съ гордостью объясняетъ, что это тотъ самый, въ которомъ, во время своего путешествія въ Египетъ, завтракала вмѣстѣ съ Хедивомъ Измаиломъ французская императрица Евгенія. Положимъ, мѣсто для завтрака оригинальное, но врядъ ли удобное, въ особенности принимая во вниманіе тропическую температуру подземелья. Мы пробыли въ немъ сравнительно недолго, но, выйдя на воздухъ, я чувствовалъ себя, какъ послѣ бани и мнѣ казалось, что за это время лучи египетскаго солнца страннымъ образомъ похолодѣли, перестали грѣть.

Послѣ Серапеума мы осмотрѣли еще двѣ мастаба: Птаххотепа и Ти. Первый—одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ временъ V-ой династіи, второй—главный архитекторъ и завѣдовавшій постройкой пирамидъ царей Неферкере и Не-усерре, той же династіи. По яркости, художественности и разнообразію изобра-

жепій стѣнная живопись могилы Ти считается высшимъ образомъ египетскаго искусства временъ его процвѣтанія, превосходя реальностью даже живопись знаменитыхъ «могилъ царей» въ Луксорѣ. Вотъ краткій перечень главнѣйшихъ картинъ: убой и разрѣзыванье на куски жертвенныхъ животныхъ; птичій дворъ, откормка гусей и журавлей; отчетъ управляющихъ имѣніями; слуга съ разными приношеніями; возвращеніе лодокъ, на которыхъ Ти осматривалъ свои владѣнія; шесть сценъ жатвы—жнецы рѣжутъ хлѣбъ серпами, навьючиваютъ его на ословъ, молотба при помощи быковъ и ословъ, выбивающихъ зерно ногами, вѣянье зерна и его уборка; три сцены постройки лодокъ и употребляемые при этомъ инструменты—топоръ, пила, буравъ и тесло; музыканты и танцовщицы; разные животныя—антилопы, олени, быки; насильственный приводъ сельскаго старосты для взысканія податей; ремесленники, занятые разными работами—производство стеклянной и мѣдной посуды, глинныя издѣлія, столярныя работы, кожаное производство; булочная, мясники, драка лодочниковъ; обработка земли и пахата, разбивка комьевъ, посѣвъ, задѣлка зерна стадомъ барановъ; переправа стада въ бродъ; Ти въ лодкѣ охотится за бегемотами по болоту, покрытому папирусомъ; рыбная ловля и охота за птицами; продажа рыбы; пасущіяся стада—одна корова телится, другую доятъ, пастухъ удерживаетъ рвущагося теленка; крокодилы, борзые собаки, два карлика съ хозяйской обезьяной; тридцать шесть крестьянъ изъ разныхъ владѣній Ти съ разнообразными приношеніями—живность, овощи, фрукты и напитки.

Изъ такого даже краткаго перечня явствуетъ, что изученіе стѣнной живописи въ могилѣ Ти можетъ дать полное и всестороннее представленіе о жизни древнихъ египтянъ.

Во время обратной переправы черезъ Нилъ, находившіеся въ лодкѣ туземцы стали обнаруживать признаки беспокойства. Они тревожно переговаривались, указывая на появившееся у горизонта небольшое желтоватое облачко. Наконецъ, я уловилъ слово «семумъ».

— Какъ, неужели—семумъ?—спросилъ я проводника.

— Не знаю, но очень возможно,—отвѣтилъ онъ нерѣшительно.—Облако тамъ, направо очень подозрительное и вы замѣчаете, какая вдругъ наступила тишина, какъ воздухъ недвижимъ. Это все—признаки семума; но въ тоже время наши животныя совсѣмъ спокойны, а обыкновенно передъ семумомъ они такъ бѣсятся, что ихъ невозможно удержать.

Тогда заволновались и мы. И было отъ чего. Семумъ—вѣтеръ, но вѣтеръ ужасный. Это бѣшеный вихрь, ураганъ, несущій

тучи песку и пыли. Наступаетъ тьма. Населеніе бѣжитъ и запирается въ домахъ, а застигнутые въ пустынѣ одинокіе путники и даже караваны ложатся на землю, гдѣ въ одно мгновеніе засыпаются пескомъ. Хорошо еще, что семумъ и вообще бываетъ рѣдко, да и продолжается недолго, не болѣе получаса. Тѣмъ не менѣе его жертвы каждый разъ насчитываются сотнями.

Надо полагать, что боязнь семума и явилась причиной удивительной прыти нашего Холстомѣра. Нашему возницѣ, которому полагалось бѣжать съ вожжами въ рукахъ рядомъ съ экипажемъ, какъ-то удалось примоститься на одной изъ оглобелей. Онъ особымъ образомъ гикнулъ и Холстомѣръ понесся, какъ добрая скаковая лошадь. Быстро опередивъ нашихъ спутниковъ, мы были дома черезъ какихъ-нибудь четверть часа. Къ счастью, тревога оказалась фальшивой: никакого семума не было.

Другой мѣстный, но дующій уже періодически, вѣтеръ называется «хамсинъ». По-арабски «хамсинъ» значитъ пятьдесятъ. И, дѣйствительно, онъ дуетъ ровно пятьдесятъ дней, начиная со середины марта. Дуетъ онъ не постоянно, а съ перерывами, но каждый разъ продолжается три дня, причемъ постепенно усиливается. Вѣтеръ тоже не изъ пріятныхъ. Жгучій, раскаленный—онъ поднимаетъ въ воздухѣ тончайшую пыль, проникающую во всѣ поры тѣла. Съ трудомъ можно дышать, слизистыя оболочки пересыхаютъ, даже кожа начинаетъ трескаться. Голова становится тяжелой, иногда кружится. Все валится изъ рукъ, ничего не хочется дѣлать, человѣкомъ овладѣваетъ апатія, сонливость. Но,—странно!—на европейца хамсинъ дѣйствуетъ слабѣе чѣмъ на туземца, а почечные больные чувствуютъ себя въ это время прекрасно. Понятно, что для хамсинной пыли не существуетъ никакихъ преградъ, и комнаты въ домахъ, и все въ нихъ находящееся, несмотря на закрытыя окна, покрываются толстымъ слоемъ песка.

Есть и еще вѣтеръ—«семусинъ». Онъ совсѣмъ не изслѣдованъ, такъ какъ дуетъ не чаще одного раза въ десять лѣтъ. Соединяя жгучесть хамсина съ ураганной силой и тучами песка семума, онъ является ужаснѣйшимъ явленіемъ природы и настоящимъ бичемъ Египта. Отъ семусина, между прочимъ, какъ было указано выше, погибло почти цѣликомъ двухсоттысячное войско персидскаго царя Камбиза, направлявшееся на завоеваніе Нубіи.

XIX.

Арабская свадьба.—Обрѣзаніе.

На дняхъ намъ удалось присутствовать на арабской свадьбѣ. Женился сынъ средней руки лавочника. Свадебная процессія проходила мимо нашей виллы. Впереди—оркестръ изъ двухъ дудокъ и барабана, за нимъ толпа молодежи. У нѣкоторыхъ—въ рукахъ «машаласы»—желѣзные палки, съ маленькой жаровней на концѣ, въ которой горятъ смоляные куски дерева,—у большинства—красные фонари. Сзади всѣхъ—женихъ, совсѣмъ еще мальчикъ, съ блѣднымъ неподвижнымъ лицомъ и опущенными глазами. У воротъ виллы процессія остановилась и главный распорядитель сталъ танцовать, очень откровенно и цинично имитируя половой актъ. Послѣ этого процессія, къ которой присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ нашего пансіона, тронулась дальше и направилась къ площади ваннаго заведенія, гдѣ передъ однимъ изъ домовъ былъ устроенъ большой навѣсъ изъ воткнутыхъ въ землю жердей, задрапированныхъ красными холщевыми коврами. Жениха куда-то увели, а насъ, гостей, пригласили подъ навѣсъ, гдѣ уже находилось человѣкъ полтора, провели въ почетный уголь, уставленный мягкой мебелью, усадили и предложили кофе. Другихъ угощеній не было, кромѣ, впрочемъ, воды, которую разносили все время. Освѣщенъ былъ навѣсъ а гіогно двѣнадцатю большими керосиновыми лампами, въ висячихъ стеклянныхъ фонаряхъ и тремя стеклянными люстрами, по семи свѣчей каждая; сверхъ того горѣло и нѣсколько простыхъ стѣнныхъ лампъ. По срединѣ навѣса высилась небольшая эстрада, гдѣ помѣщались шестеро музыкантовъ-пѣвцовъ. У четырехъ изъ нихъ—музыкальные инструменты: что-то въ родѣ большой гитары или мандолины, называемой «удъ», скрипка, цимбалы и бубны. На одного изъ пѣвцовъ-старика—намъ указали, какъ на знаменитость, говоря, что ему 90 лѣтъ, хотя на видъ ему можно было дать не болѣе 60-ти. Прислушавшись къ пѣнію и къ тѣмъ его мѣстамъ, которыя вызывали наибольшее одобреніе публики, я пришелъ къ убѣжденію, что верховъ искусства арабы считаютъ длительную вокализацию носовыми и горловыми звуками, продолжающуюся до тѣхъ поръ, пока у пѣвца сохраняется хоть капля дыханія и искусственное драматическое дрожаніе голоса, при постепенныхъ переходахъ съ низкихъ нотъ на высокія и обратно. Старая «знаменитость» въ сущности не пѣлъ, а гнусаво хрипѣлъ и тѣмъ не менѣе восторженное «а-а-а!» такъ и гудѣло въ воздухѣ. Вначалѣ это пѣніе нестерпимо, рѣжетъ ухо, но когда

попривыкнувъ въ схватываете мелодію, оно мало-по-малу теряет свой рѣзкій характеръ и вы даже начинаете,—говорю, конечно, о личномъ своемъ впечатлѣніи,—находить въ немъ такую-то своеобразную прелесть.

Къ пѣвцамъ присоединился вскорѣ духовой оркестръ изъ пяти мѣдныхъ трубъ и флейтъ. Кончали пѣвцы, начиналъ играть оркестръ и такъ продолжалось часа два. Становилось скучно... Наконецъ, къ намъ подошелъ какой-то молодой человѣкъ и объяснивъ, что сейчасъ жениха поведутъ къ невѣстѣ, предложилъ пройти на его половину. Насъ ввели въ небольшую и замѣчательно грязную комнату. Вездѣ—остатки какихъ-то кушаній, вездѣ залито и нагажено. Спертый, удушливый воздухъ пропитанъ запахомъ чеснока. По стѣнамъ развѣшаны мокрыя полотенца, какъ будто жениха только что мыли. Кромѣ него въ комнатѣ находилось человѣкъ пять-шесть молодежи. Вскорѣ открылось шествіе. Въ центрѣ—женихъ съ двумя друзьями по бокамъ, впереди—два ассистента съ громадными зажженными свѣчами и двое другихъ съ чѣмъ-то въ родѣ свѣтильниковъ, по семи свѣчей въ каждомъ. Направились черезъ навѣсъ на улицу и когда проходили мимо крыльца, закрытаго «мушарабіемъ», оттуда раздались дикіе крики, скорѣ визги собравшихся тамъ женщинъ. Крикъ этотъ совсѣмъ особый и употребляется въ торжественныхъ случаяхъ для выраженія чувствъ радости. Называется онъ «загарить» и производится быстрымъ движеніемъ, какъ бы шелканьемъ языка на самыхъ высокихъ нотахъ. На человѣка, никогда его не слыжавшаго, онъ въ первую минуту производитъ ошеломляющее впечатлѣніе. Съ духовымъ оркестромъ впереди, мы медленно, нѣсколько разъ останавливаясь, обогнули домъ. Лицомъ къ жениху, пятясь задомъ шелъ главный распорядитель, съ длинной палкой въ рукѣ. По его командѣ процессія останавливалась, онъ что-то говорилъ, повторялъ какія-то слова, послѣ которыхъ оркестръ каждый разъ игралъ что-то въ родѣ туша. Наконецъ, жениха ввели въ дверь сосѣдняго дома и публика стала расходиться.

Пока мы—гости мужчины—скупали подъ навѣсомъ, жена находилась на женской половинѣ, въ гаремѣ, и вотъ что она видѣла.

Въ первой комнатѣ на низкихъ мягкихъ диванахъ, расположенныхъ у стѣнъ, сидѣли женщины, очень пестро одѣтыя и сплошь покрытыя блестящими украшеніями: брошками, ожерельями, браслетами, кольцами, серьгами—все, конечно, дешеваго сорта и съ фальшивыми камнями. Многія изъ нихъ были съ дѣтми, даже грудными. Въ углу подъ большимъ зеркаломъ, на

мягкихъ подушкахъ полу-лежали двѣ танцовщицы, а передъ ними на полу—нѣсколько дѣвушекъ съ бубнами. Когда мы вошли, эти дѣвушки пѣли что-то дикое, ударяя въ бубны, а одна изъ танцовщицъ, одѣтая въ синее атласное платье, отдѣланное рюшками изъ красной кисеи, съ очень обнаженными шеей и бюстомъ и также вся въ драгоценностяхъ, съ чѣмъ-то въ родѣ алмазной короны на головѣ, въ тактъ музыки ломала себѣ руки и пальцы. Мы прошли во вторую комнату. Тамъ тоже было много народа, а на почетномъ мѣстѣ впереди всѣхъ сидѣла невѣста—некрасивая, чернокожая—въ бѣломъ платьѣ, шитомъ золотыми блестящими и отдѣланномъ желтымъ атласомъ. Въ общемъ—платье нарядное, но безвкусное. На головѣ—бѣлая фата и также корона, отъ которой по бокамъ спускались до полу серебряныя нити; на рукахъ—бѣлыя перчатки, поверхъ которыхъ много колецъ. Она сидѣла, какъ истуканъ, съ опущенными глазами—въ ея положеніи говорить считается неприличнымъ, а рядомъ съ ней какая-то пожилая женщина, очень наряженная, вѣроятно, ея мать. Насмотрѣвшись на невѣсту, мы вернулись въ первую комнату. Одна изъ дѣвушекъ съ бубнами предложила проплясать, если мы дадимъ денегъ. Мы собрали около двухъ рублей, и она стала танцевать *dance du ventre*—нѣчто ужасное по цинизму. Танецъ сопровождался возгласами одобренія и хохотомъ присутствующихъ. Угощеній никакихъ не было, зато курили всѣ не переставая, такъ что въ комнатѣ стоялъ густой чадъ. Въ двѣнадцатомъ часу открылось шествіе. По бокамъ невѣсты шли двѣ дѣвушки,—одна въ голубомъ, другая въ розовомъ, съ громадными, толстыми зажженными свѣчами, украшенными букетиками изъ *fleurs d'orange'a*. Сзади—еще нѣсколько женщинъ, тоже со свѣчами, а двѣ несли что-то въ родѣ канделябръ, по семи свѣчей въ каждой, украшенныхъ искусственными цвѣтами. Передъ невѣстой выступала вторая танцовщица, въ красномъ атласномъ платьѣ, съ обнаженными, еле прикрытыми бѣлой прозрачной матеріей грудью и животомъ. танцую на ходу «*dance du ventre*». Дѣвушки пѣли, пристукивая въ бубны, а остальная публика неистово визжала, какъ-то присюсюкивая высунутымъ языкомъ. Можно было совершенно одурѣть отъ шума и гама. Приведя невѣсту въ ту комнату, гдѣ мы находились, посадили ее по срединѣ на стулъ. Дикая музыка прекратилась и на колѣни невѣсты стали бросать деньги. Потомъ танцовщица еще разъ протанцевала «*dance du ventre*» и пошла собирать деньги уже въ свою пользу. Послѣ этого потушили свѣчи, причемъ дѣвушки расхватили съ нихъ цвѣты—и опять при страшномъ визгѣ и крикахъ повели невѣсту чрезъ какой-то задній ходъ. Туда насъ не пустили.

Обстановка богатой свадьбы, конечно, иная. Впереди процессія—хорошій оркестръ музыки, за нимъ эlegantные экипажи. Послѣдній изъ нихъ запряженъ четырьмя великолѣпными лошадьми, наглазники которыхъ украшены шитыми золотомъ платками; у каждой лошади—по саису. Экипажъ покрытъ огромной шалью, подъ которой—невидимая—сидитъ невѣста. По его бокамъ гарцуютъ нѣсколько всадниковъ, десятки нищихъ преслѣдуютъ его криками: «бакшишъ»!

За исключеніемъ самыхъ низшихъ классовъ, женихъ и невѣста до дня свадьбы другъ друга не знаютъ. Женихъ, такъ сказать, покупаетъ невѣсту, уплачивая ей родителямъ опредѣленную сумму денегъ, которая въ среднемъ классѣ колеблется отъ двухсотъ до трехсотъ рублей. За вдову платятъ меньше. Треть этой суммы остается, если можно такъ выразиться, въ депозитѣ невѣсты, на случай смерти мужа, или развода.

Часто простонародную свадьбу, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, ссединяютъ съ другимъ семейнымъ праздникомъ—обрѣзаніемъ, обставляемомъ также очень торжественно. Въ шествіи участвуютъ масса маленькихъ дѣвочекъ, въ самыхъ пестрыхъ и блестящихъ одѣяніяхъ, съ головой украшенной цвѣтами. Процессію открываетъ цирульникъ, который долженъ совершить операцію и его слуга, несущій въ рукахъ особый деревянный ящикъ—ремесленный знакъ отличія—называемый «хеми». Затѣмъ—оркестръ, красныя жерди, факелы—словомъ, всѣ атрибуты свадебной процессіи и, наконецъ, виновникъ торжества, или на ослѣ, или въ экипажѣ. Боятся очень дурного глаза. Но такъ какъ, съ другой стороны, обычай требуетъ, чтобы ребенокъ находился возможно больше на виду, то его одѣваютъ въ богатый женскій костюмъ и увѣшиваютъ блестящими украшениями, которыя должны отвлекать взоры отъ его лица, полу-прикрытаго, сверхъ того, бѣлымъ платкомъ. Обрѣзаніе производится въ возрастѣ шести-семи лѣтъ и называется «зеффе».

XX.

Церковная служба въ день Рождества.—Отъ Хелуана до Луксора.

Двойственный характеръ нашего русско-польскаго пансіона сказанъ въ двойномъ празднованіи Рождества, по старому и новому стилямъ. Два сочельника, два Рождества, два Новыхъ года,—въ общемъ двойной сумбуръ. вмѣсто обѣда, завтракъ не въ столовой, а по комнатамъ, вмѣсто ужина—парадный

обѣдъ, съ разряженными дамами и мужчинами въ смокингахъ. Въ оба сочельника—ѣлки, привозимыя сюда изъ Швейцаріи, причемъ дерево скромнаго средняго размѣра обходится въ десять рублей.

Двѣ изъ нашихъ барынь ѣздили въ Каиръ къ греческому патриарху и онъ на первый день нашего Рождества прислалъ въ Хелуанъ священника, говорящаго по-русски, отслужившаго русскую обѣдню. Благодаря энергіи этихъ же дамъ, а также тому обстоятельству, что въ сосѣднемъ пансіонѣ жилъ регентъ одного изъ русскихъ кадетскихъ корпусовъ, очень музыкальный молодой человѣкъ, удалось сформировать любительскій хоръ. Въ немъ оказалось нѣсколько недурныхъ голосовъ, онъ прекрасно спѣлся и блестяще выполнилъ свою задачу. Надо было видѣть изумленіе, съ которымъ бывшіе въ церкви греки слушали наше церковное концертное пѣніе. Они были и удивлены, и очарованы тѣмъ болѣе, что греческое церковное пѣніе нѣчто совсѣмъ невообразимое по анти-музыкальности. Это какой-то гнусавый, томительный речитативъ, передъ которымъ козлиное пѣніе нашихъ дьячковъ представляется верхомъ мелодичности и искусства.

Рождественскіе праздники совпадаютъ съ самымъ холоднымъ періодомъ египетской зимы,—холоднымъ, конечно, сравнительно, такъ какъ утренняя температура колеблется между 5 и 10 градусами, дневная—13 и 20 и вечерняя—8 и 13 по Реомюру. Во всякомъ случаѣ, это лучшее время для поѣздки на Югъ, въ Верхній Египетъ, гдѣ температура въ среднемъ на 3—5 градусовъ выше. Эту поѣздку можно совершить двоякимъ способомъ—или на пароходѣ по Нилу, или по желѣзной дорогѣ. Специальные туристскіе пароходы за трехнедѣльную поѣздку до Ассуана и обратно, съ осмотромъ попутныхъ достопримѣчательностей и съ полнымъ содержаніемъ на пароходѣ и во время остановокъ, берутъ въ среднемъ по 50 фунтовъ, т.-е. около 450 рублей, съ человѣка. Это довольно дорого, да и быть лишеннымъ въ теченіе трехъ недѣль свободы и самостоятельности, представлять изъ себя одного изъ членовъ бараньяго стада, находящагося въ безотвѣтственномъ распоряженіи пастуха—главнаго проводника, не всѣмъ по характеру. Сверхъ того путешествіе по Нилу, въ виду однообразія береговъ и ближайшихъ окрестностей, интересно, пожалуй, лишь въ первый день, потомъ же становится скучнымъ и томительнымъ по медленности передвиженія. По желѣзной дорогѣ и дешевле и скорѣе. Вы сами себѣ господинъ, останавливаетесь гдѣ угодно и какъ хотите, осматриваете то, что васъ болѣе интересуетъ, что заранѣе намѣтили.

Встрѣтивъ Новый годъ и проведя его первый день у себя въ пансіонѣ, мы 2 (15) января тронулись въ путь. Ну, и денекъ! Надолго останется въ памяти...

Чтобы попасть въ Каиръ къ луксорскому поѣзду, отходящему въ 8^{1/2} часовъ утра, надо было выѣхать изъ Хелуана съ первымъ утреннимъ шестичасовымъ поѣздомъ. Заказанный накануне извозчикъ обманулъ и не пріѣхалъ, а начавшій накрапывать, также накануне, дождь продолжалъ идти всю ночь и покрылъ улицы и тротуары огромными лужами, по которымъ намъ и пришлось шлепать въ сопровожденіи двухъ слугъ-арабовъ, несшихъ наши вещи. Хорошо еще, что не опоздали на поѣздъ, въ которомъ, кромѣ насъ, не было ни души. Пріѣзжаемъ въ Каиръ. Дождь все идетъ, но какъ будто посильнѣе, а на станціи—ни одного извозчика. Посылаемъ сторожа на розыски. Пошелъ, но скорѣе возвращается и заявляетъ съ какой-то даже насмѣшкой и полнымъ убѣжденіемъ, что такъ и должно быть, что въ такую погоду во всемъ городѣ не найдешь ни одного извозчика. Нечего дѣлать, рѣшаемся пѣшкомъ дойти до трама, проходящаго вблизи вокзала. Бредемъ по еще большимъ лужамъ и грязи, и въ одномъ мѣстѣ проваливаемся такъ, что промачиваемъ ноги. Вотъ и трамъ, но онъ проходить, не останавливаясь, такъ какъ переполненъ. Во второй, хотя попадаемъ, но тутъ, какъ на грѣхъ, является контролеръ—единственный разъ, когда мы на каирскихъ трамахъ видѣли контролера, и заявляетъ, что съ такимъ багажемъ ѣхать нельзя. Однако, до площади Атаба-ель-Кадра насъ все-таки довозятъ. Ну, тамъ-то на площади извозчики уже навѣрное есть,—думаемъ мы. Какъ бы ни такъ! Ни одного! Опять беремъ носильщика и шлепаемъ дальше. Наконецъ,—о, счастье! ѣдетъ пустой извозчикъ. Надрываясь, кричимъ въ три голоса: «арбаги, арбаги!» машемъ руками... Ноль вниманія! Скосилъ лишь въ нашу сторону черномазую физиономію, пристегнулъ лошадей и — мимо. У гостиницы «Бристоль» дѣлаемъ еще разъ попытку, посылаемъ носильщика на улицу Камель, гдѣ у большихъ гостиницъ должны же быть извозчики. Увы! Посланный возвращается ни съ чѣмъ... И такъ подъ дождемъ, нагруженные вещами, намъ пришлось идти до самой станціи, а до нея отъ площади Атаба-ель-Кадра добрыхъ три версты... Вотъ такъ порядки, вотъ вамъ и «маленькій Парижъ», какъ охотно и не безъ гордости именуютъ Каиръ мѣстные обыватели.

Поѣхали во второмъ классѣ и раскаялись. Вагоны оказались проходными, и мимо насъ поминутно сновали какъ желѣзнодорожные служащіе, такъ и какіе-то посторонніе субъекты,

не имѣвшіе къ тому же привычки затворять за собой двери. И безъ того въ вагонѣ было въ достаточной мѣрѣ прохладно, а тутъ еще постоянный сквознякъ...

Поѣздъ все время идетъ долиной Нила, то совсѣмъ близко отъ него, то нѣсколько отдаляясь. Обрабатываемая, плодородная полоса великой рѣки—сплошная зеленая лента. Лишь отѣпки разные, гдѣ поблѣднѣе, гдѣ совсѣмъ темные. Изрѣдка среди зелени, красиво ее отѣняя, мелькають желтоватыя полосы сахарнаго тростника ранней уборки. Вездѣ копошится народъ, ходять стада вислоухихъ овецъ, осликовъ, буйволовъ, верблюдовъ. Масса деревьевъ. Почти каждая приткнулась къ пальмовой рощѣ. Въ отдаленныхъ отъ жилья поляхъ—примитивные шатры и загоны изъ стеблей кукурузы. По случаю холодной погоды дымятся костры.

Вначалѣ поѣздъ останавливается рѣдко, но съ половины пути все чаще и чаще. Самая продолжительная остановка—семь минутъ, да и такихъ всего двѣ. Станціонные буфеты, хотя изрѣдка и попадаются, но самые жалкіе: кромѣ вина и какихъ-то мѣстныхъ мало-сѣдобныхъ продуктовъ нѣтъ ничего. А въ Ассиутѣ, гдѣ поѣздъ стоитъ семь минутъ, буфетъ совсѣмъ курьезный. На видъ большой и благоустроенный, онъ со стороны платформы огороженъ деревянной рѣшеткой, а продѣланная въ ней дверь оказалась запертой. Когда я спросилъ, что это значитъ, почему заперта дверь, какой-то, стоявшій за рѣшеткой, французъ объяснилъ, что какъ только приходитъ поѣздъ, буфетъ по распоряженію желѣзнодорожной администраціи запирается. Не дурно! Для чего и для кого онъ въ такомъ случаѣ существуетъ?

Не доѣзжая Ассиута—маленькая станція Бена-Мазаръ, верстахъ въ пятнадцать отъ которой находится городокъ Бехнасса, расположенный на развалинахъ древняго города Оксирхинкоса. Послѣдній былъ столицей особой провинціи, жители которой поклонялись, какъ божеству, рыбѣ «аксиринкѣ», а у ихъ сосѣдей—племени кинополитовъ, главнымъ божествомъ была собака. И вотъ однажды случилось, что нѣсколько священныхъ собакъ полакомились нѣсколькими священными рыбами. Оксиринки не стерпѣли столь кривой обиды, пошли войной на святотатственныхъ обидчиковъ и, въ свою очередь, стали поѣдать ихъ божества—собакъ. Пришлось вступитья римлянамъ, чтобы прекратить эту курьезную священную войну.

Въ Луксорѣ пріѣхали въ половинѣ двѣнадцатаго ночи. Хотѣли остановиться въ большой гостиницѣ «Луксоръ», но тамъ оказалось свободными всего на всего два крошечныхъ номера,

по одной кровати въ каждомъ, расположенныхъ къ тому же въ разныхъ этажахъ. Между тѣмъ въ этой гостиницѣ триста кроватей. Вотъ, стало быть, какой тутъ бываетъ наплывъ туристовъ. «Поѣзжайте въ «Grande pension de famille»,—говорить намъ портье,—а когда у насъ освободится подходящая комната, мы дадимъ знать».—«Все равно, везите, куда хотите, лишь бы поскорѣе». Къ счастью, оказалось недалеко—въ Луксорѣ, впрочемъ, все близко. Насилу дозвонились. Вездѣ темно, непріятно. Комната какая-то холодная, голая. Но гдѣ ужъ тутъ разбирать и критиковать, поскорѣй бы въ постель, на покой...

XXI.

Луксоръ.—Grande pension de famille.—Карнакъ.—Скачки.

3 (16) января.

Утомленные вчерашнимъ днемъ,—главное, утрепными его злоключеніями, встали поздно, позавтракали и пошли бродить по городу. Впрочемъ, Луксоръ скорѣе большая деревня, гдѣ всего нѣсколько порядочныхъ зданій, изъ которыхъ четыре принадлежать гостиницамъ, и лишь массивныя развалины большого Луксорскаго храма, примыкающія къ пыльной неблагоустроенной набережной, напоминаютъ, что здѣсь когда-то находился одинъ изъ величайшихъ городовъ древняго міра—стовратныя Оивы. Изъ ста его воротъ, при объявленіи войны, выходило по двѣ тысячи вооруженныхъ воиновъ. Бранные крики, бряцанье оружія потрясали воздухъ, и по-нынѣ столь тихимъ и спокойнымъ водамъ священной рѣки бурливо и стремительно несея другой, человѣческій потокъ,—полчища древнихъ фараоновъ—заходя далеко за Эфіюпію съ одной стороны, достигая Каспійскаго моря и горныхъ кряжей Кавказа—съ другой.

«Grande pension de famille» оказалась далеко не изъ перво-разрядныхъ. Наша комната, хотя большая, но почти безъ всякой мебели; стѣны—нечистыя, съ многочисленными слѣдами отъ гвоздей. Но кормятъ добропорядочно, за отдѣльными столиками, подаютъ очень быстро, и прислуга внимательна вообще. Горничныхъ, конечно, не полагается. Подгулялъ только утренній кофе,—такая бурда, которую нельзя было пить, такъ что пришлось перейти на чай. Интересенъ былъ портье,—главная особа въ каждой гостиницѣ. Какъ и всѣ портье, онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, былъ вѣжливъ и услужливъ, но, очевидно, любилъ выпить, такъ какъ каждое утро, возвращаясь со станціи,

куда ѣздить встрѣчать каирскій поѣздъ, замѣтно находился dans les vignes du Seigneur. На время tables d'hot-овъ онъ снималъ форму и превращался въ maitre d'hotel—я, надѣвая къ завтраку смокингъ, а къ обѣду фракъ. Въ день отъѣзда въ Ассуанъ, провожая насъ на станцію, онъ, вѣроятно, удвоилъ свою обычную утреннюю порцію и страшно намъ надоѣлъ совѣмъ ненужной суетливостью и увѣреніями, что безъ него мы пропали бы, что только онъ одинъ и способенъ былъ устроить насъ такъ удобно; а, въ концѣ-концовъ, получивъ обычный бакшишъ, такъ расчувствовался, что на прощанье протянулъ мнѣ руку.

Прожить въ нашемъ пансіонѣ долго, было бы, пожалуй, тягостно; но такъ какъ мы намѣревались пребыть въ Луксорѣ всего около недѣли, сверхъ того должны были пользоваться комнатою исключительно для сна, мы рѣшили остаться и никуда не переезжать. Да и разниці въ цѣнѣ была не малая. Между тѣмъ какъ въ гостиницѣ «Луксоръ» полный пансіонъ стоитъ 80 піастровъ, т. е. 8 рублей съ человѣка, здѣсь съ насъ брали по 40 піастровъ—вдвое дешевле.

Сговорились съ проводникомъ—маленькаго роста, черноватымъ, невзрачнаго вида коптомъ—Кхалиль Ибрагимомъ и завтра начнемъ осмотры.

4 (17) января.

Утромъ поѣхали на ослахъ въ Карнакъ.

Карнакъ—названіе собирательное. Это святилище древнихъ Оивъ, гдѣ было сосредоточено большинство храмовъ огромнаго города. Когда-то Карнакъ соединялся съ Большимъ Луксорскимъ храмомъ сплошной аллеей сфинксовъ,—точнѣе, каменныхъ барановъ, ибо подъ словомъ «сфинксъ» обычно разумѣется изваяніе животнаго съ человѣческой головой. Аллея эта имѣла около двухъ верстъ длины. Теперь отъ нея остались лишь слѣды, да и то у самого Карнака.

Главная улица Луксора переходитъ въ гладкое хорошее шоссе. Кругомъ зелено и весело. Солнце свѣтитъ во всю. Одно непріятно: порывы довольно сильнаго вѣтра вздымаютъ по временамъ тучи пыли. Слѣва—нѣсколько иностранныхъ кладбищъ. Всѣ въ цвѣтахъ—они производятъ впечатлѣніе красивыхъ садовъ. Проѣзжаемъ утопающую въ зелени пальмъ деревню Карнакъ. Начинаютъ попадаться слѣды аллеи—полуразрушенныя изваянья священныхъ барановъ. Еще нѣсколько шаговъ—и передъ нами красивый, прекрасно сохранившійся портикъ храма Кхонса—бога луны, сына Амона и богини Мутъ. Портикъ воздвигнутъ Эвергетомъ I, а храмъ—Рамзесомъ III и считается образцомъ египетской архитектуры временъ Новой Имперіи. Надъ

входомъ—столь часто встрѣчаемое изображеніе крылатого солнечнаго диска, а стѣны покрыты глубоко вырѣзанными рельефами, представляющими Эвергета, приносящаго жертвы богамъ. За портикомъ—небольшая аллея сфинсовъ и первый пилонъ храма. Пилономъ называется поперечная стѣна храма. Широкая въ основаніи, она постепенно суживается кверху, такъ что съ наружной стороны представляетъ очень крутую наклонную плоскость. Въ большихъ храмахъ бываетъ нѣсколько пилоновъ, при чемъ первый обыкновенно больше остальныхъ.

Черезъ портикъ пилона входимъ во «дворъ» храма. Двойной рядъ колоннъ замыкаетъ его съ трехъ сторонъ. Всѣхъ колоннъ двадцать восемь. На нихъ, а также на стѣнахъ—изображенія царя и главнаго жреца Герихора, приносящаго жертвы. За дворомъ—«типостиль»—короткая и широкая зала. Средняя ея часть, поддерживаемая четырьмя колоннами, почти на два аршина выше боковыхъ, въ которыхъ по двѣ колонны. Далѣе—важнѣйшая часть храма—«святилище», гдѣ стоялъ священный корабль бога. Широкій, въ четыре аршина, корридоръ отдѣляетъ его отъ другихъ частей. По бокамъ—нѣсколько темныхъ комнатъ, а сзади—небольшой залъ съ четырьмя колоннами. По сторонамъ—семь маленькихъ придѣловъ.

Къ храму Кхонса примыкаетъ непосредственно небольшой храмъ Озириса, построенный Эвергетомъ II. Въ немъ интересенъ большой рельефъ на правомъ косякѣ двери, ведущей въ «святая святыхъ», изображающій богиню—бегемота Опетъ.

Сѣли на ословъ и повернули къ Нилу, направляясь къ главной достопримѣчательности Карнака—большому храму Амона. Входъ въ него съ запада, со стороны Нила. Сначала идетъ большая квадратная терраса. Она съ древнѣйшихъ временъ затоплялась водой, какъ о томъ свидѣлствуютъ отмѣтки на наружныхъ стѣнахъ. Здѣсь высится обелискъ, воздвигнутый Сетосомъ II (Сети). Отъ второго такого же сохранилось одно основаніе. Терраса переходитъ въ аллею каменныхъ барановъ, ведущую къ первому пилону храма. Онъ выстроенъ позднѣе всѣхъ другихъ частей,—храмъ, распираясь и увеличиваясь, строился въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ,—при Птоломеяхъ, но больше всѣхъ остальныхъ пилоновъ. Размѣры его гигантскіе: длина—около 51 сажени, высота—около 21 сажени и толщина въ основаніи—около 7 сажень. Онъ такъ и остался недостроеннымъ.

На правомъ косякѣ двери, ведущей въ большой дворъ храма, видны надписи, указывающія градусы широты и долготы, подъ которыми лежатъ главные храмы Карнака. Онѣ высѣчены подъ наблюденіемъ французскихъ ученыхъ, состоявшихъ при гене-

ралѣ Бонапартѣ, во время его пребыванія въ Египтѣ. Во дворѣ—направо и налево—портики съ колоннами. По срединѣ—остатки отдѣльной колоннады, состоявшей изъ десяти колоннъ. Пять лѣвыхъ—полуразрушены, отъ четырехъ правыхъ ничего не осталось, зато пятая сохранилась въ цѣлости.

Непосредственно у входа, налево, расположенъ маленькій храмъ Сетоса II. Онъ состоялъ изъ трехъ часовенъ, посвященныхъ Амону, Мутъ и Кхонсу. Изъ нихъ первыя двѣ засыпаны.

У конца правой стѣны, вдаваясь передней частью во дворъ, находится храмъ Рамзеса III. Онъ реставрированъ въ 1897 году и является лучшимъ образцомъ египетскаго святилища. Образаютъ на себя вниманіе рельефы на лѣвой части пилона: Рамзесъ III держитъ за волосы кучку враговъ; другая рука, съ палицей, поднята для нанесенія удара; передъ нимъ Амонъ протягиваетъ ему мечъ и передаетъ три списка побѣжденныхъ народовъ. Боковые портики двора поддерживаются восемью столбами, къ которымъ прислонены колонны Озириса. За гиппостилемъ—три небольшихъ придѣла въ честь Амона, Мутъ и Кхонса. Въ каждомъ изъ нихъ изображеніе Рамзеса III, приносящаго жертву надлежащему богу.

Возвращаемся на большой дворъ, поворачиваемъ направо и чрезъ такъ называемый портикъ Вубастидовъ выходимъ наружу, чтобы осмотрѣть рельефы наружной стѣны второго пилона, изображающіе побѣду Шесхонка I надъ Ровоамомъ, сыномъ Соломона. Богъ Амонъ держитъ въ правой рукѣ серпообразный мечъ, а въ лѣвой—связанныхъ іудейскихъ плѣнниковъ. Этотъ пилонъ воздвигнутъ Рамзесомъ I. Передъ его портикомъ находилось нѣчто въ родѣ преддверія, съ двумя статуями Рамзеса II, изъ которыхъ правая сохранилась и по настоящее время, а отъ лѣвой остались однѣ ноги.

Переходимъ теперь въ большой гиппостиль—замѣчательнѣйшую египетскую древность. Его размѣры громадны. На занимаемой имъ площади могъ бы цѣликомъ помѣститься парижскій соборъ Богоматери. Сто тридцать четыре колонны поддерживали его потолокъ. Средняя часть, съ двѣнадцатью колоннами, намного выше боковыхъ. Вышина среднихъ колоннъ около десяти сажень, боковыхъ—около шести. Въ обхватѣ первыя имѣютъ около пяти сажень, слѣдовательно, равны по толщинѣ Вандомской колоннѣ въ Парижѣ и Троянской въ Римѣ. Многія колонны попадали, другія—полуразрушены, третьи такъ наклонились, что грозятъ паденіемъ; вездѣ—обломки и мусоръ, среди которыхъ съ трудомъ пробираешься. Въ 1899 году въ лѣвой части гиппостиля обрушились одиннадцать колоннъ. Тогда приступили къ

реставраціоннымъ работамъ, которыя продолжаются и по сіе время, да, вѣроятно, будутъ продолжаться еще не одно десятилѣтіе, принимая во вниманіе арханческій способъ ихъ производствъ. Вотъ, напримѣръ, какъ изъ ямъ выбираютъ землю. На покатоми склонѣ огромной воронкообразной ямы, шагахъ въ трехъ другъ отъ друга выстраивается болѣе сотни взрослыхъ дюжихъ арабовъ. Нижній наполняетъ землей небольшую корзину и передаетъ ее сосѣду, тотъ слѣдующему и т. д., пока она не достигнетъ послѣдняго, стоящаго на верху воронки, который и высыпаетъ ее на другую сторону. Скоро ли такимъ способомъ можно очистить огромную яму.

Всѣ стѣны и колонны гиппостіля покрыты по обыкновенію рельефами и высѣченными изображеніями. На нѣкоторыхъ довольно хорошо сохранились краски. Наиболѣе интересныя, такъ называемыя, «историческія картины» находятся на наружныхъ стѣнахъ гиппостіля—лѣвой и правой. На лѣвой изображены побѣды Сетоса I, на правой—Рамзеса II надъ обитателями Палестины. Нѣсколько разъ повторяется описанное ранѣе изображеніе: царь держитъ за волосы непріятелей, потрясаетъ палицей, Амонъ подводитъ къ нему плѣнниковъ и протягиваетъ мечъ. На правой же стѣнѣ находится надпись, представляющая большое историческое значеніе, мирный договоръ Рамзеса II съ повелителемъ сирійскаго племени Хититтовъ, а также поэтическое описаніе одной изъ его битвъ, извѣстное подъ названіемъ «поэмы Пентаура».

Возвращаемся къ третьему пилоу, сооруженному Аменофисомъ III, въ настоящее время совершенно разрушенному, и входимъ въ «средній дворъ» храма, украшенный нѣкогда четырьмя обелисками, изъ которыхъ сохранился лишь одинъ. За дворомъ—полуразрушенный четвертый пилонъ; за нимъ—такъ называемая «зала каріатидъ» съ колоссами Озириса. Въ ней стояли два большихъ обелиска царицы Макере. Изъ нихъ правый упалъ, при чемъ его вершина отлетѣла довольно далеко отъ основанія,—лѣвый сохранился въ цѣлости. Онъ очень высокъ—около четырнадцати сажень, такъ что господствуетъ надъ всѣми развалинами. Изъ всѣхъ существующихъ обелисковъ выше его одинъ лишь обелискъ св. Іоанна Латеранскаго въ Римѣ. Парижскій обелискъ площади Согласія почти на три сажени ниже.

Черезъ пятый пилонъ, какъ и четвертый, выстроенный Тутмосисомъ I, проходимъ вторую залу и достигаемъ послѣдняго и самаго маленькаго—шестого пилона, сооруженнаго Тутмосисомъ III, и извѣстнаго своими «географическими таблицами»—изображеніями покоренныхъ этимъ царемъ народовъ. Нижняя

часть тѣла плѣнниковъ закрыта чѣмъ-то въ родѣ зубчатыхъ щитовъ, на которыхъ вырѣзаны названія ихъ родины. Изученіе этихъ названій, въ сопоставленіи съ типами плѣнныхъ очень расширили свѣдѣнія о времени, предшествовавшемъ исходу евреевъ изъ Египта. Сохранилось надписей около шестисотъ, общее же ихъ количество было вдвое больше.

За шестымъ пилономъ—дворъ святилища, съ прекрасной бюстовой статуей Амона, и само святилище—изъ розоваго гранита. Какъ внутреннія, такъ и наружныя его стѣны сплошь покрыты надписями и рисунками, съ хорошо сохранившеюся мѣстами краскою. За нимъ—развалины прежняго святилища—самой древней части храма, возведенной Усертезеномъ, фараономъ XII династіи. Груды обломковъ, кучи мусора—вотъ все, что отъ него осталось.

Не много сохранилось и отъ храма Тутмосиса III, замыкающаго храмъ Амона съ восточной стороны. О великолѣпіи его «большой залы пиршествъ» можно лишь догадываться. Въ одной изъ его комнатъ былъ найденъ извѣстный списокъ египетскихъ царей, начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая XVII династіей, находящійся нынѣ въ парижской національной библіотекѣ.

Пройдя чрезъ восточныя ворота большой стѣны изъ сырца, вышиной въ девять сажень, окружавшей нѣкогда весь храмъ Амона, повертываемъ налѣво и доходимъ до мѣста, гдѣ стоялъ храмъ бога войны Монта, построенный Аменофисомъ III. Онъ совершенно разрушенъ. Сохранились лишь основанія двухъ, стоявшихъ у входа, гранитныхъ обелисковъ да красивая гранитная дверь, сооруженная Птолемеемъ Филадельфомъ.

Мимо развалинъ небольшого храма временъ Птолмеевъ возвращаемся къ окружной стѣнѣ, рядомъ съ которой находится храмъ бога Пта, покровителя Мемфиса. Сооруженный Тутмосисомъ III, расширенный фараономъ-эфіопомъ Шабако и нѣкоторыми изъ Птолмеевъ, онъ въ настоящее время совершенно реставрированъ, и странное впечатлѣніе производитъ этотъ чистенькій, цѣльненькій храмикъ-игрушечка среди окружающихъ его грандіозныхъ развалинъ.

Намъ оставалось еще осмотрѣть южную часть храма Амона, но, такъ какъ она расположена на обратномъ пути въ Луксоръ, то прежде чѣмъ направиться къ ней, мы вернулись къ первому пилоу и по боковой удобной лѣстницѣ поднялись на его вершину. Какой изумительный видъ! Подъ нашими ногами весь Карнакъ, и величественное, неизгладимое впечатлѣніе производитъ эта огромная, величайшая въ мірѣ площадь развалинъ.

Сначала трудно разобраться въ хаосѣ обломковъ, разрушенныхъ стѣнъ, торчащихъ обелисковъ. Лишь потомъ, приглядѣвшись, и съ помощью плана, начинаешь различать отдѣльныя части. Направо, съ юга, рядъ пилоновъ, нами еще не осмотрѣнныхъ. Они расположены не съ сѣвера на югъ, какъ пилоны центральной части храма, а перпендикулярно къ нимъ; далѣе, по тому же направленію, весело играетъ на солнцѣ зеркальная поверхность священнаго озера въ формѣ подковы. Оборачиваемся назадъ. Изъ сплошной зелени пальмъ таинственно, еле различаемыя, выглядываютъ феллахскія хижины; за ними широкой лентой серебрится могучая рѣка. Хотѣлось бы остаться здѣсь подольше и вполне насладиться исключительнымъ зрѣлищемъ... Но сильный вѣтеръ раздуваетъ платья, срываетъ шляпы, да и проводникъ торопитъ. Онъ находитъ вообще, что мы слишкомъ долго и внимательно осматриваемъ. «Come on, come on! Вы опоздаете на скачки»,—пугаетъ онъ насъ. Объ этихъ скачкахъ, устраиваемыхъ каждый четвергъ администраціей гостиницы «Луксоръ», онъ оповѣстилъ насъ еще вчера. Очевидно, по его мнѣнію, скачки представляютъ гораздо большій интересъ, чѣмъ всѣ египетскія древности вмѣстѣ взятыя. Впрочемъ, я его понимаю. Ходить изо дня въ день по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, сопровождая ахающихъ туристовъ, куда не весело. Для него эти развалины давно потеряли всякій интересъ, утратили внутренній смыслъ и значеніе. Онъ знаетъ ихъ наизусть. Онъ сотни разъ останавливался передъ одной и той же стѣной, указывалъ на одно и то же изображеніе и, коверкая англійскій, иногда французскій языки, механически, заученно повѣствовать о подвигахъ разныхъ Сетосовъ, Тутмосисовъ и Рамзесовъ. Съ нами, впрочемъ, ему было легче. Мы напередъ ему объявили, что въ объясненіяхъ его не нуждаемся, что его дѣло носить наши фотографическіе аппараты и отвѣчать на предлагаемые вопросы. Кажется, такое распоряженіе пришлось ему очень по вкусу. Онъ тотчасъ же смѣнилъ свой дѣловито-озабоченный видъ на весело-фланирующій и, проходя мимо другихъ проводниковъ, читавшихъ у разныхъ стѣнъ цѣлыя лекціи, окидывалъ ихъ снисходительно-насмѣшливымъ взглядомъ.

Спустившись внизъ, мы черезъ средній дворъ храма прошли къ VII пилону, выстроенному Тутмосисомъ III, теперь почти совершенно разрушенному, и мимо обломковъ нѣсколькихъ статуй, изображавшихъ царей временъ Средней Имперіи, и двухъ гранитныхъ колоссовъ Тутмосиса III, направились къ небольшому, овальной формы пруду. Это—первое священное озеро, называемое арабами, по вкусу его воды, соленымъ. Отъ

него проходимъ къ VIII пилоу. Онъ сооруженъ царицей Макере и довольно хорошо сохранился. Вдоль его наружной, южной стѣны находились шесть царскихъ колоссовъ въ сидячемъ положеніи. Лучше другихъ сохранились изображающіе Аменофиса I и Тутмосиса II. Отъ слѣдующаго, IX пилона, выстроеннаго Хазембеомъ, почти ничего не осталось. Между нимъ и X пилономъ—развалины небольшого храма Аменофиса II. На стѣнѣ, соединявшей храмъ съ пилономъ,—нѣсколько хорошо сохранившихся рельефовъ изображаютъ Хазембеба, представляющаго богамъ плѣнныхъ изъ страны Пунта, нагруженныхъ золотомъ и драгоценными камнями. Этотъ послѣдній пилонъ, гдѣ находился южный входъ въ храмъ Амона, выстроенъ также Хазембеомъ. За исключеніемъ портала, онъ весь развалился. У внутренней его стѣны—двѣ безголовыя статуи Рамзеса II, у наружной—два полуразрушенныхъ колосса—Хазембеба и Аменофиса III.

Здѣсь, у конца стѣны, окружавшей храмъ Амона, начинается довольно длинная аллея каменныхъ барановъ, ведущая къ храму богини Мутъ, жены Амона и матери Кхонса. Выстроенный Аменофисомъ III, онъ представляетъ въ настоящее время груды развалинъ, среди которыхъ стоятъ нѣсколько десятковъ статуй львинообразной богини Секметъ, два, три грубыхъ изваянія священныхъ обезьянъ и недурно сохранившійся колоссъ Аменофиса III изъ чернаго гранита. Наконецъ, за храмомъ находится второе священное озеро, имѣющее форму подковы.

Около пяти часовъ провели мы среди грандіозныхъ развалинъ, общая площадь которыхъ равняется двухстамъ нашимъ десятинамъ. Колоссальной мощью, огромной, но не грубой, а одухотворенной силой вѣетъ отъ нихъ. Только могучая вѣра человѣка-младенца, въ соединеніи съ божественно-неограниченной властью правящихъ, была способна создать нѣчто подобное. Младенецъ-человѣкъ оказался творцомъ-гигантомъ, и какой мелкой и ничтожной представляется современная дѣйствительность при сравненіи съ величавой мощью прежнихъ тысячелѣтій.

Вернувшись въ гостиницу и наскоро поѣвъ, мы отправились на скачки. Контрастъ полный. Послѣ міра величавой старины—архисовременная дѣйствительность, въ видѣ англійскихъ джентльменовъ и леди, увеселяющихъ публику и, главнымъ образомъ, самихъ себя. Впрочемъ, то, что мы видѣли, вѣрнѣе назвать не скачками, а состязаніями вообще, такъ какъ программа была самая разнообразная. На первый номеръ—бѣгъ въ мѣшкахъ, мы опоздали. Вторымъ былъ бѣгъ тузем-

цевъ съ козьими мѣхами, наполненными водой, на спинѣ. Ноша тяжелая, и зрѣлище неинтересное. Потомъ вывели нѣсколькихъ ослѣвъ, и на каждомъ усѣлись по два араба, спиной къ спинѣ. Двое, трое изъ нихъ скувырнулись, при громкомъ смѣхѣ публики. Послѣ этого—заѣздъ джентльменовъ. Какъ ни старались наѣздники, но ослы, не чувствуя за собой погонщика, слушались плохо, упирались и затрудняли себя быстрымъ аллюромъ не хотѣли. Болтались длинныя ноги, какъ птичьи крылья поднимались и опускались локти, на животныхъ сыпались удары хлыстовъ... Было и смѣшно и противно. Джентльменовъ смѣнила полдюжина леди, изъ которыхъ лишь одна, съ оживленнымъ миловиднымъ личикомъ и цѣлой копной золотистыхъ волосъ, выдѣлялась изъ всѣхъ остальныхъ, согласно традиціи—длиннозубыхъ и жердеобразныхъ. У этихъ дѣло пошло еще хуже, ослы уже совершенно не желали ихъ признавать. Одна шлепнулась въ самомъ началѣ, и лишь двѣ одолѣли кое-какъ назначенную дистанцію. Первой, къ большому моему удовольствію, оказалась рыженькая красавица. Потомъ на лошадахъ скакали опять арабы, и они же на буйволахъ. Противъ ожиданія, эти грузныя, неуклюжія животныя выказали достаточную прыть, шли довольно быстрымъ, свободнымъ галопомъ. Зато скачка верблюдовъ совершенно не удалась. Несмотря на яростныя удары голоногихъ всадниковъ, верблюды ревѣли, упирались и не желали двигаться. Только трое изъ десятирехъ достигли финиша, остальные вернулись съ полдороги. Вскачъ не удалось поднять ни одного, всѣ шли рысью,—медленно и неуклюже. Наконецъ, pour la bonne bouche, общій заѣздъ леди и джентльменовъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ финиша были воткнуты въ землю въ наклонномъ положеніи глиняныя горшки. Состязавшіеся, вооруженные длинными палками, должны были ими поднять и довести на нихъ до финиша эти горшки. Ну, тутъ кавардакъ выпелъ полный. Разгоряченныя предварительными состязаніями, животныя не хотѣли останавливаться у горшковъ, вертѣлись, бросались въ сторону. Очень немного горшковъ очутилось на палкахъ, большинство было разбито ослиными копытами. Но рыженькая красавица и тутъ оказалась въ числѣ побѣдителей.

Публики билетной, платной было не много, но зрителей туземцевъ собралась масса. Дѣтски-весело и шаловливо вела себя эта толпа, награждая шумными знаками одобренія побѣдителей, отъ души хохоча надъ неловкими и побѣжденными. Она тѣснымъ кольцомъ окружала скаковой кругъ и зачастую, подъ напоромъ заднихъ рядовъ, передніе выскакивали впередъ.

Тогда ближайшій изъ наблюдавшихъ за порядкомъ конныхъ полицейскихъ карьеромъ врѣзывался въ толпу и начиналъ спокойно и методично молотить плетью направо и налево. Какъ стадо барановъ, толпа шарахалась въ стороны, отбѣгала на нѣкоторое разстояніе, а полицейскій также невозмутимо и спокойно возвращался на прежнее мѣсто. Но не проходило и десяти минутъ, какъ повторялась та же исторія, и опять безцеремонно гуляла плеть по фескамъ, бурнусамъ и синимъ рубашкамъ. И ни одного возгласа негодованія, ни одного протестующаго жеста не вырывалось изъ этой изумительно-добродушной толпы. Весело скаля зубы, почесывается получившій ударъ, но самъ впередъ уже не лѣзетъ, да и сосѣдей придерживаетъ. А на обратномъ пути въ гостиницу, мы были свидѣтелями слѣдующей сцены. Мы пробирались узенькой тропинкой клевернаго поля. Впереди шли двѣ женщины, одна худая, другая толстая. Онѣ оживленно, но, судя по движеніямъ, совершенно мирно разговаривали. Вдругъ худая какимъ-то копчащимъ наскокомъ вцѣпляется толстой въ волосы. Та взвизгиваетъ и, въ свою очередь, награждаетъ худую двумя полновѣсными плюхами. Начинается форменная потасовка, удары такъ и сыпятся, обѣ визжать и воютъ во весь голосъ. Жена пугается. «Бѣги, разными ихъ, онѣ другъ друга искалѣчатъ!» Я кричу, бросаюсь впередъ и—о, удивленье!—вой мгновенно прекращается, обѣ сердито на меня оглядываются и потомъ, на ходу приводя въ порядокъ пострадавшія прически и одежду, поспѣшно удаляются, при чемъ совсѣмъ миролюбиво продолжаютъ столь внезапно и, очевидно, по пустякамъ прерванную бесѣду. Своеобразные нравы...

XXII.

Храмъ Сетоса I.—Могилы царей.—Храмъ Деиръ-елъ-Бахри.

5 (18) января.

Въ девятомъ часу утра переправились на парусной лодкѣ на лѣвый западный берегъ Нила, гдѣ насъ ожидали ослы. Только что пришли въ Луксоръ пароходы Кука и еще какой-то компаніи и по рѣкѣ двигалась цѣлая флотилія большихъ и малыхъ лодокъ, переполненныхъ туристами. Причаливали приблизительно въ одномъ мѣстѣ, вначалѣ всѣмъ приходилось ѣхать по одному направленію и, двинувшись въ путь, мы очутились среди внушительной кавалькады, человекъ въ сто. Сверхъ того двѣ старушки англичанки преудобно устроились на носилкахъ, которыя несли чередуясь восемь арабовъ.

Ослы—животныя общительныя и, какъ люди, въ толпѣ обна-
руживаютъ извѣстный подъемъ духа. Очувтившись въ такой боль-
шой компаніи, они стали горячиться, рваться впередъ и не ма-
лыхъ усилій требовалось, чтобы ихъ сдерживать и заставлять
идти приличнымъ аллюромъ. Но стоило вырваться впередъ од-
ному, и за нимъ мчались остальные. Начиналась настоящая, хотя
и непроизвольная скачка, но много превышавшая рѣзвостью ту,
которую мы видѣли вчера. Падали шляпы, развѣвались дамскіе
волосы, съ растерянными красными лицами мчались леди и
джентльмены, не будучи въ силахъ остановить разгоряченныхъ
животныхъ. Куда дѣвались чопорность и пресловутая британская
флегма! А за ними и среди нихъ, съ гикомъ и гортанными выкри-
ками, бѣжали погонщики—люди съ изумительными легкими—
которымъ весь этотъ кавардакъ доставлялъ видимое наслажде-
ніе. Около деревни Курна, гдѣ дорога, проходя между берегомъ
канала и каменной стѣной, сильно суживается, одна фундамен-
тальной структуры англичанка, оселъ которой совершенно вы-
шелъ изъ повиновенія, такъ прижала къ береговому откосу осла
жены, что, не подоспѣвъ погонщикъ, и жена вмѣстѣ съ осломъ очу-
тилась бы неминуемо на днѣ канала. Къ счастью, за деревней
большая часть туристовъ развѣхалась въ разныя стороны и у
погребальнаго храма Сетоса I, съ котораго мы начали осмотры,
насъ осталось человѣкъ двадцать—не больше.

Сетосъ не успѣлъ закончить своего храма, его достроилъ Рам-
зесъ II. Довольно большихъ размѣровъ въ прежнее время—онъ
имѣлъ семьдесятъ двѣ сажени длины—теперь отъ него осталось
одно святилище и то въ печальномъ видѣ. Въ общемъ, храмъ
этотъ представляетъ мало интереса и, бѣгло его осмотрѣвъ, мы
тронулись дальше, къ главной достопримѣчательности еиван-
скаго некрополя, такъ называемымъ «могиламъ царей»—Бибанъ-
ель-Мулукъ по-арабски.

Мы поднимаемся долиной, которая все суживается. Кругомъ—
царство камня; куда не взглянешь—одинъ камень. Подъемъ ста-
новится круче, долина все уже. Поворотъ—и мы въ ущельѣ,
замкнутомъ со всѣхъ сторонъ высокими горами. По крутымъ ихъ
склонамъ вездѣ выступы, ямы, обрывы, пропасти. Какой-то хаосъ
неправильныхъ линій и угловъ, среди которыхъ въ дикомъ без-
порядкѣ—камни, кучи камней разной величины, отъ куриного
яйца до гигантскаго утеса и самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ—
сѣраго, желтаго, коричневаго, лиловаго, фіолетоваго и совсѣмъ
чернаго. О растительности нѣтъ и помину, не видно также и солнца
и лишь узкая полоска неба высоко, высоко надъ головой, напо-
минаетъ объ окружающемъ мірѣ, отъ котораго—не будь ея, этой

полоски—вы чувствовали бы себя совершенно отрѣзаннымъ. Тишина полная. Величественно-дико, но какъ-то безнадежно-мертво. Въ пасмурный день здѣсь, должно быть, прямо жутко; но теперь, хотя солнца и не видно, его живительное присутствіе тамъ, за этимъ гребнемъ, ощущается во всемъ. Вы его узнаете по той массѣ свѣта, которымъ наполнено глубокое ущелье,—по тому, какъ глаза ваши шуряты при взглядѣ на линію, образуемую небомъ и тѣмъ мѣстомъ гребня, за которымъ оно находится; о немъ говоритъ и густая, темная синева узкой небесной полоски; вы его чувствуете, наконецъ, и въ ласкающей теплотѣ воздуха. Какое-то тихое спокойствіе, не безъ легкаго оттѣнка грусти, овладѣваетъ вами... хорошо, что мы одни. Проводникъ съ погонщиками отстали и тоже примолкли. Одно лишь бодрое металлическое постукиванье подкованныхъ осликовъ нарушаетъ невозмутимую тишину. Наконецъ, горы становятся ниже, ущелье расширяется, открывается просвѣтъ на нильскую долину, появляются кучи песка и мусора, свидѣтельствующія о дѣятельности человѣка. Передъ одной изъ такихъ кучъ мы останавливаемся, мы у цѣли поѣздки, передъ нами входъ въ первую «могилу царей». Нѣсколько предварительныхъ словъ объ этихъ могилахъ.

Онѣ принадлежать царямъ XVIII, XIX и XX династіи (1545—1100 до Р. Х.), служили исключительно для помѣщенія гроба съ царской муміей и такимъ образомъ замѣнили болѣе древнія пирамиды. Въ общемъ, онѣ всѣ устроены по одному типу. Три высѣченные въ скалѣ корридора глубоко спускаются одинъ за другимъ и приводятъ къ главной комнатѣ, въ большинствѣ случаевъ сводчатой, со столбами, въ которой находился саркофагъ съ муміей. Къ ней обычно примыкали еще нѣсколько боковыхъ комнатъ—поменьше. Согласно существовавшему тогда вѣрованію, по которому усопшій, въ сопровожденіи бога солнца Ра совершаетъ въ лодкѣ ночное путешествіе по аду, стѣнная живопись комнатъ и корридоровъ состоитъ преимущественно изъ текстовъ и картинъ, изображающихъ и поясняющихъ это путешествіе. Источниками, изъ которыхъ художники черпали матеріалъ для этихъ изображеній, являлись нѣсколько книгъ, болѣе или менѣе схожихъ по содержанію. Напримѣръ, въ книгѣ «Ада» говорится о томъ, что усопшій видитъ въ аду. Адъ раздѣленъ на двѣнадцать частей, соотвѣтствующихъ двѣнадцати ночнымъ часамъ, вслѣдствіе чего и книга состоитъ изъ двѣнадцати главъ. Срединка каждой главы занята изображеніемъ рѣки, по которой плыветъ на лодкѣ богъ Ра, окруженный свитою, освѣщая и временно оживляя все окружающее. По берегамъ толпятся геніи и демоны, привѣтствующие и оберегающие бога. Книга «Дверей» изобраа-

жасть также почное путешествіе Ра по аду. Огромныя двери замыкаютъ каждое изъ двѣнадцати его отдѣленій. Два бога и двѣ гигантскія змѣи, изрыгающія пламя, сторожатъ у входовъ и преклоняются передъ богомъ. Книга «Сошествія бога солнца въ адъ» изображаетъ Ра, проповѣдующаго демонамъ и прочимъ обитателямъ ада. Книга «Славословіи Ра», служившая источникомъ для живописи двухъ первыхъ корридоровъ, состоитъ изъ ряда славословій этому богу. Подъ семидесятью пятью различными именами прославляется тутъ Ра и покойникъ обязанъ ихъ произносить въ тѣ вечерніе часы, когда богъ вступаетъ въ адъ. Наконецъ, книга «Открытія рта» учитъ тѣмъ разнообразнымъ приемамъ, которые необходимо продѣлать передъ статуей покойнаго, чтобы ее оживить и дать ей возможность насыщаться и утолять жажду. Такимъ образомъ, содержаніе живописи разнообразіемъ не отличается и въ этомъ отношеніи могилы царей въ значительной мѣрѣ уступаютъ саккарской могилѣ Ти о которой было говорено выше. Всѣхъ открытыхъ по настоящее время могилъ сорокъ одна Онѣ содержатся въ образцовомъ порядкѣ и освѣщены электричествомъ. Интереснѣйшая изъ нихъ—могила Сетоса I. Ея стѣнная живопись великолѣпна по исполненію и яркости красокъ, притомъ замѣчательно сохранилась. Видъ изъ третьяго корридора на главную комнату, гдѣ стоялъ саркофагъ, поражаетъ своей фантастичной таинственностью. Но строго выдержанная, согласно указаннымъ источникамъ, живопись однообразна и производитъ мрачное впечатлѣніе: безъ конца чередуются богъ Ра, гигантскія змѣи, адскія чудовища и очистительныя мученія, которымъ подвергаются души умершихъ. Второй по достоинству является могила Рамзеса III. Величиной она лишь немногимъ уступаетъ первой, но живопись ея хуже и не такъ хорошо сохранилась; зато содержаніе картинъ разнообразнѣе. Встрѣчается довольно много изображеній обыденной жизни, сцены посѣва и жатвы, даже артистическія сцены, напримѣръ—игра на арфѣ и др. Послѣ этихъ двухъ могилъ остальные уже не представляютъ особаго интереса и осмотрѣвъ еще одну—Рамзеса VI, мы сѣли на ослонъ и по узкой крутой тропинкѣ стали подниматься въ гору. Чудный видъ открывается съ ея вершины. Налѣво, внизу—только что нами оставленная пустынная мертвая площадь царскихъ могилъ, направо—отвѣсно подъ ногами—выступаютъ изъ глубокой пропасти живописныя развалины храма Деиръ-ель-Бахри, прямо впереди—широкій просторъ зеленой долины Нила, а вдали на горизонтѣ—большой Луксорскій храмъ и карнакскія святилища.

Довольно крутой спускъ, продѣланный нами частью пѣшкомъ, привелъ къ самому храму Деиръ-ель-Бахри, въ одномъ изъ

портиковъ котораго мы позавтракали и немного отдохнули. Интересна исторія этого храма и его строительницы, царицы Макере. Она вступила на престолъ соправительницей брата, одновременно и мужа, Тутмосиса III. Вскорѣ братъ-мужъ ее прогналъ, послѣ чего сталъ уничтожать какъ въ этомъ храмѣ, такъ и въ другихъ ея «картуши». (Картушь—выбитый въ камнѣ медальонъ, въ которомъ іероглифически изображено царское имя). То же продолжалъ дѣлать, вступивъ на престолъ и другой ея братъ—Тутмосисъ II. Послѣ его смерти, воцарившись опять, Макере возобновила постройку храма, но, несмотря на продолжительное царствованіе, докончить его не успѣла. Ея преемникъ—опять Тутмосисъ III—продолжалъ относиться по варварски ко всему тому, что напоминало о ненавистной женѣ—сестрѣ, и лишь при Эвергетѣ II о храмѣ вспомнили, стали его поправлять и даже прибавили нѣсколько незначительныхъ пристроекъ. Но водворилось христіанство, храмъ былъ занятъ монахами, и разрушеніе возобновилось. Къ его раскопкамъ было приступлено при Мариетѣ, а въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія онъ былъ отчасти реставрированъ. Главный храмъ посвященъ Амону, двѣ боковыя часовни—богинѣ Гаторъ и Анубису. Выстроены онъ по очень красивому, необычному для Египта плану. Съ равнины онъ поднимается тремя террасами, широкій входъ дѣлитъ его на двѣ равныя части: правую и лѣвую. Длинная аллея сфинксовъ вела къ первому пилону, теперь совершенно разрушенному. За нимъ находился нижній дворъ, изъ котораго поднимались въ средній. Послѣдній замыкался спереди двумя портиками, справа—портикомъ «Рожденія», слѣва—портикомъ «Пухта», часть рельефовъ которыхъ довольно хорошо сохранилась. На первомъ изображены сцены зачатія и рожденія царицы Макере, на второмъ—коммерческая экспедиція въ страну Пунта, о которой было уже упомянуто. Очень хороши по реальности и живости изображеній, рельефы въ часовнѣ богини Гаторъ. На одномъ изъ нихъ Макере сосетъ корову Гаторъ, на другомъ она приноситъ богинѣ разныя жертвы.

Слѣдуетъ также упомянуть о небольшомъ престолѣ, находящемся около верхняго двора храма, въ открытомъ дворикѣ и посвященномъ богу Ра. Интересенъ онъ тѣмъ, что является однимъ изъ немногихъ храмовыхъ престоловъ Египта, сохранившихся на первоначальномъ мѣстѣ.

Было около трехъ часовъ дня, когда окончивъ осмотръ храма и порядкомъ уставши, мы тронулись въ обратный путь.

XXIII.

Колоссы Мемнона.—Медине Абу.—Храмъ Деиръ-ель-Медине.
Шейкъ-Абдъ-ель-Курма.—Рамессеумъ.

6 (19) января.

Опять переправа черезъ Нилъ, но на этотъ разъ, вмѣсто мрачнаго и мертваго царства камня, веселыя, зеленыя поля, среди которыхъ далеко видимыя со всѣхъ сторонъ, высятся знаменитыя колоссы Мемнона. Они стоятъ спиной къ горамъ, лицомъ къ Нилу, были когда-то расположены у входа въ храмъ, отъ котораго теперь ничего не осталось, и странное впечатлѣніе производитъ одинокое положеніе этихъ гигантовъ, рѣзко выступающихъ на фонѣ зеленой равнины. Они изображаютъ царя Аменофиса III, но во времена римскаго владычества ихъ считали статуями Мемнона, сына Эосъ и Тифона, погибшаго въ Троянскую войну отъ руки Ахиллеса. Высѣченные изъ темно-желтаго, очень твердаго песчаника, они оба въ настоящее время сильно попорчены. Размѣры ихъ громадны—девять саженъ въ вышину, а съ давно упавшей короной и всѣ десять. Средній палецъ руки—около двухъ аршинъ. По величинѣ и качеству работы, они уступаютъ лишь колоссу Рамзеса III, обломки котораго находятся въ Рамессеумѣ. Какъ извѣстно, одинъ изъ нихъ—правый—издавалъ на зарѣ мелодическіе звуки. Древніе говорили, что это Мемнонъ привѣтствуетъ свою мать Эосъ, которая, въ отвѣтъ на жалобу любимаго сына, проливаетъ слезы—утреннюю росу. Что колоссъ звучалъ—фактъ, удостовѣренный многочисленными свидѣтелями. Въ Египтѣ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, температура быстро поднимается. Въ охлажденной ночью каменной массѣ происходитъ вслѣдствіе этого передвиженіе молекулъ, причемъ, если части камня расположены извѣстнымъ образомъ, можетъ получиться звукъ. Звучащіе камни наблюдались и въ другихъ мѣстахъ. При Септимѣ Северѣ верхняя часть колосса была реставрирована, положеніе частей измѣнилось и звуки прекратились.

И въ древнемъ мірѣ существовали туристы, стремившіеся услышать звучащаго колосса. Вся нижняя часть статуи исчеркана греческими и латинскими надписями въ прозѣ и стихахъ. Особенно постаралась нѣкая Бальбилла, женщина-поэтъ при дворѣ императора Адріана, который, во время своего путешествія въ Египетъ, провелъ съ женой Сабиной и большой свитой нѣсколько дней у подножія статуи. Въ довольно неуклюжихъ гекзаметрахъ, на лѣвой ногѣ статуи, госпожа эта увѣряетъ, что

колоссъ такъ былъ обрадованъ при видѣ Адріана, что сталъ издавать звуки по три раза въ день.

Въ четверти часа ѣзды отъ колоссовъ находится Медине-Абу—самая южная группа храмовъ еиванскаго некрополя. Она состоитъ изъ храма Тутмосиса III и Макере, павильона Рамзеса III, погребальной часовни принцессы Аменертаисы и большого храма Рамзеса III. Древнѣйшій изъ нихъ—первый, начатый при Макере, оконченный при Тутмосисѣ III; но, какъ и въ храмѣ Деиръ-ель-Бахри, всѣ картуши Макере уничтожены.

Павильонъ Рамзеса III оригиналенъ по архитектурѣ. Онъ трехэтажный съ окнами. Фасадъ его состоитъ изъ двухъ высокихъ башенъ. По лѣстницѣ лѣвой можно подняться на самый верхъ, откуда открывается красивый видъ. Большинство рельефовъ изображаютъ царя въ его домашней жизни. Судя по нимъ, царь былъ хорошимъ семьяниномъ и добрымъ человѣкомъ. Однако, картины и надписи «Большого храма», особенно нѣкоторыя изъ нихъ, говорятъ совсѣмъ другое. По величинѣ «Большой храмъ» занимаетъ третье мѣсто среди всѣхъ еиванскихъ храмовъ, уступая лишь карнакскому Амона и Луксорскому. Онъ посвященъ Амону и такъ же, какъ и карнакскій, состоитъ изъ ряда пилоновъ, чередующихся съ дворами, колоннадами и залами. Главнымъ же образомъ, онъ замѣчателенъ своими рельефами. Ни въ одномъ храмѣ я не встрѣчалъ рельефовъ столь глубоко вырѣзанныхъ, столь художественно исполненныхъ. Но помимо прекраснаго исполненія, картины и надписи какъ внутреннихъ, такъ и наружныхъ стѣнъ имѣютъ большое научное значеніе. Такъ, напримѣръ, изображенія во второмъ дворѣ даютъ полное, наглядное понятіе о празднествахъ, торжественныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ древняго Египта, а рисунки и надписи наружныхъ стѣнъ представляютъ цѣнный историческій матеріалъ, являясь подробнымъ описаніемъ того семилѣтняго періода непрерывныхъ войнъ и блестящихъ побѣдъ, потребовавшего напряженія всѣхъ силъ страны и приведшаго Египетъ на вершину могущества. Въ честь этихъ побѣдъ выстроены и самый храмъ. Изъ этихъ картинъ особенно интересна, изображающая морское сраженіе въ устьяхъ Нила. Рѣзко бросается въ глаза разница между флотомъ египтянъ и ихъ враговъ. И внѣшность кораблей, и характеръ управленія, и способы борьбы—все разное.

Другая картина останавливаетъ вниманіе своимъ страннымъ, непонятнымъ содержаніемъ. Огромныя кучи человѣческихъ тѣлъ и головъ, рядомъ съ которыми стоятъ запряженные буйволами телѣги, наполненные какими-то короткими кусками мяса. Не будь объяснительной надписи, и вы бы ничего не поняли. А над-

пись гласить, что, когда одинъ изъ подвластныхъ народцевъ возмущился, фараонъ, усмиривъ его, приказалъ въ наказаніе обезглавить 12,536 человекъ. Объ этой расправѣ слѣдовало довести до свѣдѣнія и всѣхъ прочихъ покоренныхъ племенъ, дабы они знали, что ихъ, въ свою очередь, ожидаетъ въ случаѣ неповиновенія могучему царю. Проще всего было послать имъ наглядное доказательство расправы—головы казненныхъ; но для этого потребовалось бы слишкомъ много подводъ. И вотъ царь придумалъ другое. Онъ велитъ оскопить трупы и, вмѣсто головъ, посылаетъ вещественныя доказательства операціи... Добродушный семьянинъ—Рамзесъ III, какъ правитель, является совсѣмъ другимъ человекомъ. Впрочемъ, надо полагать, что фактъ этотъ свидѣтельствуется скорѣе о современной жестокости нравовъ вообще, нежели о личномъ характерѣ владыки.

Послѣ Медине-Абу мы осмотрѣли маленькій храмъ Деиръ-ель-Медине. Онъ расположенъ у подножія горы, при вѣздѣ въ ущелье, и обнесенъ кругомъ стѣной. На его фасадѣ много греческихъ и коптскихъ надписей, такъ какъ во времена христіанства въ немъ жили монахи. Онъ состоитъ изъ преддверья, большой залы и трехъ часовенъ. Очень хороши рельефы лѣвой стѣны лѣвой часовни, изображающіе судъ надъ душою умершаго. На тронѣ сидитъ Озирисъ, двѣ богини Правды ведутъ усопшаго на судъ, боги Анубисъ и Горусъ взвѣшиваютъ его сердце, а богъ Тутъ, съ головою ибиса, записываетъ приговоръ.

Отсюда мы повернули вправо, къ холмистой возвышенности, называемой Шейкъ-Абдъ-ель-Курма. Здѣсь расположены могилы высшихъ служилыхъ людей, временъ XVIII династіи по преимуществу. Открытыхъ могилъ очень много—сто двадцать семь. Состоятъ онѣ изъ длиннаго корридора и большой комнаты съ колоннами. Въ нѣкоторыхъ—сбоку корридора находится еще маленькая комната. Вслѣдствіе плохого качества известняка, стѣнные рисунки не вырѣзаны, а только раскрашены. Въ могилахъ Рамозе—визиря Аменофиса IV, Сентъ-Нофера—главнаго смотрителя садовъ Амона, при Аменофисѣ II—краски сохранились очень хорошо,—въ другихъ, наоборотъ, ничего рѣшительно не разберешь. Въ общемъ, живопись этихъ могилъ даетъ хорошее понятіе объ египетской жизни временъ первой имперіи. Но крутые, неудобные спуски, крошечная тѣма и ужасная духота дѣлаютъ осмотръ ихъ утомительнымъ и, побывавъ въ трехъ изъ нихъ—на большее число насъ не хватило—мы сѣли на ословъ, повернули обратно къ Нилу и черезъ полчаса были у Рамессеума (Ремезіонъ)—погребальнаго храма Рамзеса II, знаменитаго Сесостриса Великаго грековъ. Исторія признаетъ его вели-

чайшимъ фараономъ-завоевателемъ и строителемъ древняго Египта. Однако новѣйшія изысканія выяснили, что далеко не все то, что ему приписывается, создано и сдѣлано имъ въ дѣйствительности. О жизни и дѣятельности фараоновъ свидѣлствуютъ, главнымъ образомъ, ихъ картуши. И вотъ, оказывается, что Рамзесъ II съ чужими картушами не церемонился и поступалъ съ ними такъ, какъ Тутмосисъ II и III съ картушами Макере—уничтожалъ ихъ и замѣнялъ своими. Несомнѣнно, однако, что Рамессеумъ—его созданіе. Въ настоящее время храмъ такъ разрушенъ, что трудно ориентироваться въ его частяхъ и можно лишь догадываться, что когда-то онъ былъ и величественъ и красивъ. Планъ—обычный для египетскихъ храмовъ: нѣсколько пилоновъ, два двора, большой гиппостильный залъ, два малыхъ гиппостиля и нѣсколько замыкающихъ комнатъ. На первомъ дворѣ—обломки царскаго колосса, величайшей статуи Египта. Они лежатъ разбросанными среди грудъ другихъ обломковъ. Вотъ голова, вотъ часть плеча, вотъ одна нога, но другой такъ и не нашли. Я смѣрилъ длину уха: почти полтора аршина.

На сохранившихся стѣнахъ—картины царскихъ побѣдъ и разныхъ торжествъ, сопровождавшихъ основаніе храма и восшествіе царя на престолъ.

Уже почти два часа. Давно пора завтракать. Расположились у одной изъ колоннъ большого гиппостиля. Сегодня какъ разъ Крещенье. Тамъ, на далекой родинѣ, стоятъ крещенскіе морозы, въ нынѣшнемъ году, какъ намъ пишутъ, особенно лютые, а здѣсь мы тщательно укрываемся въ тѣни отъ жгучаго солнца и рады освѣжающему вѣтерку, свободно разгуливающему по развалинамъ.

Завтракъ конченъ, ослы поданы. Беру кодакъ, чтобы сдѣлать послѣдній намѣченный снимокъ. Вдругъ передъ аппаратомъ совсѣмъ голый мальчишка, лѣтъ восьми. Лицо робко-просительное. «Хорошо, становись». Просіялъ весь и застылъ въ позѣ. Не успѣлъ я навести аппаратъ, какъ откуда ни возмись—другой, тоже голый. Придвинулся вплотную къ первому и также застылъ. Вдругъ сзади—отчаянный визгъ. Оборачиваюсь, смотрю. Изъ группы проходившихъ по дорогѣ женщинъ вырвалась дѣвчонка лѣтъ четырехъ-пяти и, сбросивъ на бѣгу рубашенку, съ визгомъ, боясь очевидно опоздать, во всю прыть несется къ намъ. Докатилась чернымъ шарикомъ, растолкала мальчишковъ и пухленькая, круглая, съ блестящими глазами, стала среди нихъ, какъ вкопанная. Своего рода промыселъ.

XXIV.

Охота.—Коптское богослуженіе.—Большой Луксорскій храмъ.—Неумѣстная экономія.

7 (20) января.

Сегодня я ходилъ на охоту (2). Вопросительный знакъ поставленъ потому, что предметомъ охоты была не съѣдобная дичь, а красивыя по оперенію птицы, шкурки которыхъ выдѣлываются, очень притомъ грубо, и въ большомъ количествѣ отправляются во Францію, въ Парижъ, гдѣ ими украшаютъ дамскія шляпы. Но поставлять матеріалъ на шляпы парижскихъ модницъ меня не прельщало и я ограничился тѣмъ, что застрѣлил одну «Абульхутутъ»—пеструю птицу съ хохолкомъ, величиною съ нашу горлицу, и одну «Гарзурахда»—маленькую птичку съ воробья, ярко-зеленую и съ длиннымъ, вдвое длиннѣе тѣла, хвостомъ. Дѣйствительно, обѣ эти птицы были очень красивы, въ особенности послѣдняя. На солнцѣ при полетѣ, она вся горѣла золотисто-зелеными искорками. Послѣ этого, и несмотря на увѣщанія юркаго проводника-охотника феллаха Мухамеда-Али, увѣрявшаго, что моя lady будетъ очень довольна, если я поднесу ей еще нѣсколько шкурокъ, я отъ дальнѣйшей стрѣльбы отказался и, передавъ ему ружье, продолжалъ охоту, но уже съ кодакомъ. Сдѣлалъ нѣсколько снимковъ, между прочимъ съ «шадуфа», за которымъ работали двое совсѣмъ голыхъ, съ небольшимъ лишь передникомъ вокругъ бедеръ, феллаха. Шадуфъ—ручная сакіе. Въ послѣдней, колесо, поднимающее воду, приводится въ движеніе животною силой (волъ, корова, верблюдъ), въ первомъ—человѣческими руками. Трудъ тяжелый, утомительный, но видъ напряженныхъ мускуловъ, молодыхъ темно-бронзовыхъ, почти идеально сложенныхъ тѣлъ очень красивъ.

Утро было чудное, солнечное и тихое и, пробродивъ такимъ образомъ часа три по полямъ и пальмовымъ рощамъ окрестностей Карнака, я вернулся домой вполне довольный своей охотой.

Тѣмъ временемъ жена—сегодня воскресенье—побывала въ коптской церкви. Она находится въ части города, населенной исключительно коптами, по наружному виду ничѣмъ не отличается отъ окружающихъ зданій и найти ее оказалось довольно трудно. Внутри—невозможная грязь, обстановка нищенская. Сравнительно съ ней, наша самая бѣдная деревенская церковь—дворецъ. Пять, шесть образовъ, напоминающихъ плохенькія гравюры въ дешевыхъ рамкахъ, развѣшаны кое-гдѣ по иконо-

стасу. Стѣны совсѣмъ голыя. Изъ иконостаса въ алтарь продѣланы два окошечка. Престоль весь чѣмъ-то заваленъ. По срединѣ церкви стоитъ простой деревянный столъ, покрытый скатертью; на немъ большія книги. Присутствующіе сидятъ на скамейкахъ и при нѣкоторыхъ возгласахъ священника встаютъ. Женщины находятся отдѣльно за высокой рѣшеткой, такъ что ихъ не видно. Что-то въ родѣ хора пѣвчихъ—нѣсколько чловѣкъ—поютъ вразбродъ, какъ попало. Налѣвъ—странный, трудно-уловимый. Священникъ—довольно благообразный старичокъ, одѣтъ въ подобіе нашей ризы, но съ большимъ клокомъ сзади, оканчивающимся золотой кистью. Богослуженіе происходитъ на древне-коптскомъ языкѣ, котораго не понимаютъ ни молящіеся, ни священникъ. Алтарь остается все время открытымъ, такъ что священникъ причащается на виду у всѣхъ. Причашавшихся дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ—посили также въ алтарь. Поражало отсутствіе малѣйшей торжественности и благолѣпія. Священникъ, стоя въ царскихъ вратахъ, сморкался въ тутъ же висѣвшее полотенце, харкалъ и плевалъ; благословляя народъ, держался рукою за притолку, со всѣми заговаривалъ. Когда кончилась обѣдня, онъ вышелъ на амвонъ, куда сталъ подходить народъ и каждого изъ подходившихъ бралъ руками за обѣ щеки,—особаго рода благословеніе, надо полагать. Подъ конецъ службы присутствующимъ раздавали вмѣсто просфоръ, круглыя лепешки. Деньги собирались такъ же, какъ и у насъ.

Днемъ осматривали большой Луксорскій храмъ, расположенный въ самомъ городѣ, на берегу Нила. Начатый при Аменофисѣ III, онъ достроенъ и расширенъ при Рамзесѣ II и посвященъ Амону, его супругѣ Мутъ и ихъ сыну Ххонсу. Уступая размѣрами лишь карнакскому храму Амона, онъ является по величинѣ вторымъ храмомъ въ Египтѣ. Къ сожалѣнію, безпощадное время его не пощадило. Теперь, въ сущности, это—груда развалинъ и лишь такъ называемая «колоннада» даетъ понятіе о грандіозности и величественности прежняго храма. Главный входъ въ него былъ со стороны огромнаго пилона, выстроеннаго при Рамзесѣ II и украшеннаго шестью царскими колоссами, изъ которыхъ уцѣлѣло три. Здѣсь же высились два обелиска. Изъ нихъ остался одинъ. Другой, подаренный Магометомъ-Али Людовику-Филиппу, находится въ Парижѣ, на площади Согласія. Рельефы пилона изображаютъ царскія побѣды, съ неизмѣнной битвой при Кадешѣ и прославляющемъ ее текстомъ поэмы «Пентаура». За пилономъ—большой дворъ, также украшенный царскими колоссами. На одной изъ его стѣнъ изобра-

женъ фасадъ храма—пилонъ, колоссы и обелиски, къ которому направляется торжественная процессія. Затѣмъ идетъ «колоннада», состоящая изъ четырнадцати огромныхъ восьмисаженныхъ колоннъ. Соотвѣтственной толщины, онѣ недурно сохранились. Интересны тутъ и рельефы, въ особенности изображающіе празднованіе Новаго года. Въ этотъ день священная барка Амона переносилась изъ карнакскаго святилища въ Луксорскій храмъ, а вечеромъ относилась обратно.

«Колоннада» примыкаетъ ко «Двору Аменофиса III», за которымъ слѣдуютъ «Предверье», съ тридцатью двумя колоннами и небольшой залъ. Послѣдній во времена христіанства служилъ церковью. Тутъ же—«Комната рожденія», рельефы которой изображаютъ сцены рожденія и восшествія на престолъ Аменофиса III. Наконецъ—часовня «Александра Македонскаго», гдѣ великій полководецъ изображенъ въ компаніи боговъ-покровителей храма.

Мы собирались уходить. Вдругъ смотримъ—знакомыя лица—хелуанская эксъ-графиня и ея знакомая—хорошенькая молодая полька, которую, когда она заходила въ «Виллу Ванду», снимали въ двадцать кодаковъ сразу, такъ что подъ конецъ она стала ходить черезъ задній ходъ. «А гдѣ-жъ супругъ и компаньонка?»—удивилась жена.—Куда онѣ ихъ дѣли?» Но и они оказались недалеко. Выйдя на набережную, мы увидѣли ихъ, нетерпѣливо шагающихъ кругомъ храма. «Раздѣленіе труда»,—подумали мы. Пока одни осматриваютъ храмъ внутри, другіе осматриваютъ его снаружи. Во всякомъ случаѣ, довольно странный способъ осмотра... Потомъ, однако, оказалось, что дѣло обстоитъ проще. Для обозрѣнія древностей Верхняго Египта требуются именныя билеты, стоящіе по 10 рублей каждый. Польская компанія запаслась всего двумя билетами на четверыхъ, рассчитывая, вѣроятно, доставать остальные по дешевой цѣнѣ у портѣ гостинницъ. У cadaго портѣ есть нѣсколько билетовъ, которые онъ предлагаетъ экономнымъ туристамъ, извлекая изъ этой операціи порядочный доходъ. Онъ беретъ за билетъ одинъ рубль въ день и такимъ образомъ за десять разъ билетъ покупается. Все это объяснилъ намъ потомъ портѣ нашей гостиницы въ Ассуанѣ, гдѣ остановились, приѣхавъ черезъ три дня послѣ насъ, эксъ-графиня съ супругомъ, которыхъ онъ снабжалъ билетами. Конечно, это—обманъ и обманъ некрасивый, такъ какъ на выручаемыя отъ продажи билетовъ деньги, поддерживаются и реставрируются старые памятники и производятся новыя раскопки. Но, очевидно, обманывать казну и общественныя учрежденія считается допустимымъ и не въ одной Россіи.

XXV.

Вторичный осмотръ Карнака.—Скандалъ въ благородномъ семействѣ.—Компанія большихъ международныхъ гостиницъ.—Отъ Луксора до Ассуана.

8 (21) января.

Весь сегодняшний день ушелъ на вторичный осмотръ Карнака. Думали, что успѣемъ это сдѣлать въ одно утро, но задержали фотографіи и до завтрака обошли лишь половину. Днемъ вернулись опять. Ходили до самого вечера, и я такъ усталъ, что пришлось отказаться отъ проектированной ночной охоты. А послѣдняя должна была состоять въ томъ, чтобы изъ засады около Карнака стрѣлять по выходящимъ изъ развалинъ шкаламъ. Днемъ они спятъ въ развалинахъ, а ночью отправляются на добычу. Впрочемъ, я сомнѣвался, чтобы изъ этой охоты что-нибудь вышло. Было новолуніе и стрѣлять въ темнотѣ, хотя бы на отблескъ зари, какъ увѣрялъ меня Мухамедъ-Али, крайне трудно. Конечно, будь луна, никакая усталость меня не остановила бы, тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ, развалины Карнака при лунномъ свѣтѣ зрѣлище совсѣмъ феерическое.

Вечеромъ—мы уже раздѣвались, чтобы ложиться спать—снизу стали доноситься какіе-то возгласы, перешедшіе скоро въ дикіе крики и самую невозможную ругань. Происходилъ форменный скандалъ, семейная сцена между хозяйкой пансіона—толстой итальянкой и ея зятемъ—тщедушнымъ, плюгавенькимъ, бѣлокурымъ господинчикомъ. Фонтанъ ругани прерывался черезъ два возгласа въ третій визгливымъ: «*e un ladrone!*» Какъ боевой пѣтухъ насакивала разъяренная матрона, потрясая кулаками, на плюгаваго *beau-fils'a*, очевидно виноватаго, такъ какъ онъ упорно молчалъ. Иногда кричала что-то и дочь. Портѣе и слуги-арабы оттаскивали разъяренную *belle-maman*, уводили ее въ другую комнату, но она опять вырывалась и съ удвоенной энергіей накидывалась на свою жертву. Утромъ на станціи пьяненькій портѣе намъ объяснилъ, что дѣло происходило изъ-за денежныхъ расчетовъ. «Хозяйка права: *e un brutto!*»—закончилъ онъ съ убѣжденіемъ. Какъ бы то ни было, *belle-maman* не изъ удобныхъ...

Съ Луксоромъ мы покончили и завтра уѣзжаемъ въ Ассуанъ. Оставаться здѣсь долѣе нѣтъ смысла, такъ какъ этотъ маленькій грязноватый городишка самъ по себѣ не представляетъ никакого интереса. Его посѣщаютъ исключительно изъ-за его

замѣчательныхъ, единственныхъ въ мірѣ древностей и хотя наплывъ туристовъ въ зимніе мѣсяцы и значителенъ, но существующихъ гостиницъ и пансіоновъ вполне достаточно. Тѣмъ болѣе страннымъ являлось открытіе новой огромной гостиницы «Winter Palace Hôtel». Оно состоялось какъ разъ третьяго дня, при торжественной обстановкѣ, съ банкетомъ и фейерверкомъ. Установленныя цѣны, отъ пятнадцати рублей въ сутки, несообразно дороги даже для Египта. На однихъ американскихъ милліонерахъ далеко не уѣдешь, а потому нѣтъ сомнѣнія, что новый Palace долженъ быстро проторѣть. За чѣмъ же его строили? Оказывается, по соображеніямъ совсѣмъ особаго рода. Дѣло въ томъ, что онъ принадлежитъ извѣстной акціонерной компаніи большихъ международныхъ гостиницъ-дворцовъ. Гостиницъ эта компанія понастроила массу, но дохода онѣ приносятъ мало, дѣла кампаніи плохи, акціи стоятъ неважно, и вотъ, чтобы поднять ихъ цѣну, компанія строить и открываетъ все новыя и новыя гостиницы, увѣряя довѣрчивыхъ акціонеровъ, что плохое состояніе дѣлъ—явленіе временное, въ зависимости отъ усиленныхъ строительныхъ расходовъ, но что въ будущемъ ихъ ожидаетъ огромный доходъ. Однако, люди знающіе утверждаютъ, что слѣдуетъ ожидать не дохода, а грандіознаго краха. Кампанія несомнѣнно зарвалась и безъ катастрофы дѣло не обойдется.

9 (22) января.

Поѣздъ въ Ассуанъ отходитъ въ 10¹/₂ часовъ утра.

Не безъ удовольствія распростились съ услужливымъ, но надоедливымъ портѣе,—вообще, съ «Grande pension de famille», столь блистательно оправдавшимъ вчерашней сценой свое названіе «семейнаго» и усѣлись въ отдѣленіе узко-колейной желѣзной дороги. Вагоны перваго класса выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, какъ наши холерные; стекла въ окнахъ двойныя, одни—обыкновенныя, вторыя—дымчатыя, отъ солнца; въ полъ-окна опускается металлическое загражденіе противъ пыли, мало, впрочемъ, дѣйствительное; сверхъ обыкновенныхъ кожаныхъ дивановъ, стоятъ плетенныя передвижныя кресла и стулья и нѣсколько столиковъ. Это удобно и цѣлесообразно. Зато трясетъ ужасно, а пыли, вѣрнѣе, тончайшаго песка столько, что всю дорогу чихаешь и кашляешь. Въ поѣздѣ—вагонъ-ресторанъ, и вотъ тутъ пьяненькій портѣе немного смошенничалъ, увѣривъ насъ, что вагонъ-ресторанъ ходитъ лишь по извѣстнымъ днямъ и навязавъ намъ завтракъ, состоявшій изъ двухъ кусковъ курицы, четырехъ яицъ, куска сыра и четырехъ апельсиновъ, за который содралъ три рубля.

Спутницей нашей по отдѣленію оказалась также одна изъ обитательницъ «Семейнаго пансіона»—барыня среднихъ лѣтъ и довольно странной наружности. Постоянная улыбка, придававшая ей лицу нѣсколько придурковатое выраженіе, круглые на выкатѣ вопросительные глаза, которыми она настойчиво оглядывала сосѣдей, какая-то судорожность нѣкоторыхъ движеній, переходившая въ небрежность простота костюма,—все это придавало ей какой-то шалый видъ, обратившій на себя наше вниманіе еще въ пансіонѣ. Тогда мы даже рѣшили, что она, вѣроятно, не совсѣмъ нормальна. Но... наружность еще разъ обманула. Въ вагонѣ мы быстро разговорились и тогда оказалось, что передъ нами личность во всякомъ случаѣ незаурядная. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ подрядъ, какъ она путешествуетъ, объѣздивъ всѣ страны свѣта. Была въ Китаѣ, Японіи, Сѣверной и Южной Америкѣ, Индіи, Австраліи, побывала и у насъ въ Россіи—въ Крыму, на Кавказѣ, каталась по Волгѣ. И всюду—одна, причемъ не ограничивалась обычными, проторенными туристами мѣстами, но, какъ, напримѣръ, въ Индіи, совершая экскурсіи въ глубь страны. Отъ Индіи, вообще, она была въ восторгѣ и говорила, что, послѣ нея, въ Египтѣ, гдѣ она уже второй разъ, скучно и нечего смотреть. Теперь, весной, она собирается возвратиться, наконецъ, на родину и въ Египтѣ находится, такъ сказать, на перепутьѣ, опасаясь рѣзкаго перехода отъ тропическаго климата Индіи къ холодамъ (?) ея родины—Италіи. Разсказывала она очень много и охотно, видимо, увлекаясь, причемъ выказала массу наблюдательности, и семь часовъ пути до Ассуана прошли совершенно незамѣтно. И вышло это тѣмъ болѣе кстати, что путь этотъ совсѣмъ не интересенъ: зеленая полоса—полоса жизни—сильно суживается, иногда пропадая совсѣмъ даже съ западной стороны; а съ восточной—почти сплошь—безграничная пустыня.

Остановились мы въ «Hôtel St. James». Гостиница—второразрядная, но сортомъ повыше «Grande pension». Передъ нашими окнами тихо плескаются темныя воды Нила, вдали на островѣ Елефантинѣ сверкаютъ тысячами огней большое зданіе и сады «Savoy Hôtel'a», надъ головой—мириады огромныхъ яркихъ звѣздъ... Но на сегодня—довольно. Надо смыть дорожную пыль и на покой.

XXVI.

Ассуанъ. — Островъ Елефантина и Savoy Hôtel. — Островъ Филе.

10 (23) января.

Ассуанъ—сама прелесть. Прекрасная набережная, усаженная пальмами и акаціями, красивыя зданія, весь зеленый островъ Елефантина съ чудными садами «Savoy Hôtel'a», такая же сплошная шапка зелени, только поменьше и пониже—островъ лорда Кичгенера (Сирдаръ), почему то не мутныя и желтыя, а чистыя и синія воды могучей рѣки, причудливо извивающейя между островами и сердито бурлящей на порогахъ, у подножія скалы, на которой высится каменная громада «Cataract Hôtel'a», живописныя возвышенности противоположнаго берега, масса зелени какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ,—все это дѣлаетъ изъ Ассуана единственное, вѣроятно, мѣсто въ Египтѣ, гдѣ можно наслаждаться не только пустыней, какъ въ Хелуанѣ, но и природой, по нашему европейскому понятію вообще.

Утромъ совершили большую прогулку. Шли берегомъ Нила на сѣверъ, между сплошными пальмовыми рощами, мимо двухъ-трехъ деревень, живописно пріютившихся въ зелени. Отдыхали въ маленькомъ ресторанчикѣ у самаго берега. Послѣ завтрака направились въ обратную сторону на югъ, мимо желѣзнодорожной станціи. Осмотрѣли развалины небольшого храма временъ Птолемеевъ. Мало интересныя сами по себѣ, но расположенныя на высокой прибрежной скалѣ, онѣ очень живописно выдѣляются на голубомъ фонѣ неба. Затѣмъ прошли дальше, по дорогѣ въ Шелаль—конечной станціи желѣзнодорожной вѣтки, ведущей къ Ассуанской плотинѣ и острову Филе. На обратномъ пути захватили арабскую часть города. Какъ и вездѣ, улицы узкія, грязноватыя, но и тутъ выручаетъ обиліе зелени. Въ довольно большомъ и, кажется, интересномъ базарѣ не задерживались, отложивъ его осмотръ до другого раза.

Когда вышли утромъ, было свѣжо, вслѣдствіе сильнаго сѣвернаго вѣтра; но очень скоро потеплѣло и солнце стало грѣть такъ, какъ въ Хелуанѣ въ ноябрѣ.

11 (24) января.

Паровой катеръ гостиницы «Savoy» перевезъ насъ въ нѣсколько минутъ на островъ Елефантину. Въ древности вся мѣстность, занимаемая какъ островомъ, такъ и Ассуаномъ (греческая Сіена) и его окрестностями, называлась Іебу, что значитъ страна сло-

новъ,—потому, вѣроятно, что здѣсь египтяне первый разъ увидѣли этихъ животныхъ. Впослѣдствіи это имя осталось за однимъ лишь островомъ и находившемся тамъ городомъ. Теперь сѣверную часть острова занимаетъ «Savoy Hôtel». Громадное зданіе утопаетъ въ зелени обширнаго парка. Масса олеандръ. Онѣ такъ густо усыяны цвѣтами, что производятъ впечатлѣніе красныхъ и бѣлыхъ шапокъ. Все цвѣтетъ и благоухаетъ. Чудный видъ на Ниль и ассуанскую набережную. По живописности мѣстоположенія это—лучшая гостиница во всемъ Египтѣ, по благоустройству, говорятъ, одна изъ лучшихъ, и я смѣло рекомендую лицамъ не стѣсняющимся въ средствахъ—гостиница дорогая: пансіонъ отъ двѣнадцати рублей въ сутки—и желающимъ провести зиму въ теплѣ и съ комфортомъ, приѣхать на январь и февраль въ Ассуанъ и поселиться въ «Savoy Hôtel'ѣ».

Осмотрѣвъ гостиницу, вернулись къ пристани и направились къ южной части острова, гдѣ находится древній нилометръ, описанный еще Страбономъ. Разрушенный, онъ бездѣйствовалъ болѣе тысячи лѣтъ и лишь при Хедивѣ Измаилѣ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, его исправили и онъ сталъ функционировать.

За нилометромъ начинается обширная площадь развалинъ древняго города Елефантины. Жалкія развалины! Вотъ уцѣлѣвшая нижняя часть колонны съ надписью, гласящей что святилище это выстроено Трояномъ, далѣе—обломки чего-то въ родѣ престола и надпись: «Великому богу Амону», еще дальше—какая-то арка. А кругомъ—мусоръ и обломки... Трудно себѣ и представить, что тутъ когда-то находился цѣлый городъ.

По живописно-проложеннымъ среди зелени береговымъ тропинкамъ, обошли островъ съ запада и вышли опять къ «Savoy Hôtel'ю». У его задняго, такъ сказать, чернаго входа—нубійская деревушка. Когда мы ее проходили, изъ дверей одного домика выскочила совсѣмъ черная туземка, по случаю большого Байрама вся разодѣтая, покрытая бусами и разными металлическими побрякушками. Энергичными жестами она приглашала насъ войти. Не безъ опаски подошли мы къ двери, но заглянувъ во внутрь—успокоились. Довольно большая комната тускло освѣщалась черезъ маленькое окно сверху, стѣны покрыты соломенными кружками, съ потолка также спускались разныя соломенные украшенія, по стѣнамъ—низкіе диваны, покрытые вышитымъ холстомъ. Въ общемъ, чисто, даже уютно. А такъ какъ обыкновенно туземныя жилища грязны до невѣроятія и, входи въ нихъ, рискуешь выдти покрытымъ извѣстными насѣкомыми, надо думать, что эта комната была показная, специально устроен-

ная для туристов вообще и для постояльцев «Savoü Hôtel'a» въ частности.

Послѣ завтрака, съ двухчасовымъ поѣздомъ отправились въ Шелаль, съ намѣреніемъ посѣтить «жемчужину Египта»—островъ Филе. Но,—увы!—насъ ожидало большое разочарованіе. Въмѣсто живописнаго острова, съ его великолѣпнымъ храмомъ и многочисленными памятниками, мы увидѣли передъ собою огромное водное пространство, на которомъ кое-гдѣ виднѣлись причудливыя верхнія части зданій и верхушки пальмъ. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе плотины, открытой въ 1902 году, островъ ежегодно затопляется съ декабря по мартъ; а такъ какъ до декабря и послѣ марта въ Ассуанѣ нестерпимая жара, гостиницы закрыты и городъ вымираетъ совсѣмъ,—жемчужина Египта для большинства туристовъ является недоступной. Надо полагать, впрочемъ, что четыре мѣсяца ежегоднаго купанья и для самихъ зданій не пройдутъ безслѣдно и черезъ нѣсколько лѣтъ отъ храма и памятниковъ Филе останется одно воспоминаніе.

Сохранившіяся въ настоящее время на островѣ древности принадлежать къ послѣднимъ двумъ столѣтіямъ до Р. Х. и къ тремъ послѣдующимъ. Главная его достопримѣчательность—большой храмъ Изиды, покровительницы острова, супруги Озириса, богини всего добраго и хорошаго. Ея культъ сохранился на островѣ долго послѣ водворенія въ Египтѣ христіанства. Только при императорѣ Юстиніанѣ удалось закрыть храмы и превратить ихъ въ церкви. Нѣкоторое время спустя, въ тотъ періодъ, когда христіанство не было еще вытѣснено магометанствомъ, на Филе былъ основанъ коптскій монастырь. Развалины двухъ коптскихъ церквей сохранились и по сіе время.

Главная часть храма Изиды, расположенная на самомъ высокомъ мѣстѣ острова, затоплена только снизу. Къ ней мы и направились въ большой лодкѣ съ двумя дюжими гребцами. Странное впечатлѣніе производило это плаванье, среди выступавшихъ изъ воды вершинъ затопленныхъ зданій. Вотъ—огромная зубчатая корона. Это—портикъ Нектонебоса. Около него долженъ быть обелискъ, но его не видно, онъ подъ водой. Въѣзжаемъ въ обширное пространство, ограниченное съ двухъ сторонъ множествомъ толстыхъ каменныхъ свай, со странно разукрашенными скульптурными концами. Это колоннада передъ входомъ въ храмъ, а верхушки свай—капители колоннъ. На первомъ пилонѣ—прекрасные рельефы. Яркое освѣщеніе солнцемъ, бросается въ глаза огромная фигура Птолемея XIII. Онъ держитъ за волосы цѣлую кучу враговъ, потрясая надъ ними палицей. Рядомъ—кампанія боговъ: Изида съ сыномъ Гарусомъ и богиня Гаторъ.

Повыше тотъ же фараонъ подноситъ Горусу короны Верхняго и Нижняго Египта, лѣвѣе—онъ же приносить жертву Изидѣ.

Вѣхали въ дверь пилона и стали кататься по всему храму. Оригинально, но мало интересно. Представленіе получается сбивчивое, даже съ планомъ трудно ориентироваться и рѣшительно не понимаешь, гдѣ находишься. Вернувшись къ первому пилону, вышли изъ лодки и по деревяннымъ доскамъ, а кое-гдѣ и прямо по водѣ добрались до лѣстницы, ведущей на вершину пилона. Когда островъ не затопленъ, видъ отсюда долженъ быть очень хорошъ; но и теперь оригинально своеобразна эта водная котловина, окруженная возвышенностями, съ торщачими по ней верхушками зданій и деревьями. Вотъ—портикъ Нектонебоса, построенный этимъ фараономъ въ честь «его матери Изиды», вотъ узорчатые сваи колоннады, далѣе—ворота Адриана,—точь въ точь воротца для игры въ крокетъ,—храмъ богини Гаторъ, посвященный египетской Венерѣ Эвергетомъ II, наконецъ—такъ называемый «Кіоскъ»—изящнѣйшая постройка всего острова.

— Взгляни,—сказала жена, указывая на большую лодку, появившуюся у колоннады.

Я взялъ бинокль. Паровой катеръ съ восьмью пассажирами; на кормѣ флагъ, съ надписью: «Savoy Hôtel». Приблизившись къ пилону, катеръ будто въ нерѣшительности остановился, по потомъ медленно продвинулся въ дверь. Прогулка по храму на паровомъ катерѣ—это уже совсѣмъ оригинально! Но, что-бы сказали древніе почитатели богини, при видѣ такого зрѣлища.

Когда мы вернулись на станцію, до отхода поѣзда оставалось болѣе часа. Сильный вѣтеръ поднималъ облако пыли. Мы пріютились въ маленькой грязноватой кофейнѣ и потребовали чаю и молока. И то и другое оказалось, къ удивленію, доброкачественнымъ. Два невзрачные араба играли за сосѣднимъ столикомъ въ кости. Судя по гнѣвнымъ возгласамъ и сердитымъ взглядамъ, которыми они обмѣнивались, то сидѣли два врага, готовые ежеминутно другъ на друга ринуться. Какой-то толстый, упитанный полицейскій чинъ, глоталъ одну чашку кофе за другой, перевязывая въ промежуткахъ съ мѣста на мѣсто безпокойно ревущаго осла. Оселъ зареветь, чинъ проглотитъ чашку кофе, пойдетъ и перевяжетъ осла; снова оселъ зареветь—опять чашка кофе и опять перевязка... Сколоченные изъ тонкихъ ящичныхъ досокъ стѣны кофейной ходуномъ ходили отъ вѣтра. Казалось—вотъ-вотъ, порывъ посильнѣе—и ящикъ-кофейню сорветъ и она, перекатываясь съ бока на бокъ, понесется по гладкой песчаной равнинѣ. Внутри эти стѣны были оклеены раскрашенными рисунками изъ разныхъ каррикатурныхъ журналовъ, преимуще-

ственно итальянскихъ, очевидно облюбовавшихъ Россію. Въ особенности старался журналъ «Le pettoquet». Такъ и пестрѣли злыя, но далеко не умныя каррикатуры на современное «освободительное» движеніе.

За чай съ насъ взяли четыре піастра, т.-е. сорокъ копѣекъ. Это былъ, кажется, первый и послѣдній разъ въ Египтѣ, когда я имѣлъ возможность замѣтить: «а вѣдь это не дорого».

XXVII.

Куббетъ-ель-Хава. — Базаръ. — Монастырь св. Симеона. —
Desert camp. — Бишарійцы.

12 (25) января.

Сильнѣйшій холодный вѣтеръ—настоящая буря. Провожающій насъ къ пристани портъе—молодой, франтоватый парижанинъ, тоскующій по своей «capitale du monde», и ругающій на чемъ свѣтъ «ce sal de paus», гдѣ ему приходится проживать по пяти мѣсяцевъ въ году,—смотря на разбушевавшуюся рѣку, съ сомнѣніемъ покачиваетъ головой; но, переговоривъ съ двумя гребцами полу-мальчиками, не вселяющими въ насъ особеннаго довѣрія, авторитетно заявляетъ, что ѣхать можно, но не на парусахъ. «Съ парусомъ—перевернетесь, а такъ проѣдете дольше, зато безопаснѣе». Безопасно ли, вотъ вопросъ. Выкупаться хоть и въ «священной рѣкѣ» и при такомъ еще холодѣ не особенно пріятно. Однако, садимся. Покачиваетъ здорово. Но такъ какъ пересѣкаемъ рѣку наискось, направляясь къ подножію горы, называемой по имени похороненнаго на ея вершинѣ шейха—Куббетъ-ель-Хава, все время на перерѣзъ волнамъ, переправа оканчивается благополучно. Только отъ постоянныхъ водяныхъ брызгъ порядочно намокло верхнее платье.

По довольно крутому и неудобному подъему начинаемъ карабкаться вверхъ. Хотя утомительно, но мы не протестуемъ. Мы порядкомъ-таки продрогли и теперь рады согрѣться.

Цѣлью поѣздки являются расположенныя на срединѣ горы могилы елѣфантинской знати, конца Древней Имперіи и Средней. Типъ—общій съ прежде осмотрѣнными и послѣ «царскихъ могилъ» онѣ особаго интереса не представляютъ. Въ могилѣ Мекху, отпа Сабни, время VI династіи—недурно изображены полевые работы, въ сосѣдней, принадлежащей самому Сабни, довольно живо представлены охотничьи сцены. Всего лучше сохранилась живопись въ могилѣ принца Сиренпуета, совре-

менника Аменемгета II, въ одной изъ пищъ которой рельефы прекрасной работы изображаютъ покойнаго, сидящаго за обѣденнымъ столомъ, съ женой и сыномъ.

Говорять, съ вершины Куббетъ-ель-Хава чудный видъ на окрестности. Но и со середины горы, гдѣ мы находились, открывалось громадное пространство, а затѣмъ—у насъ прямо не хватило духа лѣзть на вершину, какъ изъ-за очень крутого подъема, такъ и вълѣдствіе сильнаго вѣтра, подымавшаго такіа тучи песка и пыли, что мы переставали другъ друга видѣть.

На обратномъ пути объѣхали кругомъ островъ Елефантину, а послѣ завтрака отправились на базаръ. Онъ невеликъ, но побродить по немъ можно съ удовольствіемъ. Много страусовыхъ перьевъ и вѣровъ, но они хуже и дороже, чѣмъ въ Каирѣ; разное оружіе—копья, стрѣлы, бумеранги; прелестныя издѣлія изъ глины—вазочки, чашки, кувшины; масса бусъ—стеклянныхъ, изъ раковинъ и каменныхъ, причемъ сдѣланныя изъ «*piette de Mesque*» и красивы и дороги; великолѣпныхъ рисунковъ золототканныя скатерти, но уже совсѣмъ неприступной цѣны; издѣлія изъ бегемотовой кожи—хлысты и палки, очень красивыя, по виду совсѣмъ янтарныя, но... приобрѣтать которыхъ не слѣдуетъ, такъ какъ они сохраняютъ форму и твердость лишь въ сухомъ климатѣ Египта, превращаясь въ Европѣ въ ни на что негодные куски кожи. Я узналъ это по горькому опыту. Мнѣ такъ понравились эти палки, что я купилъ ихъ нѣсколько и для себя и для подарковъ. И вообразите мое удивленіе, когда лѣтомъ въ деревнѣ я замѣтилъ, что онѣ становятся все мягче и мягче, теряютъ форму, а черезъ два мѣсяца ихъ можно было завязывать въ узелъ.

Почти въ каждой лавкѣ висятъ нѣсколько «поясовъ стыдливости»—единственный туалетъ нубійскихъ и суданскихъ женщинъ дальнихъ окраинъ. Это неширокій кусокъ кожи, спереди котораго висятъ тоненькіе кожаные ремешки, съ нанизанными на нихъ раковинами. Торговцы называютъ эти пояса оригинально-сокращенно: «*madame Nubia*».

Покупать на здѣшнемъ базарѣ еще скучнѣе, чѣмъ въ каирскомъ Кханѣ.Кхалилѣ. Здѣсь вы чувствуете себя еще глупѣе, еще безпомощнѣе. Вы только-что вчера прицѣнялись къ какой-нибудь вещи, за которую спрашивали, положимъ, пять рублей, а сегодня вамъ говорятъ, что она стоитъ пятнадцать. «Да что же это такое? Вчера вы отдавали за пять, а сегодня требуете пятнадцать?» Тогда васъ самымъ наглýmъ образомъ начинаютъ увѣрять съ божбой и клятвами, что вы ошибаетесь, что, вѣроятно, вы прицѣнялись въ другомъ мѣстѣ, что: «за такую

вещь да пять рублей, помилуйте, да развѣ это возможно, когда она стоитъ и всѣ двадцать, а пятнадцать это только для васъ, такъ какъ сейчасъ видно, что вы не ограничитесь одной этой вещью, а купите и еще что-нибудь». Вы, конечно, уходите, думая, что попали въ какой-нибудь особенно мошенническій магазинъ. Отнюдь нѣтъ, вездѣ то же самое. А дѣло очень просто: сегодня утромъ пришелъ пароходъ съ туристами, и цѣны поднялись вдвое, а приди не одинъ, а два, надо полагать, что онѣ поднялись бы вшестеро и т. д., прогрессивно. Уйдутъ пароходы и опять, вмѣсто пятнадцати съ васъ спросятъ пять. Конечно и пять рублей—цѣна не настоящая, и въ концѣ концовъ вамъ отдадутъ эту вещь за три, за два, иногда за одинъ рубль, въ зависимости... вотъ въ этомъ и вопросъ: въ зависимости отъ чего? Отъ расположенія духа продавца, вѣроятно.

13 (26) января.

Утро еще свѣжѣе вчерашняго. Ежась отъ холода въ своемъ легонькомъ лѣтнемъ пальтишкѣ, портъ съ какимъ-то озлобленіемъ увѣряетъ, что передъ разсвѣтомъ было два градуса мороза. «Я провожу здѣсь восьмую зиму, а такой температуры не запомню. *Est-ce la peine de venir de si loin pour avoir deux au dessous de zéro? Et cela s'appelle un climat chaud! Sal de pays, va!*» Вѣтеръ потише вчерашняго, но все-таки порядочный. «Можно и съ парусомъ»,—рѣшаетъ портъ. И напрасно! Переправа оказалась не изъ пріятныхъ. Нѣсколько разъ мы черпали бортомъ, а когда противъ вѣтра пришлось лавировать и перескакивать съ одного бока лодки на другой, рискуя каждый разъ перевернуться,—жена объявила, что если Богъ поможетъ намъ добраться благополучно до берега, она даетъ зарокъ никогда больше не кататься на парусахъ. Уже приближаясь къ тому берегу, наши мальчики позамѣшкались на лавировкѣ, и мы со всего размаха налетѣли на скалу. Здорово затрещала лодка, но выдержала-таки. «Ну, нѣтъ, довольно!—заявилъ я.—Не умѣете управлять парусомъ, садитесь за весла».

Коптскій монастырь св. Симеона, куда мы направлялись, расположенъ недалеко отъ берега. Дорога къ нему—некрутой подъемъ, покрыта глубокимъ пескомъ, изъ котораго съ трудомъ вытаскиваешь ноги. Судя по развалинамъ, онъ занималъ обширную площадь и былъ окруженъ высокой стѣной. Онъ необитаемъ съ XIII вѣка и то, что отъ него сохранилось, не даетъ никакого понятія о томъ, что онъ представлялъ въ тѣ времена, когда считался самымъ большимъ и благоустроеннымъ коптскимъ монастыремъ во всемъ Египтѣ. Насилу нашли мы главную

часть прежняго зданія—широкій сводчатый корридоръ съ кельями по бокамъ и съ полустертыми изображеніями Спасителя, архангела Михаила и шести апостоловъ. Потомъ разыскали и мѣсто, гдѣ находилась церковь. Двѣ, три картинки сохранились и тутъ: Спаситель съ ангелами, крестъ, еще ангелы.

Хорошенькаго по немножку. Намъ вовсе не улыбалось испытать еще разъ всѣ прелести переѣзда на парусахъ. Добравшись на веслахъ до Елефантины, мы вернулись въ Ассуанъ на катеръ гостинницы «Savou».

Днемъ поѣхали на верблюдахъ въ «Desert Camp». Ызды всего часъ. Дорога—плоской песчаной равниной идетъ на востокъ, къ горамъ. Начинается подъемъ и вскорѣ передъ нами—порядочной величины площадка, съ двумя, тремя небольшими зданіями и раскинутыми кругомъ палатками. Это—гостинница. Она всего на четырнадцать кроватей, считая въ томъ числѣ и находящіяся въ палаткахъ. Съ трехъ сторонъ—горы. Кругомъ—скалы, обрывы, пропасти, словомъ—настоящая пустыня. Живописно, но холодно и мертво. Нѣсколько лѣтъ назадъ это мѣсто принадлежало одному изъ Ротшильдовъ. Прислуживавшій намъ waiter—единственное, кстати, видѣнное нами здѣсь живое существо, не считая веселенькой собачки-щенка,—съ гордостью объяснилъ, что болѣвшій почками баронъ прожилъ здѣсь двѣ зимы подрядъ и чувствовалъ себя прекрасно, а на третью—полѣнился, не пріѣхалъ и... умеръ. Въ настоящее время у нихъ четверо постояльцевъ—двѣ леди и два джентльмена, но теперь они гуляютъ и вернутся, когда стемнѣетъ. Всѣ они спятъ въ палаткахъ и очень довольны. Вотъ только сегодня утромъ жаловались, что было свѣжо и намѣревались, если не потеплѣетъ, перейти въ домъ. Что-жь? Человѣку съ большими нервами, мизантропу, людямъ уставшимъ отъ жизни вообще—здѣсь должно быть недурно.

Выпивъ чаю, осмотрѣвъ небольшое помѣщеніе гостинницы и заглянувъ въ палатки, тронулись въ обратный путь. Здѣсь приспособленіе для ѣзды на верблюдахъ иное, чѣмъ въ Каирѣ. Въмѣсто обыкновеннаго широкаго сѣдла, нѣчто въ родѣ деревяннаго кресла, покрытаго бѣлой козьею шкурой. Ноги не висятъ по бокамъ, а протягиваются вдоль шеи животнаго, сзади поддерживается спинка. Спокойно, удобно, качаешься какъ въ люлькѣ. Вѣтеръ стихъ, лучи заходящаго солнца потеряли свою жгучесть; кстати: за шестидневное пребываніе въ Луксорѣ мы оба загорѣли, какъ негры—и чаровали взглядъ обычными свѣтовыми эффектами. Было совсѣмъ хорошо. А когда мы подъѣзжали къ Ассуану, на небѣ стали загораться звѣзды. Переходъ отъ свѣта къ тмѣ здѣсь еще рѣзче, чѣмъ въ Нижнемъ Египтѣ.

14 (27) января.

Съ утра я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо; предпринимать какую-нибудь дальнюю экскурсію было рискованно, и мы рѣшили ограничиться посѣщеніемъ лагеря бишарійцевъ, расположеннаго сейчасъ же за городомъ, въ полчасѣ ходьбы отъ нашей гостиницы.

Бишарійцы — кочевой народецъ, занимающійся скотоводствомъ и продажою по высокой цѣнѣ листьевъ «сене» (кассій, александрійскій листь), добываемыхъ въ пустынь, куда они перекочевываютъ на лѣто. При нашемъ приближеніи, изъ палатокъ, какъ муравьи, высыпала куча дѣтишекъ — мальчиковъ и дѣвочекъ. Они прелестны эти дѣти бишарійцевъ. Голые по поясъ, они напоминаютъ вылитыя изъ темной бронзы статуетки, но статуетки живыя, веселыя, ласковыя, съ огромными черными, блестящими глазенками и заплетенными въ мельчайшія косички вьющимися волосами. Особенно милы были двѣ дѣвочки — Медина и сестра ея Фатъма, которыя тотчасъ же завладѣли женой. Конечно и тутъ, какъ вездѣ, вся суть была въ ожидаемомъ бакшишѣ; но онъ лишь подразумѣвался. Само надобдливое слово не было произнесено ни разу, а было видно одно стараніе какъ бы позабавить случайныхъ посѣтителей, чѣмъ-нибудь ихъ повеселить. И при самой беззаботной дѣтской веселости какое-то, очевидно врожденное, чувство порядочности и приличія, ставящее извѣстныя границы, недопускающее грубой навязчивой фамиллярности.

Взрослые гораздо менѣ интересны. Еще изъ мужчинъ встрѣчаются довольно красивые, женщины же всѣ — какія-то изможденные и старообразныя, какъ будто для нихъ не существуетъ періода молодости — или дѣтство, или старость. Живутъ они бѣдно, въ жалкихъ грязныхъ палаткахъ. По обычаю, заставили ихъ протанцовать военную пляску. Танцевали неохотно, вяло. На лицахъ выраженіе насмѣшливо-презрительной снисходительности. Очевидно имъ самимъ уже давно надобло это кривлянье и имъ смѣшны глупые туристы, находящіе удовольствіе въ этомъ зрѣлищѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько снимковъ, къ сожалѣнію не совсѣмъ удачныхъ, такъ какъ солнце начинало уже заходить, мы пошли домой. Медина и Фатъма проводили насъ до города, а два мальчика — до самой гостиницы. На прощанье, мальчикъ постарше произнесъ на своеобразномъ англійскомъ языкѣ цѣлую рѣчь, въ которой выражалъ надежду, что мы еще разъ посѣтимъ ихъ лагерь, чѣмъ доставимъ всѣмъ имъ — дѣтямъ, большое удовольствіе. И это — маленькіе дикари!..

XXVIII.

Ассуанская плотина.—Возвращеніе въ Хелуанъ.—Дождь.—
Балъ. Folle journée.

15 (28) января.

Утромъ гуляли по набережной, завернули на базаръ, гдѣ опять накупили разныхъ мелочей, а днемъ поѣхали на ослахъ на ту плотину, благодаря которой затопляется жемчужина Египта—островъ Филе.

Дорога идетъ частью берегомъ Нила, частью стороной по холмистой песчаной равнинѣ. Проѣзжаемъ большое кладбище. Направо, на горѣ—англійское укрѣпленіе; затѣмъ—нубійская деревня Махатта, живописно раскинувшаяся по берегу Нила. Очень красивъ видъ на рѣку, на ея скалистые пороги. Дорога отходитъ отъ берега, пересѣкаетъ другую большую деревню Кораръ и снова поворачиваетъ къ Нилу, Еще четверть часа—и мы у цѣли поѣздки.

Ассуанская плотина—величайшее гидравлическое сооруженіе во всемъ мірѣ. Она поднимаетъ уровень рѣки болѣе чѣмъ на девять саженъ, вслѣдствіе чего образуется запасъ воды, равный одной тысячи милліоновъ кубическихъ метровъ. Получаемый отъ правильнаго орошенія доходъ исчисляется въ двадцать шесть милліоновъ рублей. Плотина сложена изъ гранита. Ея длина—около двухъ верстъ, ширина—около тринадцати, высота—около пятнадцати саженъ. Вода распредѣляется при посредствѣ ста восьмидесяти шлюзовъ, дѣйствующихъ электричествомъ. Для прохода судовъ, представлявшаго прежде, изъ-за пороговъ, большія трудности, устроенъ особый каналъ. Плотина строилась сравнительно недолго, всего три года и стоила тридцать три съ половиной милліона рублей.

Во всю ея длину проложены рельсы, по которымъ жалѣющие свои ноги туристы могутъ кататься на дрезинахъ. Нѣкоторые изъ шлюзовъ открыты. Огромная масса воды, низвергаясь въ пучину, образуетъ грандіозный водопадъ. Кипитъ, бурлитъ и сверкаетъ водяная бездна. Во всѣ стороны летятъ брызги, превращаясь въ водяную пыль. Тысячами огней играетъ въ нихъ солнце, переливается всѣми цвѣтами радуги. Трудно оторваться отъ этого красиваго зрѣлища, водяная бездна притягиваетъ.

На обратномъ пути, недалеко отъ города, мы были остановлены полицейскимъ кордономъ. Въ сосѣдней каменоломнѣ взрывали камень. Грохотъ, какъ отъ пушечнаго выстрѣла, клубы

дыма—и во всё стороны, как ракеты или пучки римских свѣчей, летятъ крупныя и мелкія камни. Настоящій каменный фейерверкъ.

Завтра, не безъ сожалѣнія, покидаемъ этотъ чудный уголокъ Египта.

Въ настоящую минуту, пока мы пишемъ—жена письма, я—эти замѣтки, нильскія лягушки задаютъ цѣлый концертъ. Удивительно низкіе, грубые, сильные голоса у здѣшнихъ лягушекъ. Передъ ними наши европейскія—чахоточно-больныя.

Я вышелъ на балконъ. Въ воздухѣ не шелохнетъ. Совсѣмъ тепло. Тонкая серпообразная луна блѣднымъ лучемъ скользитъ по зеркальной поверхности рѣки. Огромныя звѣзды ярко трепещутъ на темномъ небѣ. На Елефантинѣ сады «Savoy Hôtel'a» горятъ электрическими лампочками. Лѣвѣе, у пристани, освѣщенный а *giorno*, выступаетъ изъ воды, какъ какое-то огненное чудовище, туристскій пароходъ гамбургско-американской кампаніи, съ его стеклянной палубой.

Да, жаль уѣзжать.

18 (31) января.

Обратное путешествіе прошло гладко, безъ всякихъ приключеній. Отъ Луксора до Каира пришлось ѣхать ночью. Добыли отдѣльное купѣ, со всѣхъ сторонъ затворились и спали прекрасно, несмотря на довольно жесткіе диваны. Хелуанъ насъ встрѣтилъ непривѣтливо. Хмурый, пасмурный, хотя и теплый день. Но безъ насъ, говорятъ, здѣсь было холодно.

Къ вечеру собрался дождь и шель цѣлую ночь, такъ что сегодня на улицахъ препорядочная грязь. Въ нашемъ пансіонѣ протекаетъ крыша и во многихъ комнатахъ произошло нѣчто въ родѣ наводненія. Петербургскому чиновнику пришлось среди ночи перебираться въ гостиную: его комнату совсѣмъ затопило. У насъ на потолокъ также появились два большихъ темныхъ пятна, но до наводненія, къ счастью, не дошло. А могло быть очень плохо, такъ какъ одно изъ пятенъ выступило какъ разъ надъ моей кроватью. Вотъ какъ здѣсь строить дома. Очевидно, что и электрическая станція пострадала, такъ какъ вечеромъ мы очутились въ темнотѣ. Сегодня Хелуанъ представляетъ обычную послѣ дождевую картину. Вездѣ раскинуты и сушатся ковры, драпировки, матрацы. Уличные переходы посыпаны густымъ слоемъ песка.

10 (23) февраля.

Сегодня у насъ весь день—хаосъ и сумбуръ. Милѣйшая хозяйка устраиваетъ вечеръ. Обѣдали по комнатамъ, *five o'clock tea*

не дали совсѣмъ, вмѣсто полнаго ужина получили по бифштексу. Въ общихъ комнатахъ—разгромъ. Въ гостиной художникъ Н. пишетъ декорациі, въ столовой устриваютъ сцену.

Вечеръ начался танцами приглашенныхъ изъ Казино дѣвочки и мальчика—брата и сестры—извѣстныхъ подъ именемъ «миньоновъ». Дѣвочка лѣтъ девяти, мальчикъ—тринадцати. Оба они прехорошенькіе, танцуютъ мило и изящно. Затѣмъ слѣдовало пѣніе нашей примадонны, еще другой барыни и недурнаго тенора К изъ сосѣдняго пансіона. Наконецъ—живыя картины. Въ первой участвовали одни дѣти. Изображала она игру въ снѣжки. На мѣстныхъ обывателей, не имѣющихъ понятія о снѣгѣ, картина эта произвела большое впечатлѣніе. Вторая—гаремъ—имѣла также успѣхъ. Надо отдать справедливость художнику Н., у него есть и вкусъ и талантъ.

Послѣ картинъ начались танцы, но на нихъ мы не присутствовали. Было уже поздно, тѣснота и духота—ужасныя, и мы пошли спать. Приглашенныхъ со стороны было человѣкъ тридцать. Изъ нихъ—пять-шесть порядочныхъ, остальные—ну, и публика!

Но *publicité* въ Египтѣ оказалась такого же свойства, что и вездѣ въ западной Европѣ. Черезъ день мы имѣли удовольствіе читать въ мѣстной газетѣ о «блестящемъ» вечерѣ въ виллѣ «Вандѣ» собравшемъ «une société tout ce qu'il y a de plus d'élite».

25 февраля (10) марта.

Этотъ первый день нашей масленицы мы провели, какъ и подобаетъ, совсѣмъ по масленичному. Вышла настоящая *folle journée*. Отъ живущихъ въ нашемъ пансіонѣ симпатичныхъ супруговъ Т—ихъ, мы получили приглашеніе на блины. Изъ Каира пріѣхалъ нашъ дипломатическій агентъ С—ъ, а изъ Александріи мой старый знакомый—землякъ А. Г. С—ъ. Первый не чуждъ литературѣ. Его историческая повѣсть «Склирена»—изящный поэтический очеркъ восточныхъ нравовъ—въ свое время былъ замѣченъ и публикой и критикой. Второй—занимаетъ много лѣтъ должность члена международного суда въ Александріи. Мы завтракали отдѣльно, въ маленькой гостиной. Выписанные изъ Одессы икра, семга, балыкъ, русскія водки и отлично приготовленные нашимъ поваромъ Сергѣемъ блины превратили импровизированную столовую въ уголокъ Россіи, живо напомнили о далекой родинѣ.

Послѣ завтрака нашъ агентъ уѣхалъ, а мы, остальные, отправились пить чай въ санаторію Аль-Хайать. Это огромное зданіе, съ чудными садами и террасами, гдѣ во время чая играетъ му-

зыка. Съ открытыхъ террасъ — огромный кругозоръ. Сюда приѣзжаютъ, чтобы послушать хорошій оркестръ, полюбоваться на закатъ солнца, и во время five o'clock tea публики всегда масса.

Проводивъ на поѣздъ А. Г. С—а, мы вернулись въ пансіонъ, а вечеромъ отправились въ Казино на благотворительный концертъ, ежегодно устраиваемый, подъ патронатствомъ австрійскаго консульства, въ пользу хелуанскихъ сиротъ. На концертѣ—все, что угодно: музыка инструментальная, вокальная даже дѣтская оперетка, но все—форменная гадость. Противъ ожиданія, и публика оказалась далеко неважная. Послѣ перваго отдѣленія мы ушли.

XXIX.

Смерть доктора К.—Паломники.—Пора уѣзжать.

28 февраля (13 марта).

Вчера умеръ хозяинъ сосѣдняго пансіона санаторіи, еврей К—ъ. Онъ былъ врачъ, практиковалъ гдѣ-то въ Россіи, заболѣлъ почками, приѣхалъ въ Хелуанъ, гдѣ и поправился. Возомнивъ себя послѣ этого специалистомъ по почечнымъ болѣзнямъ, открылъ санаторію, сталъ лечить другихъ, но заболѣлъ опять почками и... умеръ. Одна изъ нашихъ пансіонскихъ дамъ, дружившая съ обитателями санаторіи, по возвращеніи съ похоронъ, возмущалась еврейскими обычаями.

— Нѣтъ, *ma chère*, представьте себѣ, *quelle horreur*! Передъ тѣмъ, какъ несчастному испустить послѣднее дыханіе, на него набросился съ подушкой отецъ и задушилъ его, такъ-таки буквально и задушилъ... *Grand Dieu! Qui aurait pu penser? Un si vénérable vieillard à barbe blanche.* Потомъ его положили на полъ, выпустили кровь изъ жилъ и стали ломать всѣ кости... *Une vraie salletée, n'est-ce pas? Et puis c'était fini*, его чѣмъ-то покрыли и смотрѣть на него уже нельзя. На кладбище, какъ и у насъ везли въ гробу, но въ землю опустили безъ ничего, въ одномъ саванѣ... *Comme un chien, quoi?* Умеръ онъ въ восемь часовъ утра, а теперь еще только шесть, и я уже вернулась съ похоронъ... какая-то совсѣмъ автомобильная быстрота... Вдова обязана выражать свою скорбь самымъ громкимъ образомъ, и несчастная Александра Георгіевна—она-то мнѣ все это и рассказывала—говорить, что она чуть съ ума не сошла отъ всѣхъ этихъ визговъ, криковъ... *des cris, des pleurs, des hurlements—que sais je encore!* И, представьте, эта несчастная... *non, non, pas*

Александра Георгиевна, mais la pauvre veuve—должна десять дней находиться безотлучно въ той комнатѣ, гдѣ умеръ ея seigneur et maître... En voilà des coutumes barbares!

2 (15) марта.

Приѣхалъ мой сынъ, секретарь генеральнаго консульства въ Иерусалимѣ. Онъ недавно женился, и это его первое заграничное мѣсто. Къ сожалѣнію, сильно разрѣженный воздухъ Иерусалима оказался вреднымъ для его здоровья, и доктора потребовали, чтобы онъ, хотя на короткое время, куда-нибудь уѣхалъ. Какъ только онъ почувствуетъ себя лучше, мы всѣ вмѣстѣ поѣдемъ въ Иерусалимъ.

13 (26) марта.

Черезъ Хелуанъ проходитъ дорога, ведущая къ могилѣ шейха Салемъ-Абу-Сорепа, память котораго находится въ большомъ почитаніи у всѣхъ египетскихъ мусульманъ. Ежегодно, въ мартѣ мѣсяцѣ, къ его могилѣ направляются большіе караваны паломниковъ. Около Хелуана они останавливаются и отдыхаютъ. Мы только-что вернулись изъ Каира, гдѣ завтракали у нашего дипломатическаго агента, когда намъ сказали, что пришелъ такой караванъ и расположился по дорогѣ къ Нилу, недалеко отъ Старога Хелуана. Отправились. Дорога кишѣла народомъ. Пустыня оживилась до неузнаваемости. Палатки, даже цѣлые деревянные, наскоро сколоченные балаганы занимали обширную площадь. Въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ многочисленныхъ голосовъ людей и животныхъ. Пѣніе, пляска, музыка, выстрѣлы—ну, чисто ярмарочное веселье! Вотъ на небольшомъ свободномъ пространствѣ, окруженный зрителями, плавно выступаетъ подъ звуки дудки стройный, красивый бедуинъ, въ бѣлоснѣжномъ бурнусѣ. Его лицо—горделиво-спокойно, каждое движеніе—верхъ изящества и граціи. Далѣе—черный, какъ смоль, курчавый негръ, съ толстыми, красными, какъ кровь, губами и приплюснутымъ носомъ, кривляясь, какъ обезьяна, и, издавая дикіе гортанные выкрики, танцуетъ военную пляску. Въ рукахъ у него ружье, онъ продѣлываетъ имъ разныя движенія и вдругъ неожиданно стрѣляетъ. Протяжное а-а-а! зрителей еще болѣе его одушевляетъ, и отъ его скачковъ и вывертовъ начинается рябь въ глазахъ.

Еле продираемся чрезъ плотную толпу зрителей. На красавицѣ, сѣрой въ яблокахъ, лошади—бронзовое изваяніе, точно вылитого вмѣстѣ съ лошадыю, смуглаго наѣздника. И сѣдло лошади, и одежда всадника богато разукрашены. Разноцвѣтнымъ

камнями горить уздечка, соперничая блескомъ съ поясомъ, за который воткнуты два длинныхъ, прекрасно инкрустированныхъ пистолета. Подъ ритмическіе звуки чуть не цѣлаго оркестра, изъ нѣсколькихъ дудокъ и барабановъ, въ кольцо стибая лебединую шею и раздувая ноздри, повинуваясь малѣйшему движенію всадника, красавица-лошадь медленно выступаетъ въ кругу, плавнымъ, граціознымъ движеніемъ, выбрасывая по очереди переднія ноги, словно загребая ими воздухъ. Черезъ каждые десять, двадцать шаговъ—поворотъ на мѣстѣ и перемѣна ноги. Вдругъ, по знаку наѣздника, оркестръ переходитъ въ бѣшеный темпъ. Лошадь вздымается на дыбы и дѣлаетъ огромный скачекъ. Въ этотъ моментъ всадникъ выхватываетъ пистолетъ и стрѣляетъ; второй такой же скачекъ, еще выстрѣлъ—и дрожа всѣмъ тѣломъ лошадь останавливается, какъ вкопанная. Оркестръ мѣняетъ темпъ, и опять плавное выбрасываніе ногъ и вольты на мѣстѣ. Мы привыкли любоваться *haute école* на аренѣ цирка, здѣсь на волѣ, при оригинальной и колоритной обстановкѣ, искусство дикаго сына пустыни производитъ несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе.

А тамъ, на холмѣ, ярко освѣщенные лучами заходящаго солнца, что это за качающіяся какъ маятники человѣческія фигуры? Подходимъ. Человѣкъ восемь, десять, иногда больше, иногда меньше, образуя кругъ, качаютъ туловищемъ, ноги совершенно неподвижны, направо и налево, сначала медленно, потомъ, усиливая темпъ, все быстрѣе и быстрѣе, отбивая тактъ хлопаньемъ въ ладоши и гортаннымъ звукомъ «а-а»,—монотонно-тягучимъ при медленномъ темпѣ, надорваннымъ и отрывистымъ, какъ лай собаки при быстромъ. По временамъ то одинъ, то другой выскакиваютъ изъ круга и тотчасъ же замѣняются новымъ. Мертвенныя лица неподвижны, полны выраженія какой-то мрачной тоски, глаза тусклые, оловянные, съ закатывающимися зрачками. Нѣкоторыхъ тутъ же тошнитъ...

Но начинается темнѣть, пора и домой. Когда мы, подходя къ Хелуану, оглянулись, все мѣсто, занятое караваномъ, горѣло, какъ одинъ огромный костеръ.

На-дняхъ мы уѣзжаемъ. Пора. Со дня на день можно ожидать наступленія періода хамсина. И безъ того онъ почему-то въ нынѣшнемъ году запоздалъ. При хамсинѣ лишь больные почками чувствуютъ себя хорошо, для здоровыхъ онъ мучителенъ, для слабогрудыхъ и нервныхъ—ядъ.

Прощай, симпатичная страна, прощай, тихій, спокойный городокъ! Тепло, вѣчное солнце, чудный воздухъ—съ одной стороны, красота пустыни, своеобразные нравы и обычаи на-

родонаселенія, высоко-интересные памятники глубочайшей древности—съ другой, дѣлають пребываніе въ Египтѣ крайне привлекательнымъ. Нѣтъ, кажется, другой страны въ мірѣ, гдѣ бы столь полно и въ одинаковой мѣрѣ удовлетворялись какъ запросы тѣла, такъ и художественные запросы духа.

Душевный привѣтъ нашей милой хозяйкѣ В. А. Б-ой. Общая печальница и миротворица, она стремилась придать своему пансіону семейный характеръ, старалась, чтобы каждый изъ ея «гостей» чувствовалъ себя какъ дома. Не ея вина, если это не всегда удавалось. Тѣмъ не менѣе, ея заботливость, внимательность и сердечность на много скрашивали отвратительныя стороны пансіонской жизни и можно смѣло утверждать, что попавшій въ Хелуанъ русскій нигдѣ не будетъ себя чувствовать такъ хорошо, какъ въ «виллѣ Вандѣ».

XXX.

Отъ Хелуана до Іерусалима.

19 марта съ утреннимъ девятичасовымъ поѣздомъ выѣхали изъ Хелуана въ Каиръ, а съ одиннадцатичасовымъ—изъ Каира въ Портъ-Саидъ. Теперь какъ разъ время разѣзда изъ Египта, и нашъ поѣздъ оказался переполненнымъ. Съ трудомъ добыли отдѣленіе на четверыхъ, но на пути сжалились надъ какимъ-то французомъ, принужденнымъ за недостаткомъ мѣстъ стоять въ проходѣ и пустили его къ себѣ. Въ поѣздѣ—вагонъ ресторанъ. Но въ виду массы пассажировъ завтракали чуть не въ три очереди, причемъ накормили скверно, а взяли дорого. Прислуга—арабы совсѣмъ потеряла голову, металась, какъ угорѣлая, роняла посуду, перепутывала заказы и, не выпивъ даже кофе, мы посѣдѣли вернуться въ свой вагонъ.

Начиная со станціи Измаилія, дорога идетъ вдоль Суэзскаго канала, но, вслѣдствіе высокой насыпи, самого канала почти не видно. Лишь изрѣдка блеснетъ узкая, синяя полоска воды. Иногда поверхъ насыпи промелькнутъ верхушки мачтъ проходящаго парохода. Каналъ такъ узокъ, что по немъ пропускаютъ лишь по одному пароходу..

Въ Портъ-Саидъ пріѣхали въ три съ половиной часа дня и были встрѣчены придурковатымъ консульскимъ кавасомъ, недогадавшимся даже приготовить экипажа для переѣзда на пристань. Извозчиковъ, вѣроятно по случаю Пасхальной недѣли (по новому стилю), не оказалось, и мы рисковали на неопредѣ-

ленное время застрять на станціи, не выручи насъ кучерь омнибуса какой-то гостиницы, предложившій доставить насъ на пристань. Оттуда переправились на пароходъ Русскаго общества пароходства и торговли—«Россію», которая считается лучшимъ изъ круговыхъ. Быть можетъ и такъ, но до прямыхъ ей далеко. Пароходъ—небольшой, вѣроятно очень старый, грязноватый. Столовая, она же и гостиная, совсѣмъ маленькая, въ каютахъ койки не на проволочныхъ матрацахъ, какъ обыкновенно, оказались прежесткими. За-то въ первомъ классѣ, кромѣ насъ, никого не было, капитанъ Д-ъ—человѣкъ очень милый и любезный, отдалъ въ наше распоряженіе двѣ большія каюты, гдѣ мы расположились совсѣмъ какъ дома. Вскорѣ на пароходъ пріѣхалъ агентъ общества С-ъ, онъ же секретарь русскаго консула В-а, и благодаря его любезности намъ удалось разрѣшить удовлетворительнымъ образомъ вопросъ о будущемъ возвращеніи въ Европу,—вопросъ, какъ это ни странно, очень сложный и немало насъ заботившій.

Дѣло въ томъ, что въ настоящее время--и такое положеніе будетъ продолжаться еще съ мѣсяцъ,—всѣ пароходы, отходящіе въ Европу, переполнены. Чтобы достать мѣста, необходимо ихъ брать по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли впередъ, внося конечно и плату. Съ другой стороны, въ Яфѣ пристани нѣтъ, пароходы останавливаются на довольно большомъ разстояніи отъ берега, сообщеніе съ которымъ происходитъ посредствомъ большихъ лодокъ-феллукъ. Благодаря каменнымъ грядамъ, опоясывающимъ Яффу съ моря, это сообщеніе при неспокойномъ морѣ, какъ опасное, прерывается и въ такихъ случаяхъ пароходы проходятъ мимо, не останавливаясь. А море тамъ скверное, почти всегда бурное и, такимъ образомъ, никогда нельзя быть увѣреннымъ, что попадешь въ Яффу, или выйдешь изъ нея въ намѣченный, опредѣленный день и, слѣдовательно, всегда рискуешь, что взятые заранѣ билеты и деньги пропадутъ. А ко всему этому слѣдуетъ еще добавить, что пароходовъ, заходящихъ въ Яффу, не особенно много вообще, и всѣ они имѣютъ скверную привычку запаздывать. Въ концѣ концовъ оказывается, что выѣхать изъ Яффы въ опредѣленный день почти такъ же трудно, какъ изъ Монте-Карло съ выигрышемъ—дѣло удачи, случая. Супруги Т-іе, напримѣръ, угощавшіе насъ блинами, желавшіе, года два тому назадъ, попасть въ Іерусалимъ на русскую Пасху, три раза прокатились изъ Портъ-Саида въ Бейрутъ и обратно, такъ какъ пароходъ всѣ шесть разъ не могъ остановиться въ Яфѣ. И вотъ С-ъ обѣщалъ записать на наше имя, безъ предварительнаго взноса денегъ, два мѣста на паро-

ходѣ Австрійскаго Ллойда, отходящемъ 27 апрѣля изъ Портъ-Саида въ Триестъ. Такимъ образомъ, если даже, благодаря капризамъ яфѣскаго моря, намъ и не удастся попасть въ Портъ-Саидъ къ этому времени, по крайней мѣрѣ деньги зря не пропадутъ.

Въ 7 часовъ пообѣдали вмѣстѣ съ капитаномъ и С-ъ, причемъ обѣдъ оказался вполне доброкачественнымъ, а въ десятомъ часу «Россія» подняла якорь. Тотчасъ же началась презрядная качка. Я отъ нея не страдалъ, но жена почувствовала себя нехорошо, плохо спала ночь и на утро такъ ослабла, что съ трудомъ одѣлась.

Въ Яффу пришли въ 10 часовъ утра. Хотя волненіе, по словамъ капитана, было даже не большое, а только среднее, тѣмъ не менѣе становилось жутко при одномъ лишь видѣ направлявшихся къ пароходу феллукъ, до того ихъ качало и подбрасывало. Какъ огромная птица, взлетаетъ лодка на гребень волны,—шесть паръ весель—крыльевъ, на мгновеніе замираютъ безъ движенія и затѣмъ, какъ подстрѣленная, стремительно падаетъ въ бездну, чтобы снова затрепетать на гребнѣ другой волны.

За нами выѣхала консульская лодка съ кавасомъ. Попасть съ парохода въ лодку при волненіи—задача не легкая. Выжидаютъ момента, когда лодка поднимается волной и тогда гребцы подхватываютъ васъ на руки и спускаютъ въ лодку.

Какъ я уже говорилъ, между городомъ и открытымъ моремъ тянется полоса огромныхъ камней, частью видимыхъ, частью подводныхъ. При волненіи лодку направляютъ на ту часть полосы, гдѣ находятся подводные камни, выжидаютъ большой волны—девятого вала—и на ея гребнѣ переносятся черезъ гряду.

Мы приближаемся къ камнямъ. Кипитъ, бурлитъ море, яростно налетая на черныя скалы, окутывая ихъ столбами водяной пыли. Передъ нами сравнительно небольшое свободное пространство. По мѣрѣ приближенія къ нему, мы двигаемся медленнѣе, лица гребцовъ становятся сосредоточеннѣе, движенія напряженнѣе; слова команды звучатъ рѣзче, отрывистѣе. Нѣсколько мгновеній мы стоимъ почти недвижимо. Гребцы работаютъ во всю, видно какъ гнутся весла. Кавасъ, бывший морякъ и теперешній нашъ капитанъ, пристально, не отрываясь смотритъ на приближающіяся волны. Пропускаемъ одну, вторую, третью. Весла трещатъ, лица гребцовъ красны отъ напряжения. Но вотъ капитанъ приподнимается, хватается обѣими руками за руль, громко кричитъ: «вниманіе!» Идетъ девятый валъ. Еще мгновеніе,—мы взлетаемъ вверхъ и стрѣлой летимъ впередъ, летимъ такъ, что духъ захватываетъ... Уфъ! Слава

Тебѣ, Господи! Радостно гогочуть, скаля зубы, гребцы, кавась, осклабсь, отдаеть по-военному честь и довольнымъ тономъ произносить: «съ благополучной переправой!» И дѣйствительно, надо обладать большой выдержкой, хладнокровіемъ и опытностью, чтобы спокойно продѣлывать такіе перелеты, которые къ тому же иногда, хотя правда и рѣдко, кончаются неблагополучно. Не такъ давно, напримѣръ, на этомъ самомъ мѣстѣ опрокинулась лодка англійскаго консула, въ которой находились онъ самъ, съ женою и ребенкомъ. Людей спасли, но весь мелкій багажъ, съ драгоценностями жены консула, погибъ.

И нашъ багажъ также пострадалъ. Одинъ изъ сундуковъ оказался пробитымъ съ двухъ сторонъ. Надо полагать, что при спускѣ съ парохода въ лодку онъ попалъ на что-нибудь острое.

Поѣздъ въ Іерусалимъ отходитъ въ 2 часа. Такимъ образомъ въ нашемъ распоряженіи оказалось достаточно времени, и мы прежде всего зашли въ пароходное агентство, чтобы отправить часть своего багажа въ Россію. Потомъ поѣхали завтракать въ «Hôtel du Parc».

Яффа—самый обыкновенный восточный городъ, съ узкими, кривыми, грязными улицами; но крыши домовъ уже не плоскія, какъ въ Египтѣ, а обычно—покатые, черепичныя.

Въ гостиницѣ намъ отвели комнаты, которые занималъ Вильгельмъ II во время своего путешествія въ Палестину. Комнаты, какъ комнаты—ничего особеннаго; но завтракъ могъ бы быть лучше. При гостиницѣ—небольшой садикъ, съ довольно рѣдкими экземплярами растений: мексиканскій кактусъ, славы, индійскій бамбукъ. На небольшой площадкѣ привязаны на цѣпочкахъ нѣсколько забавныхъ обезьянокъ и попугаевъ. За садомъ, спускаясь террасами, цѣлыя рощи апельсиновыхъ деревьевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сплошь усыяны зрѣлыми плодами, кажутся золотыми.

Расположена гостиница въ иностранномъ кварталѣ. На ночь его ворота запираются. Почему? Неизвѣстно. Вѣроятно, по обычаю, согласно прежнимъ традиціямъ, такъ какъ въ настоящее время жизнь въ Яффѣ никакихъ особыхъ опасностей не представляетъ. Кромѣ нѣсколькихъ гостиницъ, въ большинствѣ неважныхъ, въ иностранномъ кварталѣ сосредоточены, не болѣе не менѣе, какъ пять туристскихъ агенствъ: «Кука», «Бензингера», «Lubin», «Кнарка» и «Тадроса». On a que l'embarras du choix.

Яффа—очень древній городъ. По преданіямъ, онъ былъ основанъ финикійцами. Въ «историческихъ картинахъ» карнакскаго большого храма, о ней упоминается, какъ о крѣпости, а во времена Соломона она считалась гаванью Іерусалима. Къ Яффѣ

приурочивается древній мнѣ объ Андромедѣ и Персеѣ, и еще въ концѣ среднихъ вѣковъ показывались остатки цѣпи, которой была прикована къ скалѣ Андромеда и огромныя кости, принадлежавшія терзавшему ее морскому чудовищу.

Не чужда Яффа и библейскихъ преданій. Отсюда хотѣлъ спастись бѣгствомъ отъ Бога пророкъ Іона, за что и былъ ввергнутъ во чрево кита. Въ Яффѣ же проживалъ въ домѣ Симона кожевника апостолъ Петръ, когда къ нему явился посланный отъ сотника Корнилія—перваго окрещеннаго язычника. Наконецъ, близъ старой іерусалимской дороги находится мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Тавиѣы, воскрешенной Петромъ за ея богоугодную жизнь. Теперь на этомъ мѣстѣ, принадлежащемъ Россіи, стоитъ церковь, построенная архимандритомъ Антониномъ, извѣстнымъ русскимъ дѣятелемъ въ Святой землѣ.

Яффо-іерусалимская желѣзная дорога — узко колеиная, открытая въ 1892 году и оборудованная отвратительно. Принадлежитъ она французской компаніи, скупившей для нея подвижной составъ у обанкротившейся панамской желѣзной дороги. Поѣзда ходятъ разъ въ сутки и только днемъ. Вагоны двухъ классовъ, но первый похожъ на нашъ третій. Впрочемъ, въ нашемъ вагонѣ оказалось одно крошечное отдѣленіе, съ мягкими тюфячками на деревянныхъ скамейкахъ.

До Іерусалима семьдесятъ верстъ всего, но благодаря крутому подъему, поѣздъ двигаясь черепашѣмъ шагомъ проходить это разстояніе въ четыре часа. Сначала веселятъ глазъ рощи апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, потомъ ихъ замѣняютъ зеленыя поля, наконецъ—горы—отроги Ливана. Поля и склоны возвышенностей красиво пестрятъ цвѣтами—красными анемонами, розовыми цикломенами, бѣлыми маргаритками, собачьими дудками. Оригинальны низкорослые кустарники-дубы, они съ иглами, но и съ желудями.

Первая станція—Лидда, родина св. великомученика Георгія. Въ церкви, принадлежащей грекамъ, находится и его гробница. Затѣмъ—Рамле, гдѣ мы познакомились съ яффскимъ консуломъ П—ъ и его женой. Рамле—дачное мѣсто Яффы. Его климатъ здоровѣе яффскаго, не говоря уже объ іерусалимскомъ. Въ сторонѣ отъ дороги высится башня «Бѣлой мечети», или «Вашня крестоносцевъ», какъ ее называютъ, на основаніи мало обоснованнаго преданія, что она выстроена крестоносцами.

Дорога поднимается все выше, горы надвигаются все ближе, все суровѣе и угрюмѣе становится характеръ мѣстности. Вотъ, наконецъ, и Іерусалимъ, и сердце человѣка вѣрующаго начинаетъ биться сильнѣе.

Мы остановились у сына, въ домѣ принадлежащемъ русскому консульству. Было очень пріятно, послѣ шести мѣсяцевъ пансіонской жизни, очутиться снова въ домашней, семейной обстановкѣ.

XXXI.

Іерусалимъ.—Русскія владѣнія.—Палестинское общество.—
Русская улица.

Странная судьба Іерусалима, странная судьба еврейскаго царства, столицей котораго онъ былъ.

За 1400 лѣтъ до Р. Х. египетскіе памятники упоминаютъ объ Іерусалимѣ, какъ о значительномъ городѣ страны ханаанской, находившейся подъ владычествомъ египетскихъ фараоновъ. Четыреста лѣтъ спустя, имъ овладѣваетъ царь Давидъ и онъ становится столицей еврейскаго царства, сохраняя это положеніе до конца II вѣка по Р. Х., съ какового времени начинается пріобрѣтать характеръ общехристіанской святыни. За этоъ сравнительно краткій историческій періодъ онъ пятнадцать разъ подвергается вражескому нашествію, осадѣ, разрушенію. Два раза, при Навуходоносорѣ и Титѣ, отъ него остаются однѣ развалины, два раза еврейское царство перестаетъ существовать, причемъ второй разъ, при Адрианѣ, уже окончательно. Послѣ этого евреи разсѣиваются по всей землѣ, становятся всемірными гражданами. Чѣмъ же объясняется такая исключительно-несчастливая судьба этого города. Вѣдь лакомымъ кускомъ для завоевателя Іерусалимъ ни въ какихъ отношеніяхъ быть не могъ. Расположенный на угрюмой, безводной, каменистой возвышенности, въ сравнительно далекомъ разстояніи отъ моря,—и моря вѣчно бурнаго, непріютнаго, лишенный сносныхъ путей сообщенія, со сквернымъ климатомъ—холоднымъ зимой, нестерпимо знойнымъ лѣтомъ, съ почвою скудной, на которой произрастаютъ одни оливковыя деревья,—могъ ли онъ являться приманкой для завоевателя? Конечно, нѣтъ. Очевидно, послѣдній руководился не цѣлью наживы, а какими-то другими побужденіями. Обращать завоеванный городъ въ развалины, избивать его жителей, запрещать имъ переступать черту родного города,—все это скорѣе акты мщенія, носить характеръ наказанія, какой-то ненависти. Евреевъ ненавидятъ, имъ мстятъ, ихъ наказываютъ. Въ несчастной судьбѣ города всецѣло виноваты его жители, національный характеръ еврейскаго народа, его духовный нравственный обликъ. Сравнительно маленькая кучка людей, небольшой народецъ—способный

и даровитый—съ духомъ тревожнымъ и мятежнымъ, лишенный совершенно метафизическихъ стремленій, признающій одну лишь земную жизнь, выше всего ставящій земныя блага, единственный, хотя и неофициальный богъ котораго—золотой телецъ, источникъ этихъ благъ,—официальный же—богъ злобы, гнѣва и мести; народецъ, сознававшій свое превосходство, а потому—высокомѣрный, горделивый, объявившій себя «избраннымъ» и, какъ таковой, презиравшій, ненавидѣвшій все чужое, не свое; народецъ—жестокій, народецъ—угнетатель,—понятно, какое чувство долженъ былъ онъ возбуждать въ другихъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе племенахъ и народахъ. А мятежный, беспокойный духъ—источникъ постоянныхъ внутреннихъ междуусобій въ спокойное отъ вражескихъ нашествій періоды—дразнилъ врага, вызывая, толкая его на переходъ отъ платонической ненависти къ реальнымъ актамъ наказанія и мести.

И вотъ—свершилось. Не вынесъ маленькій уголокъ земли столь пагубнаго для остальныхъ людей сосредоточія еврейскихъ особенностей. Еврейское царство рушилось и евреи разсѣялись по всей землѣ. Но прошли столѣтія и что же мы видимъ? Взамѣнъ маленькой ничтожной Палестины, евреи приобрѣли полъ-міра. Весь цивилизованный міръ сталъ еврейскимъ царствомъ. Еврейскій богъ—золотой телецъ—сдѣлался богомъ всего культурнаго человѣчества. Двѣ могущественнѣйшія силы—деньги и печать—въ рукахъ евреевъ, а потому въ ихъ рукахъ и судьбы народовъ. Христіанскій принципъ превратился въ мертвый догматъ, утратившій всякое реальное значеніе. Но опять близится часъ. И какъ нѣкогда рухнуло еврейское царство въ Палестинѣ, такъ рухнетъ и современное ихъ царство—капиталистическій строй. Слишкомъ неравно распредѣлились милости современнаго бога—золотого тельца; слишкомъ ничтожной является кучка присосавшихся къ нему, сравнительно съ милліонами жаждущихъ присосаться. И все возрастаютъ и возрастаютъ полчища послѣднихъ и все угрожающе-требовательнѣе становятся они. Капиталистическому строю приходитъ конецъ—это очевидно. Весь вопросъ тутъ во времени. Но чѣмъ будетъ онъ замѣненъ—вотъ это далеко не ясно. Современные модныя ученія—религіи—соціализмъ и анархизмъ—утопическія бредни, лишеныя практическаго, созидательнаго значенія, какъ исходящія изъ совершенно ложнаго основанія—изъ признанія человѣческаго равенства. Нѣтъ принципа болѣе выдуманнаго, ложнаго, противоестественнаго, чѣмъ принципъ общаго равенства, и строить на немъ обновленіе жизни то же, что стротить зданіе на облакахъ. Анархизмъ же, въ его широкомъ значеніи, какъ отрицаніе государственности и замѣна всякой

власти свободнымъ договоромъ, таить въ себѣ и другую, не менѣе ложную предпосылку, убѣжденіе, что люди—ангелы. И все же капиталистическій строй погибнетъ, но погибнетъ не подъ напоромъ высшей идеи, а простого чувства, чувства общечеловѣческаго и жизненнаго, которое можетъ быть выражено совсѣмъ просто словами: «*ôte toi de là que je m'y mette*». Произойдетъ великая катастрофа, будутъ пролиты моря крови, а затѣмъ... затѣмъ, надо полагать, все пойдетъ по старому, согласно пословицѣ: «*plus ça change, plus c'est la même chose*».

И вотъ, что знаменательно. Какъ древнее царство еврейское—Палестина—погибло по винѣ самихъ евреевъ, такъ и современное ихъ царство—капиталистическій строй—разрушается по преимуществу ими же. Тревожный, мятежный духъ дѣлаетъ изъ евреевъ прирожденныхъ революціонеровъ-разрушителей. Всемирная революціонная армія на девять десятыхъ состоитъ изъ евреевъ и они собственными руками энергично и неумоимо складываютъ тотъ костеръ, на которомъ долженъ сгорѣть ихъ же богъ, золотой телецъ. Впрочемъ, на слѣдующей же послѣ катастрофы день онъ снова и ихъ же усиліями возродится, сначала въ видѣ новорожденнаго теленка, котораго заботливый уходъ весьма быстро превратитъ въ прежняго могучаго быка. Такъ тѣшится и развлекается мятежный духъ-разрушитель, у котораго разумъ-созиждатель находится въ полномъ подчиненіи.

Однако, я увлекся и... отвлекся. Возвращаюсь къ современному Іерусалиму.

Собственно старый городъ не великъ, около четырехъ верстъ въ окружности. Онъ обнесенъ высокой каменной стѣной, въ которой продѣланы восемь воротъ. Двумя пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ улицами, одна изъ которыхъ, начинаясь отъ Яффскихъ воротъ на западѣ, кончается Цѣпными воротами (Бабъ-есть-Сильзеле) на востокѣ, другая отъ Сіонскихъ воротъ на югѣ до Дамасскихъ—на сѣверѣ, городъ дѣлится на четыре, довольно равныхъ квартала: мусульманскій, еврейскій, армянскій и греко-латинскій. Здѣсь въ старомъ городѣ сосредоточены по преимуществу тѣ святыни, благодаря которымъ Іерусалимъ получилъ названіе святого града Господня. Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, старый городъ вышелъ, такъ сказать, изъ своихъ стѣнъ и мало-по-малу образовался новый городъ, по европейскому образцу, съ гостиницами, новыми церквями и благотворительными учрежденіями разныхъ національностей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить что по благоустройству новый городъ далеко не европейскій. Плохія мостовыя, скверное освѣщеніе, ужасающая уличная пыль, полное отсутствіе хотя бы намека на какія-либо санитарныя мѣропріятія,—словомъ—турецкіе порядки во всемъ.

За чертою стараго города, но сейчас же у его стѣнъ, расположены «русскія владѣнія», занимающія довольно обширную площадь въ десять десятинъ. Это—чисто русскій уголокъ, «здѣсь Русью пахнетъ», и съ него мы и начали осмотръ Іерусалима и его достопримѣчательностей.

Русскій участокъ былъ приобрѣтенъ послѣ посѣщенія въ 1859 году Іерусалима великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Тотчасъ же начались строительныя работы, окончившіяся въ 1864 году освященіемъ Троицкаго собора. За это время выстроены: Троицкій соборъ, домъ духовной миссіи, консульство, мужское и женское подворье и больница. Въ 1882 году, по почину великаго князя Сергія Александровича, въ цѣляхъ сосредоточенія и объединенія всѣхъ заботъ о паломникахъ въ однѣхъ рукахъ, было основано Палестинское общество. Последнее выстроило новое подворье—Сергіевское—для лицъ состоятельныхъ, капитально ремонтировало начинавшія приходить въ разрушеніе старыя подворья и больницу, привело въ порядокъ водоснабженіе—самый острый, жгучій вопросъ іерусалимской жизни, такъ какъ проточной воды нѣтъ, а пользуются исключительно дождевой водой, сохраняя ее отъ одного періода дождей до другого въ закрытыхъ водоемахъ—цистернахъ; устроило канализацію, прорубивъ въ скалѣ двухверстный каналъ для отвода нечистотъ и, наконецъ, приняло на себя питаніе паломниковъ, которымъ до того времени приходилось или самимъ на себя готовить, или столоваться въ грязныхъ еврейскихъ харчевняхъ. Въ настоящее время существуетъ общая трапезная, въ которой паломникъ за пять копеекъ можетъ получить щи или похлебку, за три—кашу, причемъ хлѣбъ и квасъ отпускаются бесплатно. Прибавивъ къ этому три копейки, взимаемыя за помѣщеніе и по копѣйкѣ утромъ и вечеромъ за горячую воду, выходить, что квартира и столъ обходятся паломнику по тринадцати копѣекъ въ сутки. Изъ отчетовъ общества видно, что при такой расцѣнкѣ каждый паломникъ, уплачивая обществу въ среднемъ по пяти рублей, обходится ему въ двадцать.

Благодаря любезности управляющаго подворьями г. М—а, намъ удалось подробно осмотрѣть всѣ русскія владѣнія. Общее впечатлѣніе—благопріятное. Видны заботливость, попеченіе о паломникахъ, вездѣ поддерживаются возможные порядокъ и чистота. А въ Сергіевскомъ подворьѣ для лицъ состоятельныхъ чистота и совсѣмъ образцовая. Говорятъ, что и кормятъ здѣсь очень хорошо, за то цѣны немного высокія: полный пансіонъ стоитъ до четырехъ рублей въ сутки.

Существуют, конечно, и дефекты. Главный изъ нихъ—недостаточность помѣщенія. Въ зданіяхъ, рассчитанныхъ на тысячу человѣкъ, уже теперь размѣщаются три тысячи, а на Пасху число это обыкновенно удваивается. Немудрено, что при такомъ переполненіи соблюденіе даже элементарныхъ гигіеническихъ правилъ становится немыслимымъ.

Къ русскимъ владѣніямъ примыкаетъ непосредственно такъ называемая «русская» улица. Она сплошь занята лавками, уличными торговцами и торговками. Здѣсь паломникъ можетъ достать все, что ему нужно, чѣмъ онъ запасается при возвращеніи на родину: всякую снѣдь, иконы, божественныя картины, крестики, посохи изъ оливковаго дерева и т. п. Владѣльцы лавокъ, торговцы и торговки—арабы, турки, евреи, но вездѣ звучитъ русская рѣчь, слышится русскій говоръ. Наши мужички и бабы чувствуютъ себя здѣсь, да и вообще въ Иерусалимѣ, какъ дома и, подобно англичанамъ, искренно удивляются и даже негодуютъ, когда ихъ кто-нибудь не понимаетъ.

— What a fool indeed! He does not understand english!—возмущенно изрекаетъ гордый бритъ.

— Вотъ истинная-то дура,—не менѣе убѣжденно говоритъ русскій мужикъ:—я ей говорю по-русски, а она не понимаетъ!

XXXII.

Старый городъ.—Елеонская гора.—Часовня Вознесенія.—Храмъ Отца.—Церковь Вознесенія и русская башня.—Женская община.

22 марта (4 апрѣля).

Утромъ бродили по старому городу. Характеръ его—обычный всѣмъ восточнымъ городамъ. Кривыя, грязныя, вонючія улицы, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ узки, что ни только нельзя проѣхать въ экипажѣ, но даже при встрѣчѣ съ навьюченнымъ осломъ приходится прижиматься къ стѣнѣ, чтобы его пропустить. Болѣе старые дома съ плоскими крышами, поновѣе—съ покатыми черепичными. Смѣсь одеждъ, племенъ и лицъ такая же, какъ на Каирской Муски. Преобладаютъ, конечно, евреи, которыхъ изъ всего шестидесятитысячнаго населенія насчитываютъ сорокъ тысячъ. Евреи здѣсь самые настоящіе, съ длиннѣйшими пейсами, въ плюшевыхъ лапсердакахъ и лисьихъ шапкахъ. Среди мужчинъ, особенно стариковъ, встрѣчаются настоящіе библейскіе, сошедшіе съ иконъ типы—Моисей, Яковъ, боги Саваофы. Много мусульманъ, причемъ женщины закрываютъ лица иначе,

чѣмъ въ Египтѣ. Закрывается все лицо полупрозрачной тканью или гладко-черной, или пестрой съ разводами,—что очень некрасиво.

Послѣ завтрака поѣхали на Елеонскую гору. День былъ теплый, ясный. Зеленые поля усыяны цвѣтами, отовсюду несутся трели жаворонковъ. Говорятъ, апрѣль здѣсь лучшій мѣсяцъ. Потомъ все выжигается солнцемъ, принимаетъ угрюмый, безжизненный видъ.

Прежде всего остановились у бѣдной турецкой деревушки Кафръ-етъ-Туръ. Здѣсь находится часовня—жалкій остатокъ прежнихъ церквей,—выстроенная на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ вознесся на небо. Во дворѣ часовни—четыре небольшихъ каменныхъ престола, принадлежащіе грекамъ, армянамъ, коптамъ и сирийцамъ. Въ самой часовнѣ, на продолговатомъ кускѣ мрамора показываютъ слѣды ноги Спасителя. Въ настоящее время все это мѣсто принадлежитъ мусульманамъ. Они также его чтутъ и позволяютъ христіанамъ совершать въ немъ богослуженіе лишь нѣсколько разъ въ году.

Недалеко отъ часовни находится католическій храмъ «Отца» (l'église du Pater). По преданіямъ, на этомъ мѣстѣ Спаситель научилъ своихъ учениковъ молитвѣ «Отче нашъ». Храмъ построенъ въ 1868 году на средства принцессы de la Tour d'Auvergne. Кругомъ двора идутъ крытыя галереи, гдѣ на тридцати двухъ стѣнныхъ таблицахъ воспроизведена на тридцати двухъ разныхъ языкахъ молитва Господня.

Вершина Елеонской горы принадлежитъ русскимъ и приобретена покойнымъ архимандритомъ Антониномъ. Его же попеченіями выстроена находящаяся здѣсь церковь Вознесенія и высокая двадцати саженная колокольня, извѣстная у иностранцевъ подъ именемъ «русской башни». Кстати, башня эта очевидно мозолить иностранцамъ глаза. Всѣ иностранные путеводители придаютъ ей характеръ наблюдательнаго пункта, увѣряютъ, что русскіе при ея постройкѣ руководились опредѣленной политической цѣлью.

Осмотрѣвъ хорошенькую, чистенькую церковь, мы поднялись на колокольню. Съ нея открывается поразительный видъ. Съ одной стороны—весь Иерусалимъ, какъ на ладони, съ другой—Мертвое море. До него добрыхъ двадцать пять верстъ, но, благодаря особой прозрачности воздуха, вамъ кажется, что оно совсемъ близко. Свѣтлую площадь воды замыкаютъ темныя очертанія Моавитскихъ горъ, а передъ ней широкая зеленая лента Иорданской долины. Самого Иордана не видно, но его легко прослѣдить по темной полосѣ зелени, рѣзко выдѣляющейся на окру-

жающемъ свѣтломъ фонѣ. Бѣлой змѣйкой вьется дорога въ Іерихонъ. Вотъ Виеанія, поближе—Кедровская долина; за ней—гора «Злого Совѣщанія», называемая такъ потому, что здѣсь находился домъ Каиафы, гдѣ іудейскіе первосвященники рѣшили схватить Христа. Вотъ дорога въ Виелеемъ, но самого города изъ-за прикрывающей его возвышенности не видно.

Очень хорошо вообще въ этомъ русскомъ уголкѣ на вершинѣ Елеонской горы. Церковь и сосѣднія постройки, въ которыхъ помѣщается женская община, окружены большими тѣнистыми деревьями, что для лишенныхъ растительности окрестностей Іерусалима является большою рѣдкостью. У начальницы общины, игуменьи М. В., мы пили чай. Она занимаетъ домикъ, гдѣ нѣкогда жилъ архимандритъ Антонинъ. Съ его балкончиковъ тоже чудный видъ на окрестности. Послѣ чая, живая, дѣятельная игуменья повела насъ осматривать общину. Видѣли красивую мозаику V вѣка, откопанную близъ церкви, потомъ мастерскія, гдѣ сестры занимаются самыми разнообразными работами: иконописью, вышиваньемъ бисеромъ и гладью, изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ, пасхальныхъ яицъ,—очень оригинальныхъ, покрытыхъ воскомъ и разукрашенныхъ бисеромъ. Вездѣ—образцовый порядокъ. Видно, что сестры не сидятъ сложа руки, что это община рабочая, а не гнѣздо святошъ-тунеядокъ.

Да, симпатичное, хорошее впечатлѣніе оставляетъ этотъ трудовой русскій уголокъ, расположенный у подножія русской «сторожевой» башни.

XXXIII.

Храмъ Гроба Господня.—Русскій домъ.—Via dolorosa.

23 марта (5 апрѣля).

Сегодня осматривали главную іерусалимскую святыню—храмъ Воскресенія, или какъ его также называютъ—храмъ Гроба Господня, съ его тридцатю семью «святыми мѣстами». Исторія его вкратцѣ слѣдующая.

Въ 332 году, по распоряженію императора Константина Равноапостольнаго и его матери Елены, на мѣстѣ предполагаемой Голгофы былъ сооруженъ первый храмъ, просуществовавшій до разрушенія его персами въ 614 году. Вновь выстроенный въ 616 году епископомъ Θεодосіѣйскимъ Модестомъ, онъ въ теченіе послѣдующихъ семи столѣтій подвергся многимъ злоключеніямъ: пожарамъ, грабежамъ, разрушенію,—потомъ снова возводился, расширялся, пока, наконецъ, въ началѣ XII вѣка (1103 г.), кре-

стоносы, на мѣстѣ стараго храма не выстроили новый—болѣе роскошный и болѣе большихъ размѣровъ. Отъ храмовъ Константина и Модеста ничего не осталось, если не считать отдѣльныхъ колоннъ, капителей и т. п.

Храмъ крестоносцевъ сохранялъ первоначальный свой видъ, въ главнѣйшихъ частяхъ, конечно, до большого пожара 1808 года, послѣ котораго былъ заново отстроенъ въ 1810 году. Послѣдній разъ его реставрировали въ 1868 году. Въ реставраціи принимали одновременное участіе Россія, Франція и Турція. Между прочимъ, прежній деревянный куполъ былъ замѣненъ желѣзнымъ и, надо полагать, что именно совмѣстная работа трехъ архитекторовъ разныхъ національностей привела къ тому, что реставрація 1868 года лишена всякой художественности, совершенно безстильна. Съ того времени соблюдается самое строгое *status quo*. Ни одна изъ національностей, между которыми распределены находящіеся въ храмѣ святыя мѣста, не имѣетъ права производить ни одного, хотя бы самаго незначительнаго исправленія. Понятно, что храмъ постепенно разрушается, уже теперь многія его части находятся въ самомъ жалкомъ видѣ, а что будетъ лѣтъ черезъ двадцать, тридцать—и говорить нечего.

Храмъ расположенъ почти въ самомъ центрѣ стараго города. Съ трехъ сторонъ къ нему вплотную примыкають разныя зданія, такъ что входъ въ него одинъ—съ южной стороны. Какъ ведущія къ храму улицы, такъ и вся площадь передъ входомъ, представляютъ сплошной базаръ разныхъ *articles de piété*. Толкотня, шумъ, гамъ—невообразимые. Крайне неумѣстно здѣсь это торжище. Но какъ мало мѣняются нравы. Вѣдь торжище это производится потомками тѣхъ самыхъ людей, которыхъ 1900 лѣтъ назадъ Христосъ выгналъ изъ храма.

Входъ въ храмъ черезъ небольшую дверь. Онъ единственный. А имѣя въ виду, что площадь, занимаемая храмомъ, приблизительно равна площади Исаакіевского собора, что въ праздничные дни, не говоря уже о Пасхальной недѣлѣ, онъ бываетъ переполненъ, не трудно себѣ представить, какая катастрофа ожидаетъ богомольцевъ при пожарѣ или другой какой-нибудь паникѣ.

Переступаемъ порогъ и останавливаемся въ недоумѣніи. Туда ли мы попали? Мы думали, что входимъ въ величайшую христіанскую святыню, а тутъ сейчасъ же у дверей, на подмосткахъ, покрытыхъ рваными коврами, въ грязныхъ растегнутыхъ мундирахъ валяются нѣсколько турецкихъ солдатъ, пьютъ кофе и курятъ трубки! Говорятъ, стража здѣсь необходима, вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ между богомольцами разныхъ національностей,—ссоръ, нерѣдко доходящихъ до драки, даже

до столкновений съ оружіемъ въ рукахъ. Быть можетъ. Но дѣло не въ присутствіи стражи, одна лишь наличность стражи не можетъ нарушать святости мѣста. Дѣло въ томъ, какъ себя эта стража ведетъ. И гдѣ это видано, чтобы военный караулъ, занимая постъ, валялся въ растерзанной одеждѣ, съ трубками въ зубахъ? Можно лишь удивляться, что заинтересованныя христіанскія державы не настоятъ передъ турецкимъ правительствомъ о соблюденіи стражей при Гробѣ Господнемъ элементарныхъ и обычныхъ для цивилизованнаго міра правилъ приличія.

Осматриваемся. Грязныя, облупленные, въ трещинахъ стѣны и закоптѣлый, съ плѣшинами отъ упавшей штукатурки потолокъ... Впрочемъ, довольно. О внутреннемъ состояніи храма, исключая нѣкоторыя центральныя его части, лучше не говорить: оно производитъ удручающее впечатлѣніе.

Прямо передъ входомъ—первое по порядку «святое мѣсто»,—камень мвропомазанія. Здѣсь Іосифъ Аримаѣйскій и Никодимъ, снявъ тѣло Іисуса съ креста, мазали его мвромъ. На красновато-оранжевую мраморную плиту православные паломники кладутъ куски холста, потомъ мочатъ ихъ въ Іорданѣ и приготавливаютъ себѣ изъ нихъ погребальный саванъ. Немного далѣе, палѣво—каменный кругъ на полу указываетъ мѣсто, гдѣ стояли присутствовавшіе при мвропомазаніи Богородица и жены мвроносицы.

Черезъ темный проходъ, мимо армянскаго престола, входимъ въ западную часть храма, такъ называемую «ротонду». Она освѣщается сверху. Кругомъ идетъ двухъярусная галлерея. Золотыя лампы, украшающія второй ярусъ—даръ покойной императрицы Маріи Александровны, а девятисаженный въ поперечникѣ куполь сооруженъ на средства императора Александра II.

Посреди ротонды—небольшая мраморная шестиугольная часовня. Это и есть главная святыня храма—Гробъ Господень. Сначала вы входите въ такъ называемый придѣлъ Ангела. Здѣсь на престолѣ подъ стекломъ находится кусокъ того камня, который нѣкогда отвалился ангелъ отъ гроба. Въ самую погребальную пещеру входятъ черезъ узкую, низенькую дверь. Пещера совсѣмъ крошечная, такъ что болѣе четырехъ человѣкъ заразъ въ ней помѣститься не могутъ. Вся правая ея сторона занята погребальнымъ ложемъ, сплошь закрытымъ мраморной плитой. Сорокъ три драгоценныхъ лампы спускаются къ ложу, по стѣнамъ—масса образовъ. Дежурный монахъ окропляетъ васъ водой и, пятясь задомъ, вы покидаете святыню,—одно изъ немногихъ мѣстъ въ храмѣ, благолѣпіе внѣшней обстановки

котораго соотвѣтствуетъ значительности внутренняго содержанія. И тѣмъ съ большей досадой читаете вы надпись, помѣщенную на видномъ мѣстѣ пещеры, упоминающую о строителѣ часовни, какомъ-то грекѣ... Неумѣстна здѣсь эта надпись. Она рѣжетъ глазъ, оскорбляетъ религіозное чувство вѣрующаго. Сзади къ часовнѣ непосредственно примыкаетъ придѣлъ, принадлежащій коптамъ, а по тому же направленію дальше находится сирійская часовня,—какая-то голая, безъ всякихъ украшеній.

Поворачиваемъ налѣво и доходимъ до высѣченной въ скалѣ комнаты, съ двумя ямкообразными углубленіями. Это—гробницы Іосифа Аримаѣйскаго и Никодима—тайныхъ учениковъ Спасителя. Возвращаемся назадъ и выходимъ изъ ротонды. Вотъ мѣсто, гдѣ Христосъ явился Маріи Магдалинѣ. Направо—престолъ латинянъ, гдѣ хранятся сабля, шпоры и крестъ извѣстнаго рыцаря крестоносца Готфрида Бульонскаго.

Четыре ступеньки ведутъ къ часовнѣ «Явленія»,—къ мѣсту, гдѣ по латинскому преданію Спаситель явился Своей Матери послѣ воскресенія. Направо въ нишѣ—остатки «колонны бичеванія», налѣво—латинскій придѣлъ «бичеванія»; почти рядомъ съ нишей—мѣсто, гдѣ по латинскому преданію былъ найденъ Крестъ Господень; за нимъ—латинская ризница.

Возвращаемся обратно въ ротонду и чрезъ такъ называемыя Царскія ворота входимъ въ среднюю часть храма—православную церковь Воскресенія. Преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ находился садъ Іосифа Аримаѣйскаго. Церковь производитъ внушительное впечатлѣніе роскошью и богатствомъ отдѣлки. Недалеко отъ входа, по срединѣ, небольшая каменная тумба—пресловутый «пупъ» земли, центръ міра. Направо передъ иконостасомъ—каеэдра патріарха іерусалимскаго, налѣво—антіохійскаго. Иконостасъ горитъ позолотой. Въ алтарѣ хранятся двѣ священныя реликвіи: части Животворящаго Креста и рука св. Василія Великаго. Для ихъ осмотра требуется особое разрѣшеніе іерусалимскаго патріарха.

Изъ церкви Воскресенія проходимъ въ темный, мрачный, высѣченный въ скалѣ придѣлъ Темницы Господней. Здѣсь Христосъ находился подъ стражей непосредственно предъ восхожденіемъ на Голгоу. Показываютъ два высѣченныхъ въ скалѣ отверстія, въ которыхъ были заключены Его ноги. Далѣе слѣдуетъ придѣлъ Лонгина Сотника, прободавшаго бокъ Спасителя копьемъ. Какъ извѣстно, онъ былъ одноглазымъ. Брызнувшая на больной глазъ капля крови Спасителя вернула ему зрѣніе. Рядомъ—придѣлы «Раздѣленія ризъ» и «Возложенія тернового

вѣнца». Между ними находится лѣстница, ведущая въ подземную часовню царицы Елены. Это—древнѣйшее сооруженіе всего храма, представляющее большой интересъ и въ чисто-научномъ, археологическомъ отношеніи, такъ какъ, почти не пострадавшее отъ пожара 1808 года, оно въ главныхъ своихъ частяхъ сохранилось со временъ первоначальной постройки, т.-е. съ VII вѣка. Часовня находится на семь аршинъ ниже уровня главнаго храма. Четыре массивныя монолитныя, красноватаго цвѣта колонны, нѣкогда, по преданію, имѣвшія способность проливать слезы, поддерживаютъ сводъ. Какъ часовня, такъ и оба ея престола принадлежатъ армянамъ. Одинъ престолъ—царицы Елены, другой—благоразумнаго разбойника. Въ общемъ эта часовня гораздо менѣе искусственнаго характера, чѣмъ остальные части храма. Здѣсь даже невѣрующій скептикъ съ болѣею снисходительностью относится къ иной разъ чудовищнымъ выдумкамъ монаховъ и безграничному суевѣрію паломниковъ. Направо отъ престола св. Елены показываютъ мѣсто, гдѣ царица сидѣла, слѣдя за работами во время обрѣтенія Животворящаго Креста. Около придѣла Разбойника, въ одной изъ стѣнъ образовалась трещина, въ которой, если приложить ухо, слышался шумъ и гулъ. Паломниковъ увѣряли, что это завываютъ грѣшники въ аду. Теперь трещину задѣлали.

Вторая лѣстница въ тринадцать ступеней ведетъ въ пещеру, гдѣ и былъ собственно найденъ Животворящій Крестъ. По всѣмъ вѣроятіямъ это—старая, высѣченная въ скалѣ цистерна. Въ ней также два придѣла. Въ правомъ, принадлежащемъ православнымъ, мраморная доска указываетъ мѣсто обрѣтенія Креста,—лѣвый, принадлежащій латинянамъ, украшенъ бронзовой статуей св. Елены.

Теперь намъ осталось посѣтить Голгоу. По крутой лѣстницѣ, недалеко отъ входа въ храмъ, поднимаемся на довольно обширную площадку. Правая ея половина принадлежитъ латинянамъ. Въ ней два придѣла—«Пригвожденія къ Кресту» и «Скорбящей Божіей Матери». Лѣвая принадлежитъ православнымъ и называется придѣломъ «Водруженія Креста Господня». Она богато разукрашена иконами въ драгоценныхъ ризахъ, между которыми особенно выдѣляется образъ Спасителя—даръ русской императорской семьи. Подъ престоломъ—вызолоченное отверстіе обозначаетъ мѣсто, гдѣ былъ воздвигнутъ Крестъ. По бокамъ, нѣсколько позади, мѣста, гдѣ стояли кресты двухъ разбойниковъ. Недалеко отъ Креста Спасителя, прикрытая рѣшеткой, видна трещина голгоеской скалы, образовавшаяся при смерти Христа. Она проходитъ чрезъ придѣлъ Іоанна Кре-

стителѣ, расположенный непосредственно подѣ придѣломъ Водруженія Креста и называемый также придѣломъ праотца Адама, согласно преданію, по которому въ этомъ мѣстѣ былъ зарытъ черепъ Адама. Кровь и вода изъ прободеннаго ребра Спасителя, пройдя чрезъ трещину скалы, омыли отъ первороднаго грѣха голову нашего прародителя.

Передѣ тѣмъ какъ выйти изъ храма, проходимъ мимо гробницъ Готфрида Бульонскаго, царя Балдуина I и Мельхиседека. Совершенно непонятно, ради чего въ путеводителѣ Бедекера упоминается о двухъ первыхъ, какъ о несуществующихъ, при чемъ въ ихъ уничтоженіи упрекаются греки, стремившіеся будто бы уничтожить доказательства принадлежности этихъ мѣстъ католикамъ.

Мы покидали храмъ съ тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ. Почему—объяснять не стану. Скажу лишь одно: человѣку, нетвердому въ вѣрѣ, но желающему ее сохранить, чье религиозное чувство колеблется—посѣщать церковь Гроба Господня не слѣдуетъ.

Послѣ храма мы осмотрѣли такъ называемый «Русскій домъ». Занимаемое имъ мѣсто, представлявшее пустырь, почти непосредственно примыкавшій къ храму Воскресенія, было приобрѣтено русскимъ правительствомъ еще въ 1859 году, но лишь въ 1883 было приступлено къ его расчисткѣ. Слой накопившагося мусора достигалъ пяти сажень, и раскопки дали неожиданные результаты. Былъ обнаруженъ высокій мраморный помостъ, остатки очень древнихъ стѣнъ и потертый порогъ. Послѣдній указывалъ, что нѣкогда тутъ существовали ворота. А такъ какъ изъ всѣхъ городскихъ воротъ они являлись ближайшими къ Голгоѣ, то явилось предположеніе, что именно чрезъ нихъ лежалъ крестный путь Спасителя и что все это мѣсто вообще какъ разъ то самое, гдѣ находилась преторія Пилата, откуда послѣдній, указывая на Спасителя, сказалъ: «се человѣкъ!» послѣ чего, не желая оказаться повиннымъ въ пролитіи праведной крови, умылъ себѣ руки.

Мы вошли въ домъ не чрезъ обычный входъ съ улицы, ведущей отъ храма Воскресенія, а чрезъ маленькую дверь, со стороны базара. «Вотъ стѣна преторіи Пилата, а тутъ—порогъ тѣхъ воротъ, чрезъ которыя вели Спасителя на Голгоу»,—объясняла сопровождавшая насъ смотрительница дома. Надъ порогомъ—большое Распятіе, по бокамъ—иконы. Въ углу монашенка читаетъ Псалтирь. Отсюда широкая лѣстница ведетъ въ церковь, во имя св. Александра Невскаго. «Здѣсь,—продолжала смотрительница, указывая на мѣсто около лѣстницы,—

толпился народъ, требуя отъ Пилата казни Спасителя; сама же церковь сооружена въ память императора Александра III».

Церковь небольшая, производитъ хорошее впечатлѣніе обиліемъ свѣта и чистотой. Цѣлый рядъ иконъ изображаетъ событія послѣднихъ дней жизни Христа, въ ихъ хронологической послѣдовательности. Надъ иконостасомъ—художественно-выполненное на стеклѣ Распятіе. Рядомъ съ церковью находится помѣщеніе музея, гдѣ собраны найденныя при раскопкахъ древности,—между ними нѣчто въ родѣ пьедестала константиновской эпохи. Отъ того мѣста, гдѣ стоитъ пьедесталъ и до пещеры Обрѣтенія Креста въ храмѣ Воскресенія всего одна саженъ разстоянія.

Поднялись на верхнюю террасу дома, откуда видна незастроенная часть задняго фасада храма Воскресенья, а потомъ заглянули въ комнаты, предназначенныя для паломниковъ. Помѣщеніе похуже, чѣмъ въ Сергіевскомъ подворьѣ, зато и цѣны ниже.

Изъ Русскаго Дома прошли по такъ называемому Страстному пути—*Via dolorosa* латинянь—по которому изнемогающаго подъ бременемъ креста Спасителя вели на Голгоѳу. Такъ какъ путь этотъ начинался отъ преторіи Пилата, мѣстонахожденіемъ послѣдней и должно опредѣляться его направленіе. Но мы только что видѣли, что по православной версіи преторія находилась тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Русскій домъ, по версіи же прочихъ вѣроисповѣданій—совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, недалеко отъ воротъ св. Стефана. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что упоминаніе о Страстномъ пути начинаетъ встрѣчаться въ письменныхъ источникахъ, начиная лишь съ XVI вѣка. Такимъ образомъ достовѣрность современной *Via dolorosa* крайне сомнительна. Нельзя, однако, забывать, что въ продолженіе многихъ столѣтій миллионы вѣрующихъ, слѣдуя по этому пути, твердо вѣрили, что идутъ по слѣдамъ Спасителя, и въ этомъ отношеніи Страстной путь представляетъ несомнѣнное значеніе.

Онъ начинается недалеко отъ воротъ св. Стефана, гдѣ теперь находятся турецкія казармы и узенькими, невзрачными улицами тянется до храма Воскресенья. Въ казармахъ—первая такъ называемая «остановка креста»—«*Station de la Croix*»,—а всѣхъ остановокъ четырнадцать, и онѣ обозначены особыми, занумерованными дощечками. Вторая, гдѣ на Спасителя былъ возложенъ крестъ, находится у подножія казарменной лѣстницы, третья—близъ армянскаго монастыря. Обломки колонны указываютъ мѣсто, гдѣ Спаситель въ первый разъ упалъ подъ бременемъ креста. Далѣе—домъ Лазаря и четвертая остановка—встрѣча

Спасителя съ Его Матерью. Пятая, гдѣ Симонъ помогъ Спасителю нести крестъ. Въ стѣнѣ одного изъ домовъ показываютъ углубленіе, произведенное рукою Спасителя. Шестая остановка тамъ, гдѣ св. Вероника утерла потъ съ лица Спасителя. Въ находящейся на этомъ мѣстѣ католической часовнѣ изображенъ Спаситель во весь ростъ, несущій крестъ. Сзади—воинъ держитъ Его за веревку. Передъ Нимъ на колѣняхъ—св. Вероника съ Нерукотвореннымъ образомъ. Пока мы находились въ часовнѣ, къ ней подошла толпа католическихъ паломниковъ, подъ предводительствомъ аскетическаго вида патера. Толпа преклонила колѣни, патерь прочелъ нѣсколько молитвъ, и процессія двинулась дальше. То было обычное, совершаемое каждую пятницу, католическое паломничество по «Via dolorosa».

Седьмая остановка, гдѣ Спаситель упалъ во второй разъ, находится близъ древней колонны—части Судныхъ воротъ, а восьмая, гдѣ Спаситель обратился къ сопровождавшимъ Его женщинамъ, обозначена чернымъ крестомъ на стѣнѣ греческаго монастыря св. Караломбоса. Девятая, гдѣ Спаситель упалъ въ третій разъ, находится близъ храма Воскресенья, у Коптскаго монастыря, а остальные—уже въ предѣлахъ самаго храма, причемъ предпоследняя—на Голгоѣ, а послѣдняя—самъ Гробъ Господень.

XXXIV.

Харамъ-ешъ-Шерифъ.—Визитъ къ патриарху.

24 марта (6 апрѣля).

На юго-востокѣ стараго города расположена обширная полуторверстная въ окружности площадь, называемая Харамъ-ешъ-Шерифъ, что значитъ—площадь храма. Она принадлежит туркамъ и представляетъ выдающійся интересъ. Здѣсь нѣкогда стоялъ знаменитый храмъ Соломона, воздвигнутый «Единому Богу». Разрушенный Навуходоносоромъ, онъ былъ вновь выстроенъ евреями, по возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго, и хотя уступалъ первому въ богатствѣ и великолѣпнѣ, но для христіанъ представлялъ неизмѣримо большее значеніе, какъ существовавшій во времена Иисуса Христа. Съ этимъ храмомъ тѣсно связаны воспоминанія о земной жизни Спасителя, который часто его посѣщалъ, часто близъ него проповѣдовалъ. Въ семидесятыхъ годахъ по Р. Х. и этотъ храмъ былъ разрушенъ императоромъ Титомъ и его замѣнилъ воздвигнутый во II вѣкѣ императоромъ Адрианомъ храмъ Юпитеру. Арабы, покоривъ Іерусалимъ, связали

это мѣсто съ воспоминаніями о Магометѣ, будто бы его посѣтившемъ, а въ VII вѣкѣ Калифъ Абдъ-ель-Меликъ на мѣстѣ прежнихъ храмовъ выстроилъ мечеть Куббетъ-есъ-Сакра (куполь скалы), существующая и понынѣ, и которую, неизвѣстно почему, называютъ обыкновенно мечетью Омара. Это—вторая, послѣ Мекки, магометанская святыня и еще не такъ давно, до 1859 года, когда Іерусалимъ посѣтилъ в. к. Константинъ Николаевичъ, доступъ въ нее иновѣрцамъ былъ строго воспрещенъ. Иновѣрецъ, найденный въ оградѣ Харамъ-ешъ-Шерифа долженъ былъ или принять магометанство, или подвергнуться смертной казни. Между тѣмъ для христіанъ Харамъ-ешъ-Шерифъ является святыней по преимуществу. Тутъ Спаситель, будучи двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, разсуждалъ о «законѣ» съ книжниками, выгналъ изъ храма торговцевъ, отказался обвинить пойманную въ прелюбодѣяніи женщину, сказавъ: «Кто изъ васъ безъ грѣха,—первый брось въ нее камень»; здѣсь же сказали про ленту бѣдной вдовицы, что она положила больше всѣхъ, такъ какъ «всѣ клали отъ избытка своего, а она отъ скудости своей»; тутъ же, наконецъ, раздалось грозное пророчество, буквально исполнившееся: «Видите эти великія зданія? Все это будетъ разрушено, такъ что не останется камня на камнѣ».

Мечеть Куббетъ-есъ-Сакра занимаетъ возвышенную средину площади. По еврейскому преданію здѣсь—центръ міра, отсюда до неба на тридцать верстъ ближе, чѣмъ отъ всякаго другого мѣста на землѣ. Восьмиугольной формы, она очень красива, производитъ величественное впечатлѣніе. Внѣшнему виду соответствуетъ богатство и роскошь внутренней обстановки. Чудная стеклянная мозаика оконъ уступаетъ, пожалуй, одной лишь Каитъ-Беевской, въ Каирѣ; на полу—великолѣпные ковры. Центральную ея часть занимаетъ «Священная скала» (Сакра). Она обнесена сначала деревянной рѣшеткой, потомъ желѣзной. Послѣдняя—чудной, тонкой работы—поставлена въ XII вѣкѣ крестоносцами. Теперь она обезображена позолотой. Въ 1892 году Іерусалимъ посѣтилъ Германскій императоръ. По этому случаю султанъ назначилъ 40 тысячъ рублей на украшеніе мечети. «Украсили» и рѣшетку, позолотивъ ее... Со «священной скалой» связанъ цѣлый рядъ еврейскихъ, магометанскихъ и даже христіанскихъ преданій. Тутъ находился главный жертвенникъ соломонова храма, на мѣстѣ котораго крестоносцы, превративъ мечеть въ храмъ (*Templum Domini*), поставили алтарь. Средина скалы издаетъ пустой звукъ. Талмудъ говоритъ, что скала виситъ въ воздухѣ, что подъ нею—бездна, откуда доносится журчаніе воды; а мусульмане вѣрятъ, что въ безднѣ—Биръ-ель-Арузъ—колодезь

Душѣ, гдѣ души усопшихъ собираются для молитвы два раза въ недѣлю и что около бездны расположень входъ въ адъ. На скалѣ приносили жертвы Мельхиседекъ и Авраамъ, тутъ же Авраамъ собирався принести въ жертву сына своего Исаака, а Яковъ видѣлъ лѣстницу, ведущую на небо. Пророкъ Еремія спряталъ здѣсь Ковчегъ Заветъ, а Иисусъ Христосъ увидѣлъ написаннымъ на скалѣ имя Единого Бога, послѣ чего получилъ власть дѣлать чудеса. Здѣсь молился и Магометъ, при чемъ изрекъ, что одна молитва около этой скалы стоитъ больше, чѣмъ тысяча—въ другомъ мѣстѣ. Отсюда же онъ былъ унесенъ на небо на волшебномъ конѣ Буракѣ. За пророкомъ хотѣла послѣдовать и скала, но ангелъ удержалъ ее рукой, оставивъ на скалѣ слѣдъ. Предъ концомъ міра сюда перенесется изъ Мекки святая Кааба, отсюда прозвучитъ труба, извѣщающая о наступленіи страшнаго суда, здѣсь будетъ стоять престолъ Бога-Отца. Показываютъ и слѣдъ, оставленный ногою пророка,—въ средніе вѣка его признавали за слѣдъ отъ ноги Иисуса. Сверхъ того въ мечети, какъ особая святыня, сохраняется нѣсколько волосъ изъ бороды пророка, а на полу, около сѣверныхъ дверей, лежитъ мраморная плита, находящаяся надъ могилой Соломона. Въ эту плиту Магометъ воткнулъ девятнадцать золотыхъ гвоздей, которые время отъ времени выпадаютъ. Когда выпадетъ послѣдній—теперь ихъ осталось четыре—наступить конецъ міра. Около плиты особый сторожъ собираетъ деньги. Каждому, положившему бакшишъ,—безразлично мусульманинъ онъ или невѣрный—облегчается доступъ въ рай.

Мимо небольшой, изящной мечети—Куббетъ-есъ-Сильселе—гдѣ по преданію судили цари Давидъ и Соломонъ и гдѣ была протянута цѣпь, изъ которой при каждомъ прикосновеніи лжесвидѣтеля выпадало звено, мы прошли въ мечеть Ель-Акеу. Въ архитектурномъ отношеніи она стоитъ гораздо ниже Куббетъ-есъ-Сакра. Отъ первоначальнаго храма, выстроеннаго здѣсь императоромъ Юстиніаномъ во имя Пр. Богородицы ничего не осталось, если не считать нѣсколькихъ внутреннихъ колоннъ. Храмъ былъ превращенъ въ мечеть калифомъ Омаромъ, и ея внутренность представляетъ амальгаму изъ разныхъ стилей. Тѣмъ не менѣе она производитъ хорошее впечатлѣніе своими большими размѣрами и благоустройствомъ. Куполь богато украшенъ мозаикой. Очень красива деревянная, рѣзная, инкрустированная слоновой костью и перламутромъ каеэдра дамасской работы. За каеэдрой показываютъ слѣдъ отъ ноги Иисуса Христа. По ея бокамъ, двѣ пары колоннъ. Кто въ состояніи между ними пролѣзть, тотъ войдетъ въ рай (см. мечеть Амру въ Каирѣ). Теперь онѣ загорожены. Въ

юго-восточномъ придѣлѣ находится микрабъ (ниша молитвы), занимая то мѣсто, гдѣ халифъ Омаръ молился послѣ взятія Іерусалима.

Для христіанъ большое значеніе имѣетъ находящаяся подъ мечетью древняя лѣстница. Преданіе говоритъ, что по этой лѣстницѣ Богородица несла Святого Младенца, когда ее встрѣтилъ старецъ Симеонъ и обратился къ ней съ извѣстными словами: «Нынѣ отпушаеши...» Тутъ же показываютъ ясли Спасителя, обыкновенную каменную нишу, но лишь перевернутую, въ лежащемъ положеніи.

Подъ южной частью храма тянется большое подземелье, называемое «соломоновыми конюшнями». Здѣсь евреи спасались отъ преслѣдованія римлянъ, а крестоносцы держали своихъ лошадей. До сихъ поръ видны углубленія отъ колецъ, къ которымъ привязывались лошади, сохранилась даже одна каменная кормушка.

Изъ подземелья прошли къ «Золотымъ воротамъ». Это довольно обыкновенныя, хотя и красивыя каменные ворота, теперь задѣланныя. Ихъ названіе (aurea) основано на недоразумѣніи—на неправильномъ переводѣ греческаго слова на латинскій. Въ 1892 году они реставрированы. Во времена крестоносцевъ ворота отворялись въ Вербное Воскресенье. Патріархъ на ослѣ, сопровождаемый народомъ съ вербами въ рукахъ, торжественно въѣзжалъ въ городъ. Мусульмане убѣждены, что именно чрезъ эти ворота войдетъ въ городъ тотъ христіанскій полководецъ, которому суждено завоевать Іерусалимъ.

Недалеко отъ воротъ находится маленькая современная мечеть, извѣстная подъ названіемъ «Трона Соломона». Сюда Соломонъ, чувствуя приближеніе смерти, велѣлъ тайно себя перенести, чтобы злой духъ не узналъ объ его кончинѣ.

Вернулись назадъ и по небольшой лѣстницѣ поднялись на наружную стѣну. Очень красивый видъ на лежащую внизу Іософатову долину и на поднимающуюся за ней Елеонскую гору. По преданію, полу-мусульманскому, полу-еврейскому, именно въ этомъ мѣстѣ будетъ происходить страшный судъ. По трубному гласу всѣ живые соберутся въ Іософатовой долинѣ, которая по этому случаю широко раздвинется, а между Храмомъ и Елеонской горой будетъ протянута проволока, съ одной стороны которой возсядетъ Христосъ, а съ другой Магометъ. Добрые, поддерживаемые ангелами, пройдутъ безпрепятственно, злые—будутъ низвергнуты въ бездну.

Крайне забавенъ былъ шейхъ, показывавшій намъ Харамъ. Почтенный, очень благообразный, длиннородый старикъ, съ

живыми, какъ у юноши, движеніями и быстрыми, острыми глазами, одѣтый, несмотря на жару, въ лисью шубу, онъ давалъ свои объясненія на удивительномъ жаргонѣ, состоявшемъ изъ смѣси англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ фразъ, при чемъ проявлялъ необыкновенную талантливость. Тыкая пальцемъ въ какую-нибудь древнюю колонну, сосредоточенно хмурилъ брови и говорилъ: «*Madame, lady: antique*», на наше «*merci*» отвѣчалъ обязательно: «*pas de quoi*» и передъ каждой, даже маленькой приступочкой поддерживалъ жену за локоть. Когда я его спросилъ, очень ли распространена легенда о «Золотыхъ воротахъ» и христіанскомъ завоевателѣ, онъ сдѣлалъ такую гримасу, словно выпилъ уксуса. «*Betise! Dummheit! Foolish people! Moi*»—онъ съ достоинствомъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь,—«*pas croire, pas croire du tout*».

Въ этотъ же день, въ шестомъ часу вечера, мы отправились съ визитомъ къ іерусалимскому патріарху Дамьяну. Высокаго роста, довольно полный, съ красивымъ, умнымъ лицомъ, онъ производитъ очень выгодное впечатлѣніе, какъ своей величавой наружностью, такъ и простымъ, любезнымъ обращеніемъ. Недурно говоря по-русски, онъ очень интересовался современными событіями, удивлялся какъ быстро наше идейное «освободительное» движеніе перешло въ простую разнузданность звѣрскихъ инстинктовъ, находилъ въ этомъ лучшее доказательство, что народъ нашъ не доросъ еще до свободы. Во время визита подавали угощеніе: яблочное варенье съ водой, не то ликеръ, не то наливку изъ мандариновъ и кофе. При вареньѣ блюдечекъ не полагается. Взявъ варенье изъ вазы, надо отправить его прямо въ ротъ, положить ложку въ особую вазочку и запить водой. Когда мы откланивались, его Блаженство преподнесъ женѣ прекрасный букетъ цвѣтовъ, чѣмъ окончательно завоевалъ ея симпатію.

XXXV.

Благовѣщеніе.—Кедронская долина и ея достопримѣчательности.

25 марта (7 апрѣля).

Сегодня, по случаю Благовѣщенія, были на торжественномъ богослуженіи у Гроба Господня. Въ девятомъ часу утра двинулись въ путь. Впереди три каваса русскаго консульства, въ парадныхъ курткахъ и съ булавами въ рукахъ расчищали дорогу. Черезъ два шага въ третій кавасы, опуская булавы, стучали ими о мостовую. Выходило внушительно, но довольно балаганно.

Говорятъ, на востокъ это необходимо, этимъ, будто бы, поддерживается престижъ... У входа въ часовню Ангела размѣстились: направо—представитель русскаго консульства и мы, налѣво—греческій консулъ П—я и еще нѣсколько человѣкъ. Служилъ патріархъ и служилъ хорошо, благоговѣйно и толково. Но пѣніе... охъ, ужъ это греческое пѣніе! Никакое молитвенное настроеніе не устоитъ передъ этими гнусавыми, перитмическими, рѣжущими ухо звуками. По окончаніи обѣдни начался крестный ходъ. Намъ роздали огромныя двухаршинныя, толстыя свѣчи, по букетику цвѣтовъ и слѣдомъ за патріархомъ мы три раза обошли часовню Гроба Господня, а затѣмъ церковь Воскресенія. Патріархъ несъ на головѣ, придерживая его рукой, небольшой, но замѣчательной работы и весь усыпанный драгоценными камнями крестъ. Народа—масса и въ самой церкви и кругомъ нея. Пока патріарха разоблачали, насъ пригласили въ помѣщеніе настоятеля Гроба Господня, архимандрита Евфимія. Тамъ мы познакомились съ греческимъ консуломъ и его женой. Затѣмъ, слѣдомъ за патріархомъ, прошли въ патріаршій домъ, гдѣ состоялся торжественный пріемъ. Въ томъ же большомъ залѣ, гдѣ онъ принималъ насъ вчера, патріархъ возсѣлъ на тронъ, а по бокамъ расположилось высшее духовенство и между ними нѣсколько епископовъ: Епифаній іорданскій (замѣститель патріарха), Мелетій киріапольскій, Мелетій тиверіадскій, епископы діокесарійскій и настоятель русской духовной миссіи архимандритъ Леонидъ.

Передъ трономъ, на двухъ золоченыхъ креслахъ, усѣлись представители русскаго и греческаго консульствъ, съ которыми патріархъ поддерживалъ бесѣду, обращаясь то къ одному, то къ другому. Остальное духовенство держало себя совершенно свободно, въ особенности епископы. Нѣкоторые, развалиясь на креслахъ, откровенно зѣвали, насмѣшливо поглядывая на окружающихъ, а одинъ такъ и совсѣмъ заснулъ. Говорятъ, многіе изъ нихъ большіе скептики, относящіеся къ своимъ духовнымъ обязанностямъ, какъ къ скучной повинности и чувствующие себя много лучше дома, въ обществѣ своихъ «герондисъ» (содержанка).

Было и угощеніе, почти такое и въ той же послѣдовательности, какъ вчера. Только вмѣсто варенья—кусочки рахатъ-лукума. Когда подали наливку-ликеръ, патріархъ всталъ и произнесъ небольшую рѣчь по-гречески на тему, что каждому человѣку данъ свой крестъ, который слѣдуетъ нести съ кротостью и упованіемъ на милосердіе Божіе. Послѣ этого всѣ стали расходиться.

Вскорѣ послѣ нашего возвращенія домой, погода испортилась. Бурный, холодный сѣверо-западный вѣтеръ поднималъ

тучи пыли. За сѣрой мглой не стало видно ни улицъ, ни домовъ. Потомъ прошелъ небольшой дождь. Вообще же, за это время погода стояла такая: въ день нашего прїѣзда, и въ слѣдующій—было довольно свѣжо, потомъ на солнцѣ—нестерпимая жара, а въ тѣни 16—17 градусовъ.

26 марта (8 апрѣля).

Утромъ чрезъ Дамасскія ворота прошли старымъ городомъ въ Стефанскія и спустились въ Кедронскую (Іософатову) долину, для осмотра находящихся тамъ древностей. Сейчасъ за Кедронскимъ мостикомъ находится могила или, какъ ее называютъ, столбъ Авессалома. Это—монолитъ, въ формѣ четырехугольнаго столба, съ остроконечной верхушкой. Находящаяся внутри погребальная комната завалена камнями; масса камней и около столба, такъ какъ евреи считали своей обязанностью швырять камнями въ памятникъ непокорнаго сына Давида. Непосредственно сзади «столба»—могила Іосафата, но она уже совершенно завалена. Немного далѣе на югъ расположена могила апостола Іакова. Преданіе VI вѣка говоритъ, что это то мѣсто, куда Іаковъ скрылся послѣ взятія Іисуса стражей и гдѣ, голодая, провелъ все время до Воскресенія Спасителя. Только съ XV вѣка стали считать это мѣсто его могилой. Почти рядомъ—могила Захарія. Она высѣчена въ скалѣ и внѣшнимъ видомъ отчасти напоминаетъ Авессаломовъ столбъ.

Мимо еврейскаго кладбища идемъ дальше. Вотъ деревня Силоамъ. Она лѣжится по склону горы. Всюду отверстія—входы въ бывшія погребальныя пещеры. Теперь въ нихъ живутъ люди. Современные силоамцы пользуются дурной репутаціей. Говорятъ, большинство изъ нихъ мошенники и воры. На югъ отъ деревни высится турецкая правительственная лепразорія. Но такъ какъ прокаженные встрѣчаются какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, на каждомъ шагу, вездѣ разгуливаютъ совершенно свободно, то является вопросомъ, для кого и для чего эта лепразорія существуетъ.

За деревней—довольно высокій холмъ, такъ называемая «Гора скандала», гдѣ Соломонъ поклонялся фальшивымъ богамъ. Вершину холма занимаютъ монастырь ордена бенедиктинцевъ и сирійская семинарія.

Въ началѣ деревни, внизу, находится колодезь Божьей Матери, гдѣ по преданію Пресвятая Дѣва мыла пеленки Спасителя. Это небольшой подземный бассейнъ, около четырехъ аршинъ въ длину, при половинной ширинѣ. Вода въ немъ не всегда, а появляется періодически,—въ періодъ дождей—по нѣсколько разъ въ день, въ остальное время—гораздо рѣже.

Въ полуверстѣ дальше—знаменитая Силоамская купель, теперь—грязная, вонючая лужа. Тутъ же—развалины древнихъ бань, какъ полагають, временъ Ирода и старое тутовое дерево, у подножія котораго былъ распилень пополамъ пророкъ Исаія.

Ускореннымъ шагомъ бѣжимъ отъ преслѣдующаго насъ зловонія. Вотъ колодезь Іакова. Онъ имѣетъ семнадцать сажень глубины и славится хорошимъ качествомъ воды. Почему этому колодцу присвоено имя Іакова—неизвѣстно.

Уже поздно, солнце жаритъ немилосердно, пора домой. Намѣчаемъ по плану кратчайшій путь, но, благодаря неточности плана, начинаемъ тотчасъ же путать, бредемъ наугадъ, карабаемся по невозможнымъ кручамъ, попадаемъ въ почти непроходимыя мѣста, откуда съ трудомъ выбираемся и за все время не встрѣчаемъ ни одной живой души, у которой можно было бы спросить указаній. Наконецъ,—о, счастье!—выбираемся на широкую шоссеиную дорогу. Вдали виднѣются городскія ворота. «А все-таки вышли куда слѣдовало», съ торжествомъ думаемъ мы, но вскорѣ конфузимся окончательно, такъ какъ оказывается, что вмѣсто Сіонскихъ воротъ, куда мы направлялись, передъ нами находятся Яффскія. Винавать былъ, конечно, невѣрный планъ. Да и вообще, палестинскіе планы Бедекера, по ясности и точности намного хуже его же египетскихъ, которые безукоризненны.

XXXVI.

Торговый центръ Іерусалима.—Дома Каіафы, Анны, Іоанна и Тайной вечери.—Молочный базаръ.—Католическая церковь св. Анны.—Визеэда.—Музей.

29 марта (11 апрѣля).

Третьяго дня, по случаю дурной погоды,—холодъ, вѣтеръ, дождь—никуда не выходили, а вчерашній день посвятили покупкамъ. Специальность Іерусалима: крестики, образки, четки изъ перламутра и разныхъ издѣлій—чашки, кубки, вазы изъ чернаго камня Мертваго моря и оливковаго дерева. Торговый центръ—мѣстность, прилегающая къ Яффскимъ воротамъ, гдѣ и сосредоточены безчисленные лавки, торгующія вышеуказанными предметами. Стоитъ все это очень недорого, а такъ какъ, съ другой стороны, крестикъ или образокъ изъ Святого Града, къ тому же освященный прикосновеніемъ къ погребальному ложу Спасителя, имѣетъ въ глазахъ вѣрующихъ большое значеніе,—понятно, что каждый, посѣщающій Іерусалимъ увозитъ

съ собой не мало такихъ предметовъ для подарковъ на родинѣ. Ежегодный вывозъ достигаетъ пятисотъ тысячъ франковъ,—сумма огромная, принимая во вниманіе дешевизну товара. При покупкахъ приходится само собой торговаться, какъ и вездѣ на Востокѣ, но далеко не въ той степени какъ на египетскихъ базарахъ. Кстати: по случаю посѣщенія Іерусалима германскимъ императоромъ, чтобы расширить проѣздъ, была разрушена часть старой стѣны, примыкавшая къ Яффскимъ воротамъ, и теперь эти ворота представляютъ нѣчто совсѣмъ несуразное. Вотъ и еще одно археологическое преступленіе, виновникомъ котораго, хотя опять невольнымъ, явился Вильгельмъ II.

Сегодня утромъ вышли изъ города чрезъ южныя Сіонскія ворота. Недалеко отъ нихъ находится небольшой армянскій монастырь, занимающій то мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ домъ Каіафы, куда привели Спасителя послѣ допроса у первосвященника Анны. Во дворѣ монастыря—нѣсколько гробницъ армянскихъ патріарховъ и мѣсто костра, у котораго грѣлись апостолъ Петръ и воины; здѣсь же происходило троекратное отреченіе Петра. Въ монастырской церкви, маленькой и бѣдно обставленной, престоломъ служить камень, отваленный ангеломъ отъ погребальной пещеры Господней. Оригиналенъ также одинъ изъ образовъ. Если смотрѣть на него слѣва—видишь Божию Матерь, прямо—Спасителя, справа—какого-то святого. На расположенный рядомъ съ престоломъ придѣлъ указываютъ, какъ на темницу Спасителя. Такихъ темницъ насчитывается въ Іерусалимѣ нѣсколько. Между прочимъ, и въ домѣ Анны—теперь также армянскій женскій монастырь—расположенномъ въ какихъ-нибудь ста саженьяхъ отъ дома Каіафы, на одну изъ комнатъ указываютъ, какъ на «темницу». Тамъ же на дворѣ показываютъ дерево, къ которому былъ привязанъ Спаситель.

Близъ дома Каіафы, на югъ, стоялъ домъ апостола Іоанна, въ которомъ проживала Божія Матерь до своего успенія. Въ виду выдающагося значенія этого мѣста, принадлежавшаго частному владѣльцу, его старались приобрѣсти представители разныхъ вѣроисповѣданій, предлагая крупныя суммы, но безуспѣшно. Наконецъ, хотя, говорятъ, и не безъ труда, его купилъ самъ султанъ, чтобы преподнести въ видѣ подарка Вильгельму II, при его посѣщеніи Іерусалима, и теперь нѣмцы строятъ здѣсь грандіозный храмъ.

Рядомъ со стройкой, на обширномъ мѣстѣ, принадлежащемъ магометанамъ, находится домъ Тайной Вечери. Въ свою очередь, магометане считаютъ это мѣсто гробницей царя Давида. Большая, высокая, сводчатая комната раздѣлена колоннами на двѣ

части. Въ первой—происходила Тайная Вечера, вторая—мѣсто сошествія Св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы. Теперь въ этой послѣдней показываютъ гробницу Давида. Подъ комнатою Св. Духа находится мѣсто—христіанъ туда не пускаютъ—двукратнаго явленія Спасителя апостоламъ въ первый и восьмой день по воскресеніи, а подъ комнатою Тайной Вечери—горница, гдѣ происходило умовеніе ногъ.

Вернувшись въ городъ, направились къ Стефанскимъ воротамъ, съ цѣлью осмотрѣть находящуюся близъ нихъ католическую церковь св. Анны. Идти пришлось молочнымъ базаромъ. Какая толчея и какая грязь! Ступеньки длиннѣйшей пологой лѣстницы сплошь заняты грязнѣйшими арабками, въ грязнѣйшихъ отрепьяхъ, продающихъ молоко изъ вонючихъ бурдюковъ, отверстія которыхъ онѣ затыкаютъ собственными грязными пальцами... Въ теченіе нѣсколькихъ дней, жена—любительника молока—не могла на него смотрѣть.

Церковь св. Анны занимаетъ мѣсто, гдѣ прежде стояла древняя церковь, о которой уже хроники VII вѣка упоминаютъ, какъ о выстроенной на мѣстѣ прежняго дома, гдѣ жили Іоакимъ и Анна—родители Божіей Матери и гдѣ родилась Пресвятая Дѣва. Эту первую церковь замѣнила другая, выстроенная въ XII вѣкѣ крестоносцами. Саладинъ превратилъ ее въ школу, а въ 1856 году, послѣ крымской войны, она была подарена султаномъ Наполеону III и принадлежитъ теперь алжирскимъ монахамъ. До сихъ поръ надъ входными дверями сохранилась арабская надпись временъ Саладина. Церковь—красивая, изящная, прекрасно содержится. По лѣстницѣ спускаемся въ пещеру, гдѣ по преданію родилась Божія Матерь. Въ ней два придѣла, со статуями Іоакима и Анны, около которыхъ въ колыбелькѣ лежитъ младенецъ—Пр. Дѣва. Близъ церкви производятся раскопки. Это мѣсто древней Вивезды—Овчей купели, гдѣ Спаситель исцѣлилъ разслабленнаго. Длинный, узкій бассейнъ, къ которому спускаются по лѣстницѣ, выложенъ камнемъ и наполненъ водою. На стѣнахъ чуть замѣтныя, сильно потертыя изображенія свидѣтельствуютъ, что уже съ V вѣка къ этому именно мѣсту приурочивалось чудо исцѣленія.

Черезъ небольшой, но прекрасно содержимый, весь въ цвѣтахъ, дворикъ прошли въ другую часть монастыря, гдѣ находится музей древностей. Онъ не великъ, но разнообразенъ и интересенъ. По словамъ завѣдующаго имъ монаха, главной его достопримѣчательностью является каменное, овальной формы ядро—модель древней денежной единицы—таланта. Это—уникумъ. Слитокъ серебра такого размѣра стоилъ десять тысячъ

франковъ. Затѣмъ большая коллекція древнихъ монетъ и между ними—серебренникъ. Тридцать серебренниковъ, за которые былъ проданъ Спаситель, равнялись ста франкамъ. Нѣсколько баночекъ съ манной, которая, по увѣреніямъ монаха, продолжаетъ падать и нынѣ. Послѣдній разъ она выпала гдѣ-то въ окрестностяхъ Іерусалима въ 1890 году. Вотъ праща и тотъ камень, которымъ Давидъ убилъ Голиафа, а вотъ копье, которымъ былъ прободенъ бокъ Іисуса. Довольно большая коллекція мѣстныхъ змѣй и разныхъ гадовъ въ спиртовыхъ склянкахъ и очень интересная модель походнаго святилища евреевъ, съ жертвенникомъ и ковчегомъ завѣта.

Въ высшей степени благопріятное впечатлѣніе произвелъ на насъ завѣдующій музеемъ монахъ. Красивый, высокій старикъ, живой и веселый—онъ съ юношескимъ жаромъ, съ видимою любовью показывалъ свои сокровища. Какъ ручеекъ текла его вполне интеллигентная рѣчь, пересыпаемая образными выраженіями, полная добродушнаго юмора. Въ сущности, онъ прочелъ намъ цѣлую лекцію о собранныхъ въ музеѣ древностяхъ и когда при прощаніи я хотѣлъ его поблагодарить, онъ съ добродушной улыбкой отклонилъ мою руку, предложивъ опустить лепту въ вѣшешенную у входа кружку—«pour la continuation des travaux, monsieur, exclusivement—pour les travaux».

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что между «святыми» мѣстами и другими учрежденіями—монастырями, больницами, школами, принадлежащими католикамъ, и таковыми же, принадлежащими грекамъ,—огромная разниа. Насколько все это у грековъ содержится безпорядочно, грязно, неряшливо, настолько у католиковъ все чисто, красиво, изящно. Да и самъ греческій монахъ, въ сравненіи съ католическимъ—грубый неучъ-мужикъ. Мы же, русскіе, занимаемъ въ этомъ отношеніи середину, съ порядочнымъ, впрочемъ, уклономъ въ сторону греческую, такъ какъ настоящіе порядокъ и чистота, не говоря уже о красотѣ и изяществѣ, встрѣчаются у насъ, какъ рѣдкое исключеніе.

XXXVII.

Погребальная пещера Богородицы и пещера «Моленія о чашѣ».—Католическій Геесиманскій садъ и русское Геесиманское мѣсто.—Церковь Маріи Магдалины.

30 марта (12 апрѣля).

Утромъ спустились опять въ Кедронскую долину. Пыльная, каменистая дорога кишитъ нищими, изъ которыхъ три четверти прокаженныхъ. На послѣднихъ страшно смотрѣть. У кого

отвалились руки, у кого ноги, у иных все тѣло въ отвратительныхъ язвахъ... Сейчасъ за верхнимъ мостомъ находится погребальная пещера Богородицы. Нѣкогда здѣсь стоялъ храмъ, сооруженный въ V вѣкѣ императрицей Евдокіей. Разрушенный персами, онъ былъ восстановленъ въ 1161 году Мелисендой, дочерью Балдуина II, короля іерусалимскаго. Въ настоящее время отъ верхней церкви не осталось и слѣда, существуетъ одна подземная погребальная пещера. Съ находящейся передъ нею площадки спускаемся по широкой лѣстницѣ въ сорокъ семь ступеней. Почти на ея срединѣ—два боковые придѣла Іоакима и Анны и св. Іосифа. Въ длинной части совѣтъ темной пещеры—небольшая часовня, въ которой могутъ помѣститься не болѣе четырехъ человекъ. Въ ней—погребальное ложе, покрытое мраморной плитой. Рядомъ—армянскій престолъ и мусульманскій микрабъ, гдѣ мусульмане, преимущественно женщины, молятся Ситти Маріамъ (Госпожѣ Маріи), матери пророка Исы.

Пещера принадлежитъ грекамъ, а потому бѣдно обставлена, содержится грязно, неряшливо.

Съ верхней площадки боковой проходъ ведетъ въ другую, почти круглую пещеру «Моленія о чашѣ» (Grotte de l'Agonie). Такъ какъ въ Евангеліи не говорится, что Спаситель молился въ пещерѣ, то православные признаютъ ее тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ожидали Спасителя Его восемь учениковъ. Внутри она не представляетъ ничего особеннаго: три алтаря, нѣсколько широкихъ каменныхъ скамеекъ. Тѣмъ не менѣе, сразу видно, что она принадлежитъ католикамъ: вездѣ чистота и порядокъ.

Поворачиваемъ направо и входимъ въ католическій Геосиманскій садъ,—чудный уголокъ, весь въ цвѣтахъ, съ восьмью старыми маслинами,—отростками тѣхъ, которыя были свидѣтельницами ночной молитвы Спасителя. Садъ обнесенъ оградой. По ней—рядъ витринъ съ изображеніемъ всѣхъ «остановокъ креста» и прекрасная скульптура Кановы—Моленіе о чашѣ. Привратникъ сада, монахъ-итальянецъ, преподнесъ женѣ нѣсколько такихъ крупныхъ левкоевъ, какихъ мы никогда не видѣли и букетикъ тоже замѣчательныхъ по величинѣ анютиныхъ глазокъ.

Сейчасъ за оградой продолговатый камень указываетъ мѣсто, гдѣ въ ожиданіи Учителя заснули апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, а немного подальше показываютъ обломокъ каменнаго столба—мѣсто предательскаго поцѣлуя Іуды.

Почти противъ камня «трехъ апостоловъ» большія ворота ведутъ въ русское Геосиманское мѣсто. Оно приобрѣтено сравни-

тельно недавно, послѣ посѣщенія Іерусалима въ 1881 году великими князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами, а въ 1888 году была освящена построенная на средства царской семьи церковь во имя Маріи Магдалины. Церковь небольшая, но богато обставленная внутри и красивая снаружи. Очень хорошъ иконостасъ, съ образами работы Верещагина. Особенно замѣчательнъ его запрестольный образъ, изображающій женъ-мвроносицъ у погребальной пещеры. Обращаетъ на себя вниманіе и большая картина надъ иконостасомъ: Марія Магдалина является въ Римъ къ императору Тиверію и, подавая ему красное яичко, рассказываетъ о послѣднихъ дняхъ и воскресеніи Спасителя.

Кругомъ церкви, по склонамъ горы разбитъ довольно большой садъ. Тутъ же и кладбище. Но, увы! все это принадлежитъ русскимъ, а потому садъ запущенъ, а за могилами не замѣтно никакого ухода. И тѣмъ не менѣе, это мѣсто одно изъ красивѣйшихъ среди окрестностей Іерусалима. Съ церковной паперти замѣчательный видъ. Подъ ногами—сначала зеленый склонъ Елеонской горы, потомъ Кедронская долина. За ней—гора Моріа, съ магометанскимъ кладбищемъ внизу, надъ которымъ поднимаются стѣны стараго города. Вдали, направо—русское подворье, съ Троицкимъ соборомъ, лѣвѣе—остроконечная башня католическаго монастыря Спасителя; далѣе—два купола храма Воскресенія, Русский домъ, католическая церковь—также Спасителя и башня Давида. По той же сторонѣ, но ближе—обширная площадь Харамъ-ешъ-Шерифа, съ ея двумя мечетями и золотыми воротами; еще лѣвѣе—большія зданія двухъ еврейскихъ синагогъ, армянская семинарія и, наконецъ, гора Сіонъ, съ домомъ Тайной Вечери. Въ свою очередь, и видъ изъ города на церковь Маріи Магдалины очень хорошъ, особенно когда на ея золотомъ куполѣ, играя и вспыхивая, отражаются лучи заходящаго солнца.

Въ тотъ же день, въ 4 часа, принимали патріарха Даміана, захватившаго съ отвѣтнымъ визитомъ, а вечеромъ пили чай у начальника русской духовной миссіи—архимандрита Леонида, человѣка еще нестарого, симпатичнаго и обладающаго незаурядной наблюдательностью. Онъ много путешествовалъ, много видѣлъ, хорошо рассказывалъ, и слушать его было интересно.

XXXVIII.

Иерихонъ, Іорданъ и Мертвое море.—Виванія.

Въ субботу, 31-го марта, въ 8 часовъ утра, за нами заѣхалъ нашъ генеральный консулъ Я—ъ, и мы тронулись въ путь, въ двухъ коляскахъ, запряженныхъ тройкой—двѣ лошади въ корню, одна на пристяжкѣ—и съ двумя кавасами на козлахъ. Коляски громоздкія, потрепанныя, съ узкими неудобными сидѣньями. Тормоза ржавые и при спускахъ—а путь въ Иерихонъ почти сплошной спускъ—пренепріятно визжать. Сначала дорога идетъ знакомыми мѣстами, по Кедронской долинкѣ, мимо погребальной пещеры Богоматери и Геосиманскаго сада. Направо—гора «Скандала», внизу вонючая бойня и проклятое Иисусомъ фиговое дерево. Черезъ три четверти часа—деревня Виванія, съ развалинами дома Симона Прокаженного и гробницей Лазаря. Потомъ—небольшой монастырь, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ смерти Лазаря его сестра Марфа встрѣтила Спасителя и гдѣ показываютъ камень, на которомъ Онъ сидѣлъ. Чѣмъ дальше отъ Іерусалима, тѣмъ хуже становится дорога. Отъ массы безпорядочно набросаннаго камня коляска подпрыгиваетъ, какъ мячикъ. Проведенная, въ 1898 году, по случаю пріѣзда германскаго императора, она съ тѣхъ поръ не чинилась и, надо полагать, что черезъ нѣсколько лѣтъ станетъ совсѣмъ непроѣздной. Тогда на путешествіе въ Иерихонъ будутъ опять смотрѣть, какъ на своего рода подвигъ, какъ то было до 1898 года, когда горныя дебри и каменистыя тропы Іудеи были доступны однимъ пѣшеходамъ, всадникамъ и вьючнымъ животнымъ. Интересно, что тотъ, для кого была проложена дорога, ею не воспользовался. Вильгельмъ II въ Иерихонъ не поѣхалъ. Злые языки увѣряютъ, что онъ испугался «Иерихонки»—особаго рода прыща, появляющагося на лицѣ отъ употребленія мѣстной воды, не пропадающаго въ теченіи восьми мѣсяцевъ и оставляющаго слѣдъ. Впрочемъ, и мы сами, на что ужъ простые смертные—не безъ опаски думали объ этомъ «пріятномъ» прыщѣ и запаслись поэтому порядочной дозой борной кислоты.

Неудовлетворительная со стороны удобнаго, спокойнаго передвиженія, Иерихонская дорога сверхъ того, особенно въ средней ея части, однообразна и скучна до-нельзя. Лишь кое-гдѣ склоны горъ и песчаныхъ холмовъ покрыты, какъ бородавками, кустиками травы. Но теперь, въ самый разгаръ весны, эти ку-

стики хоть зелены; а черезъ какой-нибудь мѣсяцъ и эти жалкіе признаки жизни будутъ выжжены солнцемъ.

Первая остановка у такъ называемаго «источника апостоловъ». Это—единственный водоемъ на всемъ пути въ Іерихонъ. По преданію, здѣсь часто отдыхали апостолы. Теперь надъ источникомъ, воду котораго не совѣтуютъ пить, такъ какъ она кишитъ пѣявками, стоитъ небольшая современная каменная постройка, замѣнившая древнюю, воздвигнутую здѣсь въ XVI вѣкѣ. По другой сторонѣ дороги находится маленькая грязная лавченка, откуда, пока поятъ лошадей, проѣзжающимъ выносятъ кофе.

Вторая остановка приблизительно на полъ-пути у хана (постоялый дворъ) Хафуза или, какъ его чаще называютъ, хана Добраго Самаритянина, приурочивая къ этому мѣсту событіе извѣстной притчи. Тутъ полагается кормить лошадей и закусывать. Помѣщеніе довольно большое, но и очень грязное. У Бедекера про этотъ ханъ сказано: «*rafraichissements dans un bon café*». Хотя понятіе «*bon*»—понятіе относительное, тѣмъ не менѣе гораздо правильнѣе было бы его замѣнить словомъ «*sal*». Одна изъ его комнатъ превращена въ лавку-базаръ разныхъ мѣстныхъ произведеній—грошовыхъ, блестящихъ украшеній, бусъ, папокъ и т. п.

Встрѣтили тамъ французскаго консула J—е, съ семействомъ, возвращавшагося изъ поѣздки въ Іерихонъ. Я—ъ насъ познакомилъ, и мы вмѣстѣ расположились закусывать. У консульской дочки—хорошенькіе глазки, а самъ консулъ оказался изъ очень говорливыхъ и такъ и сыпалъ остротами. На заявленіе Я—а, что онъ очень любитъ чай и дома пьетъ его по четыре раза въ день, консулъ тотчасъ же замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ *c'est une maison à fréquenter (fréquents thés)*.

Надъ ханомъ возвышается «кровавый холмъ», съ развалинами средневѣковой крѣпости. Названіе это онъ получилъ, говорятъ, вслѣдствіе краснаго цвѣта его камней. Я лично, впрочемъ, никакой особой «красноты» не замѣтилъ.

Послѣ двухчасовой остановки двинулись дальше. Опять—несносное прыганье по камнямъ, отъ котораго начинается покалывать въ боку. Открывается видъ на ущелье ель-Кельтъ, съ находящимся въ немъ Хузитскимъ монастыремъ. Мы посѣтили этотъ монастырь на обратномъ пути, а потому о немъ послѣ.

Наконецъ, скученныя у дороги горы понемногу отодвигаются, горизонтъ расширяется и вдали показывается темная масса воды—Мертвое море. Еще немного—и передъ нами вся Іорданская долина. Утомленные предыдущимъ однообразіемъ, сѣ-

рой однотонностью красокъ, глаза ваши теперь отдыхаютъ, стараясь схватить всё подробности дивной панорамы.

Широкимъ ярко-зеленымъ полукругомъ охватываетъ долина темную водяную поверхность, кажущуюся еще болѣе мрачной отъ круто возвышающихся надъ ней съ востока Моавитскихъ горъ. Налѣво—тонкія верхушки камышей указываютъ теченіе Иордана и то мѣсто, гдѣ онъ впадаетъ въ Мертвое море. По ту его сторону высится другая каменная громада—Аммонитскія горы. Между ними—библейскій Навафъ—гора Неба,—гдѣ умеръ Моисей, успѣвъ лишь взглянуть на землю Обѣтованную.

Спускъ становится такимъ крутымъ, что приходится вылѣзть изъ колясокъ. Наконецъ—мы въ долину. Направо, близъ дороги, старый водоемъ, называемый неизвѣстно почему прудомъ Моисея. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что во всей Палестинѣ сильно злоупотребляютъ библейскими и даже евангельскими названіями. Вѣрнѣе всего, что это водоемъ являлся частью цѣлой водопроводной системы, которая во времена римскаго владычества служила къ орошенію Иорданской долины, превращая ее въ сплошную цвѣтущую садъ. Благодаря жаркому, субъ-тропическому климату, здѣсь росли пальмовыя рощи, цѣлые сады бальзамовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ выдѣлывался знаменитый іерихонскій бальзамъ, цѣнившійся на вѣсь золота. Теперь ничего этого нѣтъ и, за исключеніемъ двухъ весеннихъ мѣсяцевъ, когда она оживляется зеленью посѣвовъ, въ остальное время года Иорданская долина представляетъ мертвую пустыню, почти лишенную всякой растительности. Одинъ лишь терновникъ растетъ въ изобиліи,—тотъ самый, изъ котораго былъ сплетенъ вѣнецъ Спасителя, да по берегамъ Мертваго моря изрѣдка еще встрѣчается «*solanum sanctum*»—двухаршинный кустъ, съ красными плодами, такъ называемыми «содомскими яблоками». Даже знаменитая іерихонская роза и та исчезла. Свойство этого крестовиднаго растенія, очень отдаленно напоминающаго розовый бутонъ, оживать послѣ опущенія въ воду—по словамъ одного нѣмецкаго ботаника былъ случай оживленія черезъ семьсотъ лѣтъ—превратило его въ эмблему воскресенія, породило множество легендъ. Говорили, что оно растетъ исключительно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходила Богородица, что оно расцвѣтаетъ въ извѣстные большіе праздники и т. п. Что же касается до встрѣчающейся повсемѣстно въ продажѣ іерихонской розы, то она ничего общаго съ настоящей не имѣетъ. Это совсѣмъ другое растеніе, хотя, правда, обладающее также свойствомъ распускаться въ водѣ. Говорятъ, въ настоящее время подлинную іерихонскую розу можно еще встрѣтить, какъ рѣдкость, въ окрест-

ностяхъ Массады—развалины древней крѣпости на берегу Мертваго моря.

Вотъ, наконецъ, и Іерихонъ, или какъ называютъ его теперь, деревня Ериха. Древній Іерихонъ,—тотъ, стѣны котораго были разрушены Іисусомъ Навиномъ, находился лѣвѣе, у подножія горы Каранталъ (Сорокодневной), на мѣстѣ же теперешней деревни стоялъ Іерихонъ, выстроенный крестоносцами; но и отъ послѣдняго сохранились лишь развалины одной старой башни, получившей въ послѣдствіи названіе дома мытаря Закхея.

Современный Іерихонъ представляетъ жалкую грязную деревушку, съ тремястами жителей. Здѣсь живетъ Мудиръ и управляющій султанскими имѣніями, тянущимися полосой отъ Тиверіадскаго озера до Мертваго моря,—есть нѣсколько магазиновъ, три-четыре плохенькія гостиницы и русская церковь, во имя пророка Елишѣя, выстроенная на средства русской паломницы Богдановой. Деревушка утопаетъ въ садахъ. Растительность—субъ-тропическая: пальмы, бананы и т. п., и по ней можно судить, какимъ раемъ являлась Іорданская долина, когда она принадлежала римлянамъ—мастерамъ въ дѣлѣ орошенія.

У самага вѣзда въ деревню находится русскій страннопріемный домъ, выстроенный извѣстнымъ архимандритомъ Антониномъ. Онъ довольно большой. Нижній этажъ отведенъ для паломниковъ изъ простонародія, верхній—подъ «чистую» публику. Кругомъ второго этажа—довольно широкій балконъ, съ хорошимъ видомъ. Его двери выходятъ въ большую, во всю ширину дома, комнату. Это—«общая» комната, одновременно и гостиная и столовая. Въ остальномъ характеръ помѣщенія обычный всѣмъ монастырскимъ гостиницамъ. Цѣна комнатъ умѣренная—три франка въ сутки.

Передъ домомъ—дворъ, окруженный хозяйственными постройками, и нѣсколько деревьевъ. Среди нихъ—смоковница, на которую влѣзалъ Закхей, чтобы видѣть проходившаго Христа. Смоковница—въ цвѣтѣ лѣтъ... Есть и небольшой садикъ, гдѣ цвѣтущія апельсиновые деревья наполняютъ воздухъ прянымъ ароматомъ. Немного дальше, за садомъ, копошатся на постройкѣ люди. То строятъ домъ для архимандрита Леонида.

Прислуга гостиницы состоитъ изъ женщины-грѣшницы Александры, какъ она себя называетъ, и послушника Алексѣя. Первая оказалась очень порядочной кухаркой, сваривъ намъ превкусный супъ изъ курицы, а на слѣдующій день—еще болѣе вкусный—изъ зайца, купленнаго вмѣстѣ съ двумя куропатками у мѣстнаго охотника.

Напились чая, немного отдохнули и отправились пѣшкомъ къ источнику Султана (Айнъ-есъ-Султанъ), извѣстнаго у паломниковъ подъ названіемъ источника Елисѣя, превратившаго скверную его воду въ хорошую, бросивъ въ него соли. Ходьбы туда съ полчаса. Дорога почти все время идетъ среди зелени садовъ, между которыми находится и русскій, принадлежащій общинѣ Елеонской горы. Для начальницы общины, М. В., о которой я уже говорилъ, садъ этотъ является любимѣйшимъ предметомъ заботъ. Недавно она посадила тутъ вывезенную изъ Россіи малину и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ результатовъ. Фруктовыя деревья въ цвѣтѣ и кажутся осыпанными бѣлымъ и розовымъ снѣгомъ. Кое-гдѣ на темномъ фонѣ зелени красиво выдѣляются ярко-красныя цвѣты гранатовыхъ деревьевъ и такъ силенъ запахъ fleur d'orange'a, что даже ударяетъ въ голову.

Источникъ Елисѣя—небольшой, обдѣланный камнемъ водоемъ. Около него—грязноватый «ханъ», изъ котораго намъ вынесли стулья и неизбѣжный кофе. Столомъ служилъ деревянный ящикъ изъ подъ фруктовъ. Жара начинала спадать, и мы съ удовольствіемъ просидѣли около часа, наслаждаясь тихимъ вечеромъ и любуясь шапкообразной Сорокодневной горой, съ ея, словно врѣзаннымъ въ отвѣсную скалу, монастырькомъ.

Вернувшись домой, пообѣдали и очень скоро разошлись по своимъ комнатамъ. Ночью наши привыкшія къ пружиннымъ матрацамъ тѣла протестовали довольно-таки безпокойнымъ сномъ. Сверхъ того и Ериха въ эту ночь словно взбѣсилась: зажженные костры, пѣніе, пляска, крики, даже выстрѣлы. «Это у нихъ, почитай, что кажинную ночь такъ... Веселый народъ!»—объяснила грѣшница Александра, прощаясь и, будто въ насмѣшку, желая намъ «спокойной» ночи.

1 (14) апрѣля.

Встали рано и въ 8 часовъ утра поѣхали къ Іордану, до котораго считается семь верстъ. По пути остановились въ монастырѣ св. Іоанна Крестителя. Монастырь—убогій, въ немъ всего шесть монаховъ и игуменъ Максимъ. Онъ построенъ лѣтъ пятнадцать назадъ на мѣстѣ стараго, пришедшаго въ ветхость. Въ то время теперешній игуменъ былъ простымъ монахомъ и чтобы отвадить любителей чужой собственности, которыхъ среди мѣстнаго населенія не мало,—онъ, пользуясь слухомъ, что это мѣсто нечисто, однажды въ сумеркахъ вырядился шайтаномъ, т.-е. попросту вывалялся голымъ въ грязи и перьяхъ и, подкарауливъ воровъ, наскочилъ на нихъ съ дикими криками. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, кражи монастырскаго имущества совѣмъ прекратились. Глядя

на теперешняго игумена—скромнаго, тихаго, какъ будто даже робкаго старца—трудно было повѣрить, чтобы онъ былъ способенъ на такую выходку.

Во время угощенія, состоявшаго какъ и всегда изъ варенья, воды, коньяка и кофе, намъ пришлось выслушать пѣлый потокъ жалобъ на трудное житіе, недостатокъ средствъ, на паломниковъ, которыхъ приходится поить и кормить, но которые, уже оборанные основательно въ Іерусалимѣ, жертвуютъ гроши или даже ничего не жертвуютъ. Потомъ осмотрѣли ничѣмъ не замѣчательную церковь, получили стереотипное «благословеніе»—образокъ и печатное воззваніе къ благочестивымъ жертвователямъ—и, захвативъ съ собою отца Максима, отправились дальше.

Вотъ и Іорданъ, вотъ «священная» рѣка, продолжающая и понынѣ играть въ исторіи человѣчества такую же роль, какаю нѣкогда принадлежала древнему Нилу. Вездѣ и постоянно приходилось читать и слышать, что Іорданъ незначительная, невзрачная рѣчонка, на насъ же онъ произвелъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Правда, онъ не широкъ—четырнадцать сажень, не больше—и по величинѣ его нельзя и сравнивать съ двумя другими священными міровыми рѣками—Ниломъ и Гангомъ; но его капризно извивающіеся берега, сплошь покрытые богатой растительностью, красивы и живописны. Быть можетъ, все дѣло опять во времени года и возможно, что лишенный зелени, или когда она выжжена солнцемъ, Іорданъ принимаетъ совсѣмъ другой видъ.

Довольно долго сидѣли мы на берегу, въ ожиданіи монастырской лодки: отецъ рыболовъ отправился куда-то рыбачить. Наконецъ, вдали раздалось его отвѣтное ауканье. Переправились на другой берегъ и пошли къ мѣсту крещенія Спасителя. Представьте себѣ небольшую, грязную, поросшую камышомъ лужу, черезъ которую перекинута животрепещущіе мостки изъ сучьевъ. И больше ничего... Ни часовни, ни креста, ни малѣйшаго камешка, — словомъ — рѣшительно ничего, напоминающаго, что здѣсь нѣкогда произошло событіе, представляющее огромное значеніе для всего христіанскаго міра! Впрочемъ, мѣсто это принадлежитъ грекамъ, и этимъ все сказано... Немного дальше, среди густой заросли, небольшой кусокъ отрытой мозаики указываетъ мѣсто, гдѣ когда-то стоялъ древній храмъ во имя св. Троицы.

Сѣли въ лодку и направились къ Мертвому морю. Теченіе такое быстрое, что грести почти не приходится. Вода—желтая, мутная. На каждомъ шагѣ—повороты. Врядъ ли существуетъ другая рѣка съ такимъ извилистымъ, змѣеобразнымъ русломъ. Достаточно сказать, что при длинѣ Іорданской долины, считая

отъ Тиверіадскаго озера до Мертваго моря, въ сто верстъ, длина самого Іордана втрое больше—равняется тремстамъ верстамъ. Скрываясь въ прибрежной заросли и перелетая съ мѣста на мѣсто, заливаются и щебечутъ птицы. Я замѣтилъ нѣсколько яркихъ, красивыхъ опереній. Со мной было ружье, но изъ дичи попадались одни маленькіе кулички-песчаники. По одному изъ нихъ я все-таки выстрѣлилъ.

Въ какихъ-нибудь двадцать минутъ долетѣли мы до мѣста, гдѣ два раза въ году—наканунѣ Крешенія и въ понедѣльникъ страстной недѣли—происходятъ торжественныя богослуженія, послѣ которыхъ тысячи паломниковъ погружаются въ воды Іордана. Тутъ же на берегу—«ханъ» и пристань, гдѣ берутъ лодки для проѣзда къ Мертвому морю. И здѣсь насъ ожидало нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Владѣлецъ хана и пристани—какой-то полу-грекъ, полу-турокъ—признавая за собой, неизвѣстно почему, исключительное право возить по Іордану туристовъ на своихъ лодкахъ, какъ только мы высадились на берегъ, накинулся на отца Максима съ бранью и угрозами за то, что тотъ осмѣлился привезти насъ въ монастырской лодкѣ. Рѣдко приходилось видѣть человека въ такомъ бѣшенomъ состояніи. Съ налитыми кровью глазами, съ пѣною у рта, съ поднятыми кулаками налеталъ онъ на бѣднаго игумена. Отъ его дикихъ, пронзительныхъ выкриковъ въ ушахъ звенѣло и не будь около него двухъ какихъ-то субъектовъ—ни то служащихъ, ни то родственниковъ—которые въ самые критическіе моменты схватывали его и оттаскивали, отцу Максиму пришлось бы плохо. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, вырвавшись изъ удерживавшихъ его рукъ, онъ бросился въ ханъ и выбѣжалъ оттуда съ ружьемъ. Но парни опять на него набросились, обезоружили и увели въ домъ. Послѣ этого онъ какъ будто стихъ, но зато на бѣднаго отца Максима жалко было смотрѣть. Объяснивъ намъ, что бѣшенный субъектъ заявилъ, что арестовываетъ лодку и будетъ стрѣлять въ каждого, кто въ нее сядетъ, онъ послалъ одного изъ сопровождавшихъ насъ монаховъ въ монастырь себѣ за осломъ.—«А вотъ онъ,—указывая на отца рыболова,—не боится, хочетъ ѣхать въ лодкѣ... Только вы ужъ, пожалуйста, дайте намъ уѣхать впередъ. Можетъ, при васъ онъ и не посмѣетъ».

Мы расположились подъ тѣмъ самымъ навѣсомъ, гдѣ происходятъ указанныя выше торжественныя богослуженія. Навѣсъ—жалкій, полу-разрушенный, крыша вся въ дыркахъ. Пока мы закусывали, отцу Максиму привели осла. Опасливо поглядывая на двери хана, онъ взгромоздился на него и уѣхалъ. Теперь оставалось отправить отца рыболова. Торжественнымъ шествіемъ

направились мы къ лодкѣ. Впереди—отецъ рыболовъ, съ двумя нашими кавасами по бокамъ, за ними съ достоинствомъ выступалъ Я—ъ, потомъ и мы. Быстро отвязавъ веревку, монахъ вскочилъ въ лодку и схватился за весла, кавасы отпихнули лодку, и нѣсколько сконфуженные ненужной торжественностью выступления мы собирались уже уходить, какъ вдругъ раздался совсѣмъ дикій вой, и въ окнѣ хана появилась фигура бѣшеннаго грека съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ цѣлилъ прямо въ лодку. Мы застыли на мѣстѣ, испуганно ахнула жена, беспорядочно махая руками съ крикомъ бросились къ окну кавасы. Въ свою очередь и монахъ, замѣтя опасность, бросилъ весла и распластался по дну лодки. Выстрѣла, однако, не послѣдовало. Товарищи грека набросились на него сзади и послѣ долгой борьбы, сопровождавшейся яростными воплями и криками, обезоружили его. Монахъ опять взялъ весла и въ нѣсколько ударовъ скрылся за поворотомъ, а мы съ облегченіемъ вздохнули и направились къ коляскамъ. По ранѣ составленному плану, мы должны были здѣсь, на пристани, взять лодку и проѣхать къ Мертвому морю, но, конечно, послѣ всего происшедшаго имѣть дѣло съ сумасшедшимъ грекомъ не приходилось. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ, бѣшенный нравъ этого субъекта повелъ лишь къ тому, что лишилъ его заработка.

Дорога къ Мертвому морю проходитъ мимо Герасимовскаго монастыря, основателемъ котораго считаютъ св. Герасима. Объ этомъ святомъ сохранилась извѣстная поэтическая легенда. Герасимъ, встрѣтивъ въ пустынѣ льва, занозившаго себѣ лапу, вынулъ занозу, послѣ чего левъ послѣдовалъ за нимъ въ монастырь, гдѣ сталъ исполнять разныя хозяйственныя работы, между прочимъ—пасъ монастырскаго осла. Однажды, когда левъ отлучился, осла увелъ проходившій караванъ. Въ монастырѣ подумали, что левъ съѣлъ осла, и Герасимъ, въ наказаніе, возложилъ на него ослиную работу—привозить изъ Иордана воду. Много времени спустя, возвращавшемуся съ рѣки лъву, повстрѣчался караванъ, уведшій осла. Увидѣвъ послѣдняго, левъ привелъ его въ монастырь. Когда св. Герасимъ скончался, левъ пришелъ на его могилу, жалобно зарычалъ и тутъ же издохъ.

Герасимовская обитель нѣсколько больше монастыря Іоанна Крестителя, въ ней десять монаховъ. Настоятеля мы не застали, онъ уѣхалъ наканунѣ въ Іерусалимъ—и насъ принимали два монаха, изъ которыхъ одинъ, проживъ долго въ Америкѣ, прекрасно говорилъ по-англійски. Осмотрѣвъ церковь, съ сохранившимися кое-гдѣ по стѣнамъ полуистертыми изображеніями XII вѣка съ кусками старой мозаики, отвѣдавъ обычнаго угощенія, съ добавленіемъ очень недурной паюсной икры, мы поѣхали дальше.

Вотъ и Мертвое море, когда-то прѣтупая Содомская долина, съ городами Содомомъ и Гомморой, грѣшная жизнь обитателей которыхъ навлекла на нихъ гнѣвъ Господа. Не нашлось тамъ и десяти праведниковъ, и города были уничтожены пожаромъ, а воды Иордана залили долину. Въ Коранѣ также упоминается объ этомъ событіи, и арабы зовутъ Мертвое море—Лотовымъ.

Иордану не трудно было залить Содомскую долину, такъ какъ она является самой глубокой впадиной на всей земной поверхности: дно Мертваго моря на триста семьдесятъ саженъ ниже уровня Средиземнаго моря. Если бы Иорданскую долину соединить съ послѣднимъ, то и она превратилась бы въ море, а уровень Мертваго моря поднялся бы на сто восемьдесятъ саженъ. Достаточно извѣстны и другія особенности этого моря: плотность его воды, происходящая отъ насыщенья ея разными минеральными веществами,—главнымъ образомъ—солью—и постоянныя сильныя испаренія, поглощающія вновь притекающую воду. Плавать въ немъ очень легко, вода васъ держитъ, какъ пробку. Съ другой стороны понятно, что въ такомъ минеральномъ растворѣ никакая животная жизнь невозможна, и мертвымъ оно названо не даромъ.

Да, не веселое мѣсто... Угрюмы, суровы его берега, безъ признака какой бы то ни было растительности. Кругомъ—одинъ песокъ да камни. Мы присѣли у самой воды, на полуразвалившуюся опрокинутую лодку и молча смотрѣли, какъ подъ лучами заходящаго солнца постепенно мѣнялась окраска дальнихъ склоновъ и кражей. Это было красиво, но тѣмъ мрачнѣе казалась огромная водная поверхность. Даже прощальныя улыбки солнца, блѣдно и тускло отражаясь въ его тяжелыхъ, свинцовыхъ водахъ, не могли развеселить угрюмаго моря.

Я опустилъ въ воду руку. Она стала маслянистой, и это противное ощущеніе сохранялось довольно долго.

День близился къ концу, когда мы сѣли въ коляски и направились обратно въ Иерихонъ. Унылые берега мрачнаго моря смѣнились зелеными полями. Тропическій зной спалъ, въ воздухѣ чудно пахло хлѣбными растеніями, и этотъ родной запахъ расширялъ и радовалъ грудь. Съ мѣста на мѣсто перепархивали перепелки. Кавасъ, у котораго было мое ружье, оказался страстнымъ охотникомъ. Онъ нѣсколько разъ соскакивалъ съ козелъ и старался подобраться то къ подозрѣнной стайкѣ куропатокъ, то къ сидящимъ въ заводѣ уткамъ, то съ цѣлью вытоптать перемѣстившуюся перепелку.

А по возвращеніи, грѣшница Александра угостила насъ чудеснымъ супомъ изъ зайца. Никто изъ насъ такого супа никогда не ѣлъ. По этому случаю Я—ъ очень резонно замѣтилъ, что въ

этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы и въ Іерихонѣ никогда прежде не были, а, затѣмъ, что супъ можно дѣлать изъ чего угодно, и онъ никогда не понималъ, почему такъ ограниченъ матеріалъ, изъ котораго его обычно готовятъ. — «А вотъ я завтра закажу себѣ супъ изъ поросенка, — неожиданно заключилъ онъ. — Александра, пожалуйста сюда. Приготовьте мнѣ, пожалуйста, завтра супъ изъ поросенка». Но тутъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Грѣшница Александра вся вспыхнула, поджала обиженно губы, молча повернулась и вышла. И ни мы, ни Я—ъ не могли потомъ добиться, въ чемъ дѣло, почему ее такъ обидѣла эта просьба. Ни слова не отвѣчаетъ, а лишь нервно кусаетъ губы и отворачивается.

2 (15) апрѣля.

Утромъ, простившись съ нашимъ милымъ спутникомъ Я—ъ, которому необходимо было остаться по дѣламъ еще на одинъ день въ Іерихонѣ, мы сѣли на приведенныхъ изъ Іерусалима ословъ и мимо источника Елисея направились къ Сорокодневной горѣ. На ней, по преданію, постился послѣ крещенія, въ теченіе сорока дней, Іисусъ Христосъ, съ ея вершины искушалъ Его дьяволъ, показывая всѣ царства міра. «Есть гора высока и велика вельми. Въ той горѣ есть пещера высока зѣло, и въ той пещерѣ постился есть Христосъ, Богъ нашъ, 40 дней, послѣди же взалка». Такъ говорить объ этой горѣ игумень Данииль, первый русскій паломникъ, посѣтившій Палестину 800 лѣтъ тому назадъ (Житіе и хоженіе Данилы русьскыя земли игумена въ 1107—1108 гг.).

Въ воздухѣ стояла какая-то сѣрая удушливая мгла, скрывавшая солнце и затруднявшая дыханье. Горячая, сухая—она, казалось, проникала сквозь одежду, обжигала кожу сильнѣе солнца.

По узенькой тропинкѣ, поднимавшейся зигзагами по склону горы, по краямъ отвѣсныхъ кручъ, мы въ пятьдесятъ минутъ достигли ея середины, гдѣ находится пещера, въ которой постился Христосъ и гдѣ въ настоящее время расположенъ вѣзанный въ скалѣ небольшой монастырь. Его игумень, архимандритъ Авраамій, жизнерадостный старичокъ, встрѣтилъ насъ очень привѣтливо. Сейчасъ же послѣдовало обычное угощеніе, а потомъ—осмотръ монастыря. Въ церкви очень хорошъ новый иконостасъ—деревянный, весь рѣзной. Около церкви, въ углубленіи скалы лежитъ камень, на которомъ вѣрзанъ крестъ. Это и есть то мѣсто, гдѣ во время Своего поста молился Спаситель. Съ висящаго надъ бездной балкончика красивый, говорятъ, видъ на Іорданскую долину. Къ сожалѣнію, стоявшая въ воздухѣ мгла совершенно застилала даль.

Послѣ осмотра монастыря, отецъ игумень предложилъ намъ подняться на вершину горы. Но мы и безъ того изнемогали отъ жары, а потому отказались. Къ тому же главная приманка восхождения—открывающійся съ вершины чудный видъ, отсутствовала: мы и тамъ ничего не видѣли бы.

Получивъ благословеніе въ видѣ образковъ и книжекъ, мы прежней дорогой спустились внизъ и, обогнувъ гору, вѣхали въ ущелье ель-Кельтъ, гдѣ находится хузевитскій монастырь. Потокъ ель-Кельтъ это—древній Хорафъ, гдѣ воронъ кормилъ пророка Илью, скрывавшагося отъ преслѣдованія Іезавели.

Опять поднимаемся по узенькой, висящей надъ бездной тропинкѣ. Съ одной стороны—отвѣсныя скалы, съ другой—глубокая пропасть, на днѣ которой шумитъ въ высокихъ камышахъ вода. Иногда тропинка, вслѣдствіе загромаждающихъ ее камней, кажется совершенно непроѣздной, иногда она такъ суживается, что двумъ встрѣчнымъ развѣхаться немислимо. Нѣсколько разъ мы порывались слѣзть, но насъ останавливалъ кавасъ, увѣряя, что на ослахъ безопаснѣе, чѣмъ пѣшкомъ. И дѣйствительно, надо было видѣть, съ какою осторожностью и вниманіемъ выбирали они дорогу. Прежде чѣмъ поставить ногу, оселъ словно ощупываетъ ею почву и лишь убѣдившись, что тутъ твердо и нога не скользнетъ, опускаетъ ее и заноситъ вторую. Но какъ бы тамъ ни было, а лицамъ мало-мальски подверженнымъ головокруженію, по этой дорогѣ ни ѣздить, ни ходить не слѣдуетъ.

Черезъ полтора часа, въ конецъ истомленные невыносимой жарой и трудной дорогой, мы добрались до монастыря.

Нѣкогда на этомъ мѣстѣ находилась Хузевитская обитель, основанная въ V вѣкѣ св. Іоанномъ Хузевитскимъ, бывшимъ впослѣдствіи епископомъ Кесарійскимъ. Полагаютъ, что она существовала до IX вѣка, такъ какъ дальнѣйшихъ о ней свѣдѣній не имѣется. Въ прошломъ столѣтіи отъ нея оставались однѣ развалины, на мѣстѣ которыхъ и былъ построенъ теперешній монастырь, оконченный въ 1901 году. Вѣроятно, на основаніи преданія, взятаго изъ апокрифическаго Евангелія св. Іакова, по которому Іоакимъ и Анна, удрученные своимъ безплодіемъ, удалились въ пустынную долину Хузивъ, гдѣ вели аскетическій образъ жизни, Хузевитская обитель издавна считалась находящейся подъ особымъ покровительствомъ Пр. Богородицы, и ея хроника наполнена рассказами о чудесахъ ея Покровительницы. Большинство этихъ легендъ младенчески-наивны. Вотъ два человѣка—одинъ пьяный—во снѣ, другой—отъ сильнаго порыва вѣтра, падаютъ въ пропасть и остаются

въ живыхъ. Въ этомъ—все чудо. Вотъ монастырскій братъ-садовникъ, желая убить заползшую въ садъ змѣю, промахивается и отрубаетъ ей хвостъ. Обиженная змѣя рѣшаетъ отомстить неловкому врагу и въ теченіе многихъ лѣтъ неустанно за нимъ слѣдитъ, всюду его подстерегаетъ, даже послѣ того, какъ онъ оставилъ монастырь и сдѣлался погонщикомъ ословъ, и лишь благодаря заступничеству Богородицы ему удается избѣгать опасности. Но змѣя не унываетъ, напротивъ, ея преслѣдованія становятся все настойчивѣе, пока наконецъ эксъ-садовнику не удастся ее убить, «хотя она и шипѣла и грозила языкомъ, какъ бы словомъ»—удостоверяетъ хроника.

А вотъ и еще чудо, происшедшее съ самимъ основателемъ обители, св. Іоанномъ. Однажды святой изгналъ бѣса изъ одного отрока. Понятно, что дьяволъ разсердился и рѣшилъ наказать святого. Принявъ человѣческій образъ, онъ подошелъ къ Іоанну, когда тотъ находился на берегу глубокаго ручья, схватилъ его за ноги и бросилъ въ потокъ; но Пр. Дѣва «поддержала подвижника и сохранила его невредимымъ». Тогда, видя, что самъ лично онъ не можетъ справиться со святымъ, дьяволъ «наслалъ на него разбойника, который то срывалъ съ него одежду, то жестоко билъ его, то жегъ его тѣло», пока, наконецъ, не былъ пойманъ и казненъ. Въ послѣдней легендѣ главнымъ образомъ интересно представленіе объ ограниченности дьявольской силы, о томъ, что простому смертному доступно то, что не подъ силу самому дьяволу.

Какъ я уже говорилъ, мы изнемогали отъ жары, а потому, отказавшись отъ обычнаго угощенія, попросили чая. Въ зной ничто такъ не утоляетъ жажды, какъ чай, и вливъ въ себя нѣсколько стакановъ горячей жидкости, мы снова почувствовали себя въ достаточной мѣрѣ бодрыми.

Потомъ осматривали монастырь. Онъ живописно раскинутъ по склону горы и, благодаря наличности воды, не лишень кое-какой растительности. И по величинѣ онъ довольно большой, съ тремя церквами и пещерной часовней, гдѣ по преданію Іоакиму было возвѣщено о рожденіи Пр. Дѣвы. Въ немъ десять монаховъ; сверхъ того восемь монаховъ-отшельниковъ живутъ по окрестнымъ пещерамъ.

Игуменъ—юркій грекъ, намъ не понравился. Одновременно съ нами ходили по монастырю десятка два паломниковъ изъ простонародья, и онъ обращался съ ними грубо, какъ со стадомъ барановъ. Въ пещерной часовнѣ, заставивъ всѣхъ взять свѣчи, онъ сталъ читать предъ образомъ св. Іоакима молитву собственнаго сочиненія. Довольно длинная, она начиналась

съ краткаго указанія, что тутъ, на этомъ мѣстѣ св. Іоакимъ молился о дарованіи ему потомства, а затѣмъ слѣдовало многогрѣбчивое, но настоятельное и почти грозное требованіе денежныхъ пожертвованій. На обираніе паломниковъ мы успѣли насмотрѣться и въ Іерусалимѣ, но такой наглости въ способѣ, при помощи молитвенной фальсификаціи, встрѣчать еще не доводилось. Это несимпатичное впечатлѣніе отъ личности игумена еще болѣе усилилось, когда я ознакомился съ изданной имъ брошюрой о Хузевитской обители. Это такое сплошное самовосхваленіе, которое противно читать.

Пора было уѣзжать, и, спустившись къ потоку, мы переправились на другую сторону ущелья и по довольно удобной тропинкѣ минутъ въ двадцать поднялись на большую Іерихонскую дорогу, къ мѣсту, гдѣ насъ ожидала коляска.

На обратномъ пути, почти до хана «Добраго Самаритянина», намъ все время встрѣчались паломники, идущіе въ Іерихонъ. Они принадлежали къ каравану, снаряжаемому два раза въ мѣсяцъ Палестинскимъ обществомъ. Караванъ сильно растянулся. На каждомъ шагу попадались отставшіе, изморенные зноемъ и жаждой. Нѣкоторые лежали въ полубезчувственномъ состояніи, и около нихъ суетились болѣе сердобольные товарищи. Но главнаго, въ чемъ нуждались эти несчастные, воды—не было, или ея было слишкомъ мало—большинство паломниковъ несутъ для себя воду въ жестяныхъ чайникахъ, а потому помочь они не могли и, поахавъ надъ больнымъ, оставляли его и шли дальше. Одного изъ такихъ серьезно заболѣвшихъ мы нашли въ самомъ ханѣ. Онъ лежалъ недвижимо на скамейкѣ съ покрытымъ отъ мухъ лицомъ. Послѣ мы узнали, что двое изъ каравана умерли. Весьма вѣроятно, что однимъ изъ нихъ былъ именно тотъ, который лежалъ въ ханѣ. Совершенно непонятно, какъ можетъ Палестинское общество снаряжать такіе караваны, участники которыхъ умираютъ отъ зноя и жажды. При каждомъ караванѣ слѣдовало бы посылать санитарный фургоны, а то и нѣсколько, въ зависимости отъ числа паломниковъ, а также имѣть достаточный запасъ воды. Вѣдь начиная отъ источника Апостоловъ и до самаго Іерихона воды нѣтъ. А путь длинный, и жгучее палестинское солнце шутить не любитъ. Мудрено ли поэтому, что почти ни одинъ изъ очередныхъ каравановъ не обходится безъ серьезныхъ заболѣваній, подчасъ и смертныхъ случаевъ. Между тѣмъ общество ограничивается тѣмъ, что отправляетъ при караванѣ двухъ кавасовъ, совершенно, въ сущности, не нужныхъ, такъ какъ безъ перевозочныхъ средствъ и воды, помочь остальнымъ и заболѣвшимъ

они не могутъ. Такое отношеніе общества, главной цѣлью котораго должно быть попеченіе о нашихъ паломникахъ, является прямо возмутительнымъ и ничѣмъ оправдано быть не можетъ.

Покормивъ лошадей въ ханѣ «Добраго Самаритянина», выпивъ кофе у источника Апостоловъ, мы остановились въ Виеніи. Какъ извѣстно, Спаситель часто бывалъ въ этомъ селеніи, въ домѣ сестеръ Лазаря—Марѣи и Маріи. Здѣсь же, въ домѣ Симона Прокаженнаго женщина возлила на Него миро. Этотъ домъ или, точнѣе, развалины, называемыя почему-то «Башней Лазаря», расположены недалеко отъ дороги. Немного дальше, рядомъ съ небольшой мечетью, находится гробница Лазаря. Лѣстница въ двадцать четыре ступени ведетъ въ небольшую комнату, гдѣ нѣкогда была церковь, а тремя ступенями ниже—мѣсто, гдѣ находилась гробница. Наконецъ, на стоящій шагъ въ пятидесяти отъ могилы домъ указываютъ, какъ на принадлежавшій Марѣѣ и Маріи.

Домой пріѣхали около семи часовъ вечера и были встрѣчены удивленными возгласами: «На кого вы похожи! Вы оба превратились въ настоящихъ негровъ». Да, двухдневное пребываніе подъ солнцемъ Иорданской долины оставило-таки слѣды... Хорошо еще, что «іерихонку» не заполучили.

XXXIX.

По дорогѣ въ Виелеемъ: Монастырь св. Іліи, могила Рахили, Бетъ-Джала.—Храмъ Рождества.—Млечная пещера.—Соломоновы пруды.

4 (17) апрѣля.

Сегодня посѣтили Виелеемъ. Ъзды—съ часъ, по хорошей дорогѣ, ведущей отъ Яффскихъ воротъ мимо желѣзнодорожной станціи. Налѣво, противъ станціи—холмъ «Злого совѣщанія» и дерево, на которомъ повѣсился Іуда. Направо, въ отдаленіи, среди зелени виднѣется загородный домъ іерусалимскаго патріарха—Катамонъ—стоящій на мѣстѣ дома Симеона Богопріимца, откуда онъ вышелъ на встрѣчу Богородицы, когда послѣдняя несла Богомладенца для представленія въ іерусалимскій храмъ. Далѣе проѣзжаемъ мимо колодца, гдѣ Богородица отдыхала по пути въ Виелеемъ и гдѣ волхвы вновь увидѣли потерянную было ими звѣзду, извѣщавшую о рожденіи Спасителя. Въ лежащей направо долины—Рефаимовой—Давидъ побѣждалъ филистимлянъ. Вотъ монастырь св. Іліи. Онъ былъ основанъ въ VI вѣкѣ іерусалимскимъ патріархомъ Іліей и нѣсколько разъ подвер-

гался разрушенію. Въ настоящемъ видѣ существуетъ съ XVIII столѣтія. Въ довольно большой и украшенной церкви стоитъ гробница основателя монастыря; но паломниковъ, вопреки извѣстному преданію, по которому пророкъ Ілія былъ взятъ живымъ на небо, увѣряютъ, что это его могила.

Дорога дѣлаетъ поворотъ, огибая долину, покрытую множествомъ мелкихъ камней, похожихъ на горошины и извѣстную подъ названіемъ Горохового поля. Грубая легенда, свидѣтельствующая о полномъ непониманіи характера жизни и ученія Христа, говоритъ, что Спаситель, проходя однажды мимо этого поля, увидѣлъ человѣка, сѣющаго горохъ. На вопросъ, что онъ сѣетъ, послѣдовалъ насмѣшливый отвѣтъ: «камни». Тогда Спаситель сказалъ:—«И получишь, что сѣешь». И съ тѣхъ поръ поле родить окаменѣлый горохъ.

Немного далѣе, направо отъ дороги—небольшая постройка съ куполомъ, въ стилѣ обыкновенныхъ мусульманскихъ надгробныхъ мечетей. Это могила Рахили, жены ветхозавѣтнаго патріарха Іакова. Она почитается одинаково и христіанами, и магометанами, и евреями и является однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Палестины, такъ какъ Іаковъ и Рахиль жили за 1800 лѣтъ до Р. Х. Само собой разумѣется, что отъ столба, поставленнаго Іаковымъ на могилѣ жены и отъ первоначальной постройки ничего не осталось. Современный памятникъ, далеко не стараго происхожденія, состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна подъ куполомъ. Входа нѣтъ, и лишь въ окно можно видѣть находящуюся внутри большую каменную гробницу. Всѣ стѣны исчерчены надписями и фамиліями туристовъ. Само мѣсто принадлежитъ евреямъ, которые стекаются сюда въ огромномъ количествѣ, чтобы поклониться праху своей прародительницы.

Вскорѣ за могилой дорога развѣтвляется: лѣвая ведетъ въ Виелеемъ, правая—въ Хевронъ. Съ послѣдней—поворотъ на большую деревню Бетъ-Джалу. Къ сожалѣнію, намъ не удалось побывать въ этомъ живописномъ, расположенномъ на холмѣ мѣстечкѣ, а потому ограничусь указаніемъ, что оно является разсадникомъ русскаго просвѣщенія въ Палестинѣ. Сюда въ 1861 г. была переведена изъ Іерусалима первая школа для православныхъ дѣвочекъ, основанная въ 1858 году русской благотворительницей Бадровой. Съ теченіемъ времени школа разраслась и въ 1886 году поступила въ непосредственное завѣдываніе Палестинскаго общества. Теперь въ Бетъ-Джалѣ, кромѣ школы съ двумястами ученицами, устроена женская учительская семинарія съ сорока воспитанницами и амбулаторная лѣчебница, гдѣ пользуются ежегодно до пятнадцати тысячъ больныхъ. Сверхъ того,

и католики имѣють тамъ семинарію и школу, а протестанты—одну школу.

Видеваемъ является священнымъ городомъ не только для христіанъ, но и для мусульманъ и евреевъ, которые чтутъ въ немъ родину царя Давида. Его главная христіанская святыня—храмъ Рождества—окруженъ со всѣхъ сторонъ монастырями: греческимъ, католическимъ и армянскимъ и сверхъ своего религіознаго значенія представляетъ большой интересъ въ археологическомъ и архитектурномъ отношеніяхъ, являясь по всѣмъ вѣроятіямъ древнѣйшимъ образчикомъ христіанской архитектуры,—въ главныхъ своихъ частяхъ, по крайней мѣрѣ—сохранившейся со временъ императора Константина. Наружность храма красотою не отличается. Въ особенности невзрачна маленькая дверь,—скорѣе, обитая желѣзомъ калитка, служащая входомъ; но внутренность производитъ извѣстное впечатлѣніе своею величественною простотой, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ іерусалимскаго храма Воскресенья. Зато принадлежность храма тремъ національностямъ—грекамъ, латинянамъ и армянамъ—ведетъ къ тѣмъ же слѣдствіямъ, что и въ іерусалимскомъ храмѣ: все облѣзло, вездѣ неряшливо и грязно, а постоянныя распри и ссоры между «вѣрующими» разныхъ толковъ вынудили и здѣсь поставить турецкую стражу.

Сейчасъ за входной дверью находится открытая площадка—атріумъ, за нимъ—закрытая часть храма—базилика, съ четырьмя рядами монолитныхъ колоннъ, по одиннадцати—въ каждомъ. На верху стѣнъ кое-гдѣ сохранились слѣды мозаики, которой императоръ Мануиль Комненъ украсилъ храмъ. Отъ главнаго храма базилика отдѣляется стѣной, выстроенной греками въ 1843 году, съ цѣлью не допускать въ храмъ мусульманъ, которые не стѣснялись располагаться въ базаликѣ, какъ дома, съ вьючными даже животными. Въ этой стѣнѣ продѣланы три двери. Двѣ принадлежатъ грекамъ, третья—грекамъ и армянамъ совмѣстно. Противъ средней двери, въ полукруглой нишѣ, расположенной на Востокъ, находится греческій алтарь. Такія же двѣ ниши—абсиды—находятся въ сѣверной и южной частяхъ храма. Изъ южной, принадлежащей грекамъ, можно пройти въ греческій монастырь, а—въ сѣверной, принадлежащей армянамъ, стоитъ престолъ и находится дверь, соединяющая храмъ съ католической церковью св. Екатерины и латинскимъ монастыремъ. Тутъ же на стѣнѣ сохранилось мозаичное изображеніе Іисуса Христа, предлагающаго Өомѣ Невѣрному вложить палецъ въ Его раны, а изъ живописи южной части храма обращаетъ на себя вниманіе изображеніе Входа Господня въ Іерусалимъ.

Въ интереснѣйшую часть храма—пещеру Рождества—ведутъ двѣ лѣстницы, расположенныя у иконостаса греческаго алтаря, по обѣимъ его сторонамъ. Одна изъ нихъ—сѣверная—является вѣчнымъ яблокомъ раздора между греками и католиками. Какъ тѣ, такъ и другіе считаютъ ее своей собственностью и очень нерѣдко словесный этотъ споръ оканчивается кровопролитными столкновѣніями.

Сама пещера небольшая, около шести саженъ длины, при полутора—ширины и устлана мраморными плитами. Въ углубленіи,halbway отъ спорной лѣстницы, серебряная звѣзда указываетъ мѣсто рожденія Спасителя. Поверхъ звѣзды—надпись: «*Hic de Virgine Maria Iesus Christus natus est*». Ниша богато украшенная со временъ еще Константина, освѣщается пятнадцатью лампадами. Надъ звѣздой—каменная доска—престолъ,—гдѣ совершается богослуженіе.

Наискось отъ ниши Рожденія, около противоположной, южной лѣстницы, въ другой нишѣ, принадлежащей католикамъ, находится углубленіе—бѣлое внутри, темное снаружи,—то мѣсто, гдѣ стояли ясли, въ которыхъ былъ положенъ святой Младенецъ. Тутъ жеhalbway—мѣсто поклоненія волхвовъ и далѣе—колодезь, гдѣ появилась вода для нуждъ святого Семейства. Согласно легендѣ XV вѣка, въ этотъ колодезь упала звѣзда—путеводительница волхвовъ, но ее могли видѣть однѣ лишь дѣвственницы.

Для того, чтобы осмотрѣть другія, сѣверныя части пещеры, необходимо опять подняться въ храмъ, въ католическую церковь св. Екатерины. Возведенная на мѣстѣ, гдѣ Іисусъ явился св. Екатеринѣ и предсказалъ ей мученическую кончину, она перестроена заново францисканцами въ 1881 году, роскошно обставлена и прекрасно содержится. Изъ нея лѣстница ведетъ въ сѣверныя части пещеры, гдѣ находятся: часовня въ память избіенія Иродомъ младенцевъ (*Chapelle des innocents*), часовня, гдѣ Господь повелѣлъ Іосифу удалиться въ Египетъ, гробница Евсевія Крмонскаго—ученика Іеронима, самого Іеронима, извѣстнаго главнымъ образомъ переводомъ Библии и, наконецъ, гробницы его ученицъ—св. Павлы и дочери ея Евстохія.

Изъ церкви Рождества мы прошли въ такъ называемую «Млечную пещеру». По преданію, она служила убѣжищемъ св. Семейству. Одна капля молока Богородицы, упавшая на землю, придала известняку почвы чудесную силу увеличивать количество молока у матерей и даже у животныхъ, и посѣтителямъ предлагаютъ лепешки, сдѣланныя изъ этого известняка. Прежде пещера принадлежала латинянамъ и грекамъ совмѣстно. Но въ 1871 году

первые, заготовивъ предварительно и тайно строительные матеріалы, въ одну ночь соорудили крѣпкія ворота и, заперевъ ихъ, присвоили пещеру себѣ. Сопровождавшій насъ греческій монахъ постѣснился войти въ пещеру. Присвоеніе—довольно таки нахальное, но приходится ли объ этомъ жалѣть—еще вопросъ. Въ настоящее время пещера содержится чисто, заботливо, въ порядкѣ, а принадлежи она грекамъ—и, конечно, ее нельзя было бы узнать.

По приглашенію настоятеля греческаго монастыря архіепископа Стефана—онъ же намѣстникъ іерусалимскаго патріарха—пили у него чай. Онъ долгое время жилъ въ Америкѣ и хорошо говорить по-англійски. По-русски—только понимаетъ.

Полюбовавшись съ монастырской террасы на красивый видъ окрестностей, мы пошли бродить по городу. Отличительная его особенность—масса лавокъ, торгующихъ такъ называемыми «objets de piété». Ихъ, пожалуй, больше чѣмъ въ Іерусалимѣ и цѣны въ нихъ какъ будто подешевле. Улицы—узкія, такъ что два экипажа разѣхаться не могутъ. Обращаютъ на себя вниманіе мѣстные женщины, довольно рѣзко отличающіяся отъ прочихъ туземокъ. Онѣ гораздо бѣлѣе кожей и между ними много красивыхъ. Оригиналенъ также головной уборъ замужнихъ—нѣчто въ родѣ высокихъ остроконечныхъ кичекъ, сдвинутыхъ на затылокъ и покрытыхъ бѣлымъ покрываломъ.

Изъ Виеелема проѣхали къ «Соломоновымъ прудамъ». Съ ведущей туда дороги—красивый видъ на дальніе склоны, покрытые оливковыми рощами. Прудовъ—три. Это—огромные каменные бассейны, расположенные одинъ надъ другимъ уступами. Въ одномъ лишь нижнемъ—самомъ большомъ—есть вода, остальные пусты. Когда то, по преданію, здѣсь находились знаменитые Соломоновы сады, для орошенія которыхъ эти пруды и служили. Около верхняго пруда—что-то въ родѣ крѣпости—Калатъ-ель-Буракъ,—выстроенной въ XVII вѣкѣ для защиты отъ набѣговъ бедуиновъ. Теперь она полу-развалилась и въ ней живутъ нѣсколько арабскихъ семействъ, совместно съ домашними животными. Шагахъ въ ста подальше находится тотъ «запечатлѣнный источникъ», съ которымъ Соломонъ въ Пѣснѣ Пѣсней сравниваетъ невѣсту. Когда-то изъ него въ пруды были проложены трубы. Теперь онъ уже давно не дѣйствуетъ.

XL.

Соломоновы пещеры.—Гротъ Іеремія.—Мѣсто «плача»
евреевъ.—Проповѣдь игумена Арсенія.

5 (18) апрѣля.

Утромъ прошли къ Дамасскимъ воротамъ, около которыхъ находится входъ въ Соломоновы пещеры. Существованіе ихъ было извѣстно уже въ XV столѣтіи, какъ то видно изъ описанія арабскаго писателя Медръ-едъ-Дана. Онъ называетъ ихъ Мугхарать-ель-Кеттанъ—гротъ полотна,—откуда современное французское названіе пещеръ—«Grotte de Coton». Потомъ о нихъ забыли и лишь въ 1848 году онѣ были вновь случайно открыты англичаниномъ Барклей во время охоты. Это—огромное подземелье, тянущееся подъ городомъ и состоящее изъ цѣлаго ряда пещеръ, въ которыхъ легко заплутаться, что и случилось въ 1887 году съ однимъ американскимъ туристомъ. Несчастный, заблудившись, свалился въ яму и убится на смерть. Вездѣ замѣтны слѣды каменныхъ работъ, и нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что здѣсь добывался матеріалъ для постройки Соломонова храма. Подземелье сильно понижается къ югу. Почва загромождена мусоромъ и каменными обломками. Двигаешься съ трудомъ, въ почти абсолютной темнотѣ, среди которой еле мерцаетъ фонарь проводника. Въ одномъ мѣстѣ откуда то течетъ вода и шумъ отъ ея паденія гулко раздается подъ сводами. Очень жарко и душно, такъ что мы съ удовольствіемъ выбрались на свѣжій воздухъ.

Почти противъ входа въ пещеры, по другой сторонѣ дороги, находится гротъ Іеремія. По преданію, пророкъ сочинялъ здѣсь свой извѣстный «плачъ». Въ большой, высокой, красиво освѣщаемой сверху пещерѣ стоятъ двѣ гробницы: султана Ибрагима и самого пророка. Рядомъ—большая, сводчатая, наполненная водой цистерна. Говорятъ, въ прежнее время этотъ гротъ соединялся съ Соломоновыми пещерами. Можно еще указать, что нѣкоторые англійскіе изслѣдователи (Кондеръ, Гордонъ) признаютъ возвышающійся надъ гротомъ холмъ подлинной Голгоѳой, т. е. тѣмъ именно мѣстомъ, гдѣ происходило распятіе Іисуса Христа.

6 (19) апрѣля.

На оригинальномъ зрѣлищѣ присутствовали мы сегодня. Выйдя изъ дома въ пятомъ часу вечера, мы съ улицы, ведущей отъ Яфѳскихъ воротъ къ Харамъ-ешъ-Шерифу, повернули

вправо и узенькими, кривыми улочками еврейскаго квартала добрались до западной стѣны Харамъ-ешъ-Шерифа. Послѣдній проулокъ кончается тупикомъ, съ одной стороны котораго высится огромная восьмисаженная стѣна, окружавшая нѣкогда весь храмъ Соломона. И вотъ, около этой стѣны, обратясь къ ней лицомъ,—кто сидя, кто стоя, кто на колѣняхъ—нѣсколько десятковъ евреевъ и евреекъ, съ книжками, листочками, а нѣкоторые съ зажженными свѣчами въ рукахъ, что-то вполголоса бормочать, ударяютъ себя въ грудь, по временамъ всхлипываютъ и рыдаютъ. Масса выразительныхъ лицъ, характерныхъ типовъ. Вотъ древняя старуха, ее отъ старости всю скрючило, лицо ея—комокъ морщинъ. Ни ходить, ни стоять она уже не можетъ, и ее сюда принесли. Лежа около стѣны, она не переставая двигаетъ беззубымъ сморщеннымъ ртомъ, цѣлуетъ камни, прерывая молитву тихими жалобными стонами. Недалеко отъ нея, на деревянномъ табуретѣ сидитъ старикъ съ длиннѣйшей бѣлоснѣжной бородой. Выраженіе его удивительно красиваго, типичнаго семитическаго лица—спокойно-важное, сосредоточенное. Онъ смотритъ въ книгу, которую держитъ передъ нимъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, и каждый разъ передъ тѣмъ, какъ перевернуть страницу, громко произносить нѣсколько словъ, ударяя кулакомъ въ грудь. Типъ библейскаго Авраама—онъ такъ и просится на полотно.

Какъ нѣкогда «у рѣкъ Вавилонскихъ» евреи оплакивали свое плѣненіе, такъ нынѣ собираются они по пятницамъ и субботамъ къ этой «священной» стѣнѣ оплакивать паденіе своего царства и молить о его восстановленіи, о пришествіи того, кто долженъ не только вернуть еврейскому народу его бывшее могущество, но и поставить его превыше всѣхъ народовъ міра.

«Мы молимъ тебя, сжался надъ Сіономъ. Собери дѣтей Іерусалима. Поспѣши, поспѣши, освободитель Сіона. Пусть твоя рѣчь проникнетъ въ самое сердце Іерусалима. Пусть твоя красота и величіе окружаютъ Сіонъ. Пусть царственное твое могущество вновь явится на Сіонъ. Утѣшь плачущихъ надъ Іерусалимомъ. И чтобы вѣтъ (Іессея) розовѣла въ Іерусалимѣ».

Удивительный народъ!

9 (22) апрѣля.

Только что вернулись съ проповѣди игумена Арсенія, извѣстнаго учредителя Союза русскаго народа. Онъ уже нѣсколько недѣль въ Іерусалимѣ, но говорилъ публично въ первый разъ. Крайне интересно было послушать человѣка, который, по словамъ лѣвыхъ газетъ, пріѣхалъ съ отрядомъ единомышленниковъ въ

Іерусалимъ, чтобы испросить у Патріаха благословеніе на борьбу съ революціей,—испросить отпущенія будущихъ грѣховъ, связанныхъ съ этой борьбой. Невольно вспоминались средніе вѣка, крестовые походы... Мерещился грозный трибунъ, властно призывающій къ насилію, погромамъ, убійствамъ...

Проповѣдь, или, вѣрнѣе, бесѣда—какъ ее называлъ самъ игуменъ, происходила на Соборной площади. Недалеко отъ Троицкаго собора былъ устроенъ деревянный помостъ, нѣчто въ родѣ высокой кафедры. Когда около двухъ часовъ—бесѣда была назначена въ три—мы пришли на площадь, народа было немного, нѣсколько десятковъ человѣкъ всего. Кто сидѣлъ, кто лежалъ, стараясь укрыться отъ палящаго палестинскаго солнца. Очевидно, о предстоящей бесѣдѣ не всѣ паломники были осведомлены, такъ какъ, пока я бродилъ между группами, прислушиваясь къ разговорамъ, меня нѣсколько разъ спрашивали, указывая на помостъ, для чего онъ построенъ и что здѣсь будетъ происходить. Изъ разговоровъ, относившихся до предстоящей бесѣды, мнѣ удалось лишь услышать одинъ небольшой отрывокъ. Какая-то среднихъ лѣтъ женщина, съ подвязанной щекой, говорила обиженнымъ тономъ: «Не вру, зачѣмъ врать, небось сама слышала: изъ Рассеи прогнали, не велятъ тамъ мутить народъ, вотъ сюда и пріѣхалъ», на что одинъ изъ слушателей—высокій сѣдобородый мужикъ—наставительно замѣтилъ: «Ты-бы, тетка, поменьше дураковъ слушала», а другой—статный парень съ Георгіемъ на груди—добавилъ: «И чудачка же баба! Точно ее силкомъ тащатъ! Не хочешь слушать и ступай себѣ съ Богомъ». «И уйду, и уйду!»—упрямо выговорила женщина.—А только гнать вы меня не смѣете. Сама уйду».—Тѣфу! Вотъ язва-то!—выговорилъ ей вслѣдъ, нестерпя, молодой.

Около трехъ часовъ площадь стала наполняться. Со всѣхъ сторонъ валилъ народъ. Приблизительно, на взглядъ собралось тысячи двѣ, изъ нихъ двѣ трети женщинъ,—обычно замѣчаемое въ Іерусалимѣ цифровое отношеніе между паломниками мужчинами и женщинами. На помостѣ спѣшно доканчивали убранство кафедры, вбивались послѣдніе гвозди; верхнюю ея часть украсили старыми національными флагами.

Наконецъ произошло движеніе, раздались возгласы: «идеть, идеть!» Народъ закачался волнами и показался игуменъ. Онъ средняго роста плотный старикъ; лицо простое, чисто русское; выраженіе его твердое, даже властное, поступь мѣрная, не суетливая, глаза небольшіе, быстрые. Пока онъ шелъ, ближайшіе, стоявшіе на пути, подходили подъ благословеніе. Взойдя на кафедру, онъ поклонился на четыре стороны и предложилъ

прежде всего, по русскому обычаю, помолиться: «Повернитесь къ храму, снимите шапки и споемъ вмѣстѣ: Царю Небесный!» Потомъ онъ заговорилъ. Голосъ скорѣе слабый, такъ что въ заднихъ рядахъ врядъ ли былъ слышенъ. Рѣчь хотя гладкая, но съ ненужными паузами и почти безъ интонацій, а способъ изложенія, особенно принимая во вниманіе составъ слушателей, недостаточно простъ и вразумителенъ. Вообще, ораторскаго таланта—никакого.

Содержаніе бесѣды, въ немногихъ словахъ, слѣдующее: Богъ—добро, и ничто изъ его твореній зломъ быть не можетъ. Человѣкъ—творенье Божье, слѣдовательно, онъ добро, а не зло. Зло—не отъ человѣка, зло отъ падшихъ ангеловъ, возмутившихся противъ Бога. Источникъ зла—бунтъ противъ власти Бога. Богъ—на небѣ, Царь—на землѣ...

Тутъ ораторъ остановился и предложилъ еще разъ помолиться, пропѣть: «Спаси Господи люди твоя...» Царь-мвропомазанникъ, ставленникъ Вожій. Рука Божья незримо охраняетъ его. Примѣръ: троекратное избавленіе нынѣ царствующаго Государя отъ смертельной опасности—въ Боркахъ, въ Японіи и въ день Крещенія въ Петербургѣ. Находятся безумцы, которые кричатъ: «не надо намъ Царя!» Но это такой же бунтъ противъ царской власти, какъ бунтъ падшихъ ангеловъ противъ власти Бога. Это и есть источникъ зла, самое зло. Отрекаться отъ царя—большой грѣхъ. «Обѣщайте, что не будете отрекаться». «Не отречемся!» загудѣла толпа. «Не отречетесь?» еще и еще разъ прозвучали вопросъ и отвѣтъ. «А теперь—ура! нашему Царю». Толпа прокричала: ура! и бесѣда кончилась. Продолжалась она около сорока минутъ.

Я уходилъ съ какимъ-то двойственнымъ чувствомъ. Съ одной стороны, судя по яростной травлѣ игумена Арсенія лѣвыми партіями, я ожидалъ встрѣтить личность во всякомъ случаѣ незаурядную, съ даромъ слова,—способную бить по нервамъ и чувству толпы, «глаголомъ жечь сердца»... И вмѣсто этого услышалъ самаго обыкновеннаго монаха, не только неспособнаго увлечь толпу, но видимо, не производящаго на нее никакого впечатлѣнія. Но въ то же время я чувствовалъ глубокое успокоеніе: при такомъ руководителѣ союзъ русскаго народа не опасенъ, и бояться массоваго бѣлаго террора, могущаго въ будущемъ сдѣлаться столь же ужаснымъ, какъ лѣвый—нечего. И какою нелѣпостью показались мнѣ теперь отзывы лѣвой прессы о цѣляхъ пріѣзда игумена въ Іерусалимъ, о желаніи его получить отъ патріарха отпущенія будущихъ грѣховъ,—грѣховъ насилія и убійствъ. Впрочемъ, относительно послѣд-

наго обстоятельства я имѣю возможность сообщить совершенно точныя свѣдѣнія.

Утромъ, въ день бесѣды, мы были какъ разъ съ прощальнымъ визитомъ у патріарха. Оказалось, что незадолго до насъ, пріѣзжалъ игуменъ Арсеній просить Его Блаженство удостоить своимъ посѣщеніемъ предстоящую бесѣду. Разговоръ нашъ естественнымъ образомъ коснулся какъ этой бесѣды, такъ и пребыванія игумена въ Іерусалимѣ вообще. Я спросилъ патріарха, извѣстно ли ему, что пишутъ нѣкоторыя газеты о цѣли пріѣзда игумена. «Какъ же, какъ же, читаль,—отвѣтилъ патріархъ, чуть насмѣшливо улыбаясь. И потомъ, недоумѣвающе разведя руками:—Странное что-то пишутъ... Мы даемъ благословеніе на добрыя дѣла... Всякое насиліе, особенно кровавое—тяжкій грѣхъ. Можетъ ли придти въ голову человѣку, не потерявшему разсудка, тѣмъ болѣе духовному лицу, просить благословенія на такія дѣла...» Итакъ, господа «освободители» и террористы могутъ успокоиться. Если даже игуменъ Арсеній, изъ собесѣдованій котораго, повторяю, никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія объ его кровожадныхъ стремленіяхъ,—лишится временно разсудка и въ такомъ видѣ попытается испросить у патріарха для себя и своихъ единомышленниковъ отпущеніе будущихъ грѣховъ, связанныхъ съ противодѣйствіемъ революціи,—онъ и въ такомъ случаѣ отпущенія этого не получитъ.

XLI.

Отъ Іерусалима до Венеціи.

Поѣздъ въ Яффу отходитъ въ 7³/₄ часа утра. На станціи встрѣтили хелуанскихъ знакомыхъ по пансіону, старичковъ Ч-ихъ и Я-а. Они пробыли въ Іерусалимѣ восемь дней и теперь возвращаются—Ч-ие обратно въ Хелуанъ, а Я-ий черезъ Александрію въ Одессу. Мы ѣхали съ пересадочными билетами Кука, что очень удобно, такъ какъ избавляетъ отъ многихъ хлопотъ. Все дѣлаетъ агентъ кампаніи, которому вы платите взятымъ билетомъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что приходящей до нахальства алчности той части населенія, съ которой приходится имѣть дѣло туристу при путешествіяхъ на Востокъ, услуги оказываемыя кампаніей Кука неоцѣнимы.

Дорога знакомая. Сначала—горы, потомъ—зеленая равнина, съ начинающими уже желтѣть хлѣбами. Не доѣзжая Яффы—сильнѣйшій запахъ апельсиновыхъ деревьевъ въ полномъ цвѣту. Говорятъ, когда вѣтеръ съ берега, подѣзжающіе къ Яффѣ съ моря ощущаютъ этотъ запахъ, не видя еще города.

Встрѣтившій насъ агентъ заявилъ, что море нехорошо, что пароходъ хотя и пришелъ, но сообщеніе съ нимъ еще не установлено, что придется поэтому обождать, и повезъ насъ въ гостиницу, находящуюся противъ агентства, рядомъ съ «Hôtel du Parc», гдѣ мы останавливались прошлый разъ. Признаться, я подумалъ, что бурное море—простой предлогъ, дабы заставить насъ позавтракать въ агентской гостиницѣ. Кромѣ насъ завтракала какая-то греческая семья, ѣхавшая также съ билетами Кука. Потомъ насъ размѣстили въ коляскахъ и повезли на пристань. Тамъ мы увидѣли, что море дѣйствительно нехорошо. Вѣроятно, то были слѣды волненія предшествующихъ дней, такъ какъ вѣтра почти не было.

Какъ только мы сѣли въ лодку, одна изъ гречанокъ, помоложе, легла въ объятія куковского агента Mr. Gabriel'a, закрыла глаза и въ такомъ положеніи совершила весь переѣздъ. Почему она выбрала объятія Mr. Gabriel'a, когда рядомъ сидѣлъ ея мужъ—молодой и крѣпкій на видъ господинъ—неизвѣстно. Надо полагать, что агентскія объятія казались ей болѣе надежными на случай опасности, чѣмъ супружескія. Во всякомъ случаѣ, супругъ очевидно сознавалъ свое глупое положеніе, ибо видъ у него былъ не особенно довольный, нѣсколько сконфуженный.

На мой взглядъ море было не хуже, чѣмъ въ день нашей высадки въ Яффу. Сверхъ того мы ѣхали болѣе длиннымъ, кружнымъ путемъ и, слѣдовательно, избѣгли самаго критическаго, захватывающаго момента,—момента перелета на гребнѣ волны черезъ гряду камней. Зато пристать къ пароходу и взобраться на него оказалось дѣломъ не легкимъ. Нѣсколько разъ насъ отшибало волною. Изъ лодки насъ подхватывали на рукахъ и каждому приходилось нѣсколько мгновеній висѣть надъ водною бездною, прежде чѣмъ очутиться на палубѣ. Съ пожилой гречанкой даже сдѣлалась форменная истерика. Она еще въ лодкѣ, при видѣ висящихъ въ воздухѣ тѣлъ, начала рыдать и ее втащили на палубу въ полубезчувственномъ состояніи.

На этотъ разъ пассажировъ оказалось порядочно, такъ что нашихъ спутниковъ размѣстили по мужскимъ и дамскимъ отдѣленіямъ. Намъ же—мы удачно попали опять на «Россію»—любезный капитанъ Д-ъ отвелъ прежнюю каюту. Довольно сильная боковая качка дала себя тотчасъ же чувствовать: жена слегла и не могла встать до самаго Портъ-Саида. То же было и съ большинствомъ пассажировъ, такъ что къ обѣду собралось немного.

Снялись съ якоря въ 5 часовъ вечера и около 7-ми утра пришли въ Портъ-Саидъ. Опять—осада судна дикими и яростная атака пассажировъ и ихъ вещей. При этомъ съ нашимъ знако-

мымъ Я-имъ произошелъ небольшой инцидентъ. Ему показалось, что кто-то унесъ изъ каюты его зонтикъ. Онъ вышелъ изъ себя, сталъ ругать прислугу, потребовалъ капитана. Онъ возбужденно доказывалъ, что каютная прислуга обязана наблюдать за цѣлостію пассажирскихъ вещей, что ей не слѣдуетъ пускать въ каюты никого изъ постороннихъ. Требованіе конечно резонное, но на практикѣ совершенно неисполнимое. Что могутъ подѣлать два, три лакея и горничная съ атакующей пароходъ оравой дикарей? Для этого потребовалась бы цѣлая полицейская бригада... Но вотъ одинъ изъ лакеевъ торжественно выноситъ и подаетъ Я-у зонтикъ. Картина! Очень странно было видѣть въ такомъ изступленномъ состояніи—и въ сущности изъ-за пустяковъ—человѣка, казавшагося намъ въ Хелуанѣ образцомъ сдержанности и корректности.

Почти одновременно произошелъ и другой скандалчикъ съ одной англичанкой, не желавшей уплатить буфетчику за пару съѣденныхъ утромъ яицъ. Она увѣряла, что, такъ какъ вчера по случаю качки не была въ состояніи обѣдать, сегодняшнія яйца должны быть ей отпущены даромъ, въ счетъ, такъ сказать, несъѣденнаго обѣда. Опять пришлось вступиться капитану. Но съ упрямой и довольно таки противной дщерью гордаго Альбіона сговориться было трудненько. Во время объясненія она преспокойно, положивъ ногу на стулъ и задравъ юбку до колѣнъ, пнуровала ботинку, отгрызаясь на капитана какъ собака, которой мѣшаютъ ѣсть, такъ что послѣднему пришлось въ концѣ концовъ объявить буфетчику, что за яйца онъ самъ заплатитъ. И все это, подумаешь, изъ-за одного франка! Потомъ капитанъ намъ говорилъ, что русскіе пароходы всячески избѣгаютъ пассажировъ-англичанъ, путешествующихъ съ билетами Кука; что всѣ они очень требовательны, придирчивы и безцеремонны, такъ что почти не проходитъ ни одного рейса безъ какого-нибудь скандала. Отчасти это понятно, и вина въ этомъ лежитъ не на однихъ пассажирахъ. Англичане избалованы порядкомъ и благоустройствомъ иностранныхъ пароходовъ, гдѣ все приспособлено къ ихъ вкусамъ и привычкамъ, а потому, попадая на русскіе пароходы, гдѣ ничего подобнаго нѣтъ, нервничаютъ и открыто выражаютъ свое неудовольствіе.

Вскорѣ пріѣхалъ нашъ агентъ С-ъ. Оказалось, что пароходъ, на которомъ онъ удержалъ намъ мѣста, лишь сегодня въ 7 часовъ утра втянулся въ Суэзскій каналъ, а такъ какъ на проходъ канала требуется четырнадцать часовъ, то раньше 9 часовъ вечера онъ въ Портъ-Саидѣ не будетъ. Чтобы избѣжать таможеннаго осмотра, оставили вещи въ таможнѣ и налегкѣ

перебрались въ городъ, гдѣ заняли номеръ въ гостиницѣ «Континенталь». Тамъ пили кофе, завтракали, обѣдали, а въ промежуткахъ бродили по городу. Онъ мало интересенъ, но какъ важный торговый центръ съ каждымъ годомъ расширяется. Обязанный своимъ возникновеніемъ проведенію Суэзскаго канала и имѣя въ 1883 году всего семнадцать тысячъ жителей, — теперь въ немъ насчитываютъ до 50 тысячъ. Въ торговомъ же отношеніи онъ начинаетъ все болѣе успѣшно конкурировать съ Александріей.

Европейская часть города благоустроена, съ хорошимъ освѣщеніемъ. Главной достопримѣчательностью является электрическій маякъ, около двадцати пяти сажень вышины, свѣтъ котораго видѣнъ на разстояніи двадцати морскихъ миль. Недалеко отъ маяка—красивый памятникъ строителя Суэзскаго канала—Лессепса. На главной улицѣ нѣсколько большихъ магазиновъ, съ хорошими японскими и китайскими вещами.

Въ одиннадцатомъ часу ночи отправились на пароходъ. Несмотря на позднее время, всѣ магазины открыты и освѣщены à giorno. Я поинтересовался, когда же здѣсь прекращается торговля. «Въ зависимости отъ обстоятельствъ,—объяснилъ С-ъ.—Опредѣленныхъ часовъ нѣтъ. Даже среди ночи, если приходитъ большой пароходъ, съ котораго ожидаютъ туристовъ, всѣ большіе магазины открываются и начинаютъ торговать.

Къ нашему большому неудовольствію пароходъ оказался переполненнымъ. Объ отдѣльной каютѣ нечего было и думать. Жену помѣстили къ какимъ-то двумъ англичанкамъ, меня—къ католическому патеру. Въ довершеніе несчастія, мой патеръ отправился на прогулку въ Портъ-Саидъ и заперъ каюту, такъ что мнѣ довольно долго пришлось его ожидать, сидя въ столовой.

Говорили, что пароходъ отойдетъ въ 12 часовъ ночи. Но когда на слѣдующее утро я проснулся около семи часовъ, мы еще стояли на мѣстѣ и снялись съ якоря лишь въ девятомъ часу. Ночь провели отвратительно: пароходъ все время грузился и надъ головой происходило нѣчто невообразимое.

«Императоръ»—большой пароходъ Австрійскаго Лойда, въ 4140 тоннъ, съ 89 каютами перваго класса и 24-мя второго. Онъ совершаетъ рейсы между Бомбеемъ и Триестомъ, съ заходомъ въ случаѣ надобности въ Венецію. Огромное большинство пассажировъ—англичане, возвращающіеся изъ Индіи на родину. Команда и прислуга—итальянцы, порядки, привычки и вся жизнь—англійскіе. День начинается рано. Съ шести часовъ утра мужчины, въ самыхъ фантастическихъ дезабилье—нѣкоторые въ халатахъ, большинство—въ пальто на одномъ ниж-

немъ бѣльѣ и туфляхъ на босу ногу—собираются въ столовую пить кофе. Дамамъ кофе подается въ каюты. Послѣ этого—бритье въ отдѣльномъ павильонѣ нижней палубы, ванна и одѣвание. Въ девять часовъ—первый завтракъ—breakfast изъ четырехъ блюдъ, со сладкимъ и фруктами, послѣ котораго пассажиры отправляются на палубу, гдѣ съ книжками въ рукахъ благодушествуютъ до второго завтрака—lunch'a, подаваемого въ часъ и состоящаго также изъ четырехъ блюдъ. Въ 4 часа—чай и въ 6^{1/2}—обѣдъ изъ шести блюдъ, не считая закусокъ—въ томъ числѣ даже зернистая икра, живая, впрочемъ, соль,—подаваемыхъ послѣ супа. За обѣдомъ дамы въ вечернихъ, кое-кто даже въ открытыхъ платьяхъ, мужчины въ смокингахъ. Въ девять часовъ вечера—опять чай, но англичане вечеромъ пьютъ его мало. Взамѣнъ дамы выжимаютъ въ горячую воду лимоны, а джентльмены поглощаютъ огромное количество whisky and soda. Поваръ прекрасный, все очень вкусно и отчасти благодаря этому, главнымъ же образомъ—морскому воздуху, даже я, при моемъ обычномъ, весьма скромномъ аппетитѣ, почти ни отъ чего не отказывался. Изъ фруктовъ чаще всего подавались бананы, но не египетскіе, не тѣ, которые распространены въ Европѣ, а индійскіе. Они крупнѣе первыхъ, не зеленого, а желтовато-краснаго цвѣта и на вкусъ гораздо нѣжнее. Подавали также и «монго»—на видъ плосковатый лимонъ, съ сухой сморщенной кожей и съ очень большой косточкой внутри, а мясо—нѣчто среднее между абрикосомъ и дыней—цвѣта темной дыни и замѣчательно вкусное.

Первый день шли открытымъ моремъ. Погода хорошая—солнечная и теплая. Качка почти не ощущалась. Великолѣпно закатывалось солнце. Огромный, темно-красный, безлучный шаръ медленно опускался надъ горизонтомъ и дойдя до воды, словно кто потянулъ его за веревочку, быстро затонулъ въ волнахъ. А съ другой стороны, уже довольно высоко, но тоже безъ лучей и еле замѣтно, двигался молочно-бѣловатый дискъ полной луны.

На слѣдующій день проходили мимо острова Крита, но такъ далеко, что земля казалась облакомъ. Погода еще лучше вчерашней, море—зеркальное. Но ночью вошли въ Ионическое море и съ утра началась порядочная качка, такъ что жена съ трудомъ одѣлась и весь день пролежала на палубѣ въ longue chais'ѣ. Переменялась и погода, небо покрылось облаками и температура замѣтно понизилась. Проходили настолько близко къ Ионическимъ островамъ, что мнѣ удалось сдѣлать фотографическій снимокъ.

На четвертый день въ 9 часовъ утра пришли въ Бриндизи. Съ моря—городокъ небольшой и по виду неважный. Вскорѣ на

пароходъ явился докторъ для медицинскаго осмотра, такъ какъ въ Индіи—чума. Процедура—довольно забавная. Всѣхъ пассажировъ загнали въ одну комнату и стали вызывать по фамиліямъ. Каждому докторъ щупалъ пульсъ и смотрѣлъ въ глаза. Хотя мы ѣхали не изъ Бомбея, но подверглись тоже осмотру. Сказалась тотчасъ же и Италія, въ образѣ явившихся на пароходъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Приѣхали съ товаромъ и нѣсколько торговцевъ. Изъ пассажировъ кое-кто съѣхалъ, но прибавились и новые. Между прочими съѣхалъ и мой сокаютникъ, оказавшійся важной птицей—Агрскимъ архіепископомъ. Важность эта, однако, не мѣшала ему быть весьма пріятнымъ и удобнымъ спутникомъ. Когда я просыпался утромъ, его въ каютѣ уже не было, а вечеромъ онъ являлся уже послѣ того, какъ я легъ.

Море въ этотъ день поуспокоилось, но воздухъ продолжалъ оставаться очень свѣжимъ. Одинъ изъ нашихъ сосѣдей за обѣденнымъ столомъ—англичанинъ, владѣлецъ чайныхъ плантацій гдѣ то въ Индіи—говорилъ, что въ день прихода нашего парохода въ Портъ-Саидъ была получена телеграмма, что въ Триестѣ выпалъ снѣгъ.

Среди пассажировъ было довольно много дѣтей и вотъ, несмотря на холодъ и подъ вліяніемъ, вѣроятно, утренней музыки, на палубѣ организовался дѣтскій балъ. Дѣтишки плясали и рѣзвились во всю, подъ звуки какого то индійскаго струннаго инструмента, въ родѣ нашей балалайки, на которомъ бренчалъ тотъ же владѣлецъ чайныхъ плантацій.

Англичане—большіе любители шахматъ. На пароходѣ оказалось четыре доски и всѣ онѣ были постоянно заняты. Однако, любительскій уровень ихъ игры, какъ кажется, не высокъ. Мнѣ удалось присутствовать при совершенно курьезной партіи. Подхожу—игра только что началась—и вижу что-то странное,—вижу — что-то не то, а сразу не пойму, въ чемъ дѣло. Ахъ, Боже мой! У одного изъ игроковъ перепутаны фигуры: кони стоятъ на мѣстѣ слоновъ! А они себѣ играютъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Были, конечно, игроки и посерьезнѣе. Въ особенности одинъ, съ окладистой черной бородой и красивымъ симпатичнымъ лицомъ. Среди прочихъ играющихъ онъ пользовался большимъ авторитетомъ, его, видимо, признавали настоящимъ maestro да, кажется, онъ и самъ считалъ себя таковымъ. Игралъ онъ въ общемъ недурно, но безъ особыхъ комбинацій и неровно. Случайно я былъ свидѣтелемъ конца одной изъ его партій. Послѣ сдѣланнаго имъ довольно эффектнаго, но неосновательнаго хода, противникъ его растерялся, не обдумалъ положенія и объявилъ, что сдаетъ партію. Я не выдержалъ и сказалъ, что сдача преждевременна, что

есть не только хорошій защитный ходъ, но что, при правильной дальнѣйшей игрѣ, сдавшій партію долженъ ее выиграть. Maestro иронически усмѣхнулся.

— Будьте такъ добры показать намъ этотъ ходъ.

Я показаль. Maestro призадумался.

— И вы говорите, что эту партію можно выиграть?

— Думаю такъ.

— Не хотите ли попробовать?

— Извольте.

Я сѣлъ и черезъ нѣсколько ходовъ объявилъ матъ. Заговорило самолюбіе, и мой партнеръ предложилъ сыграть новую партію. Я—игрокъ очень посредственный, по шахматной терминологіи—не выше третьей категоріи, и тѣмъ не менѣе справился съ нимъ очень легко.

На слѣдующій—пятый и послѣдній—день переѣзда, въ шестомъ часу вечера пришли въ Венецію. Пароходъ остановился довольно далеко отъ города. Тотчасъ же явились докторъ и таможенные чиновники. Первый осматривалъ одну команду, вторые оказались очень милыми и непридирчивыми: намъ лично не пришлось даже открывать сундуковъ. Послѣ этого, пассажировъ пересаживали на небольшой пароходикъ, а на другой—перенесли багажъ. Уже стемнѣло, когда мы причалили къ пристани, противъ дворца Дожей, въ двухъ шагахъ отъ площади св. Марка. Набережная горѣла огнями, съ «Grand Canal» неслись звуки серенадъ. Было пріятно очутиться на твердой землѣ, чувствовать подъ собой европейскую почву.

На этомъ я и кончаю эти записки. Описывать хотя бы такой интересный городъ, какъ Венеція, уже не входитъ въ мою задачу. Могу лишь посовѣтовать лицамъ, посѣщающимъ Венецію въ первый разъ, пріѣзжать въ нее не съ моря—съ моря она не интересна—а по желѣзной дорогѣ и обязательно съ вечернимъ поѣздомъ, когда уже темно. Переходъ изъ вагона прямо въ гондолу, безшумно скользящую, какъ ночная птица, по темнымъ водамъ таинственно-мрачныхъ каналовъ; почти абсолютная тишина, нарушаемая изрѣдка гулкимъ шагомъ одинокаго прохожаго на горбатомъ, низко-свѣсившемся мосту,—тишина для уха, привыкшаго къ шумливой желѣзнодорожной сутолкѣ, тѣмъ болѣе странная, почти жуткая; протяжные выкрики гондольеровъ, предостерегающіе на поворотахъ встрѣчныя гондолы,—все это производитъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе, является прекраснымъ вступленіемъ къ дальнѣйшему знакомству съ этимъ своеобразнымъ, единственнымъ въ мірѣ городомъ.

